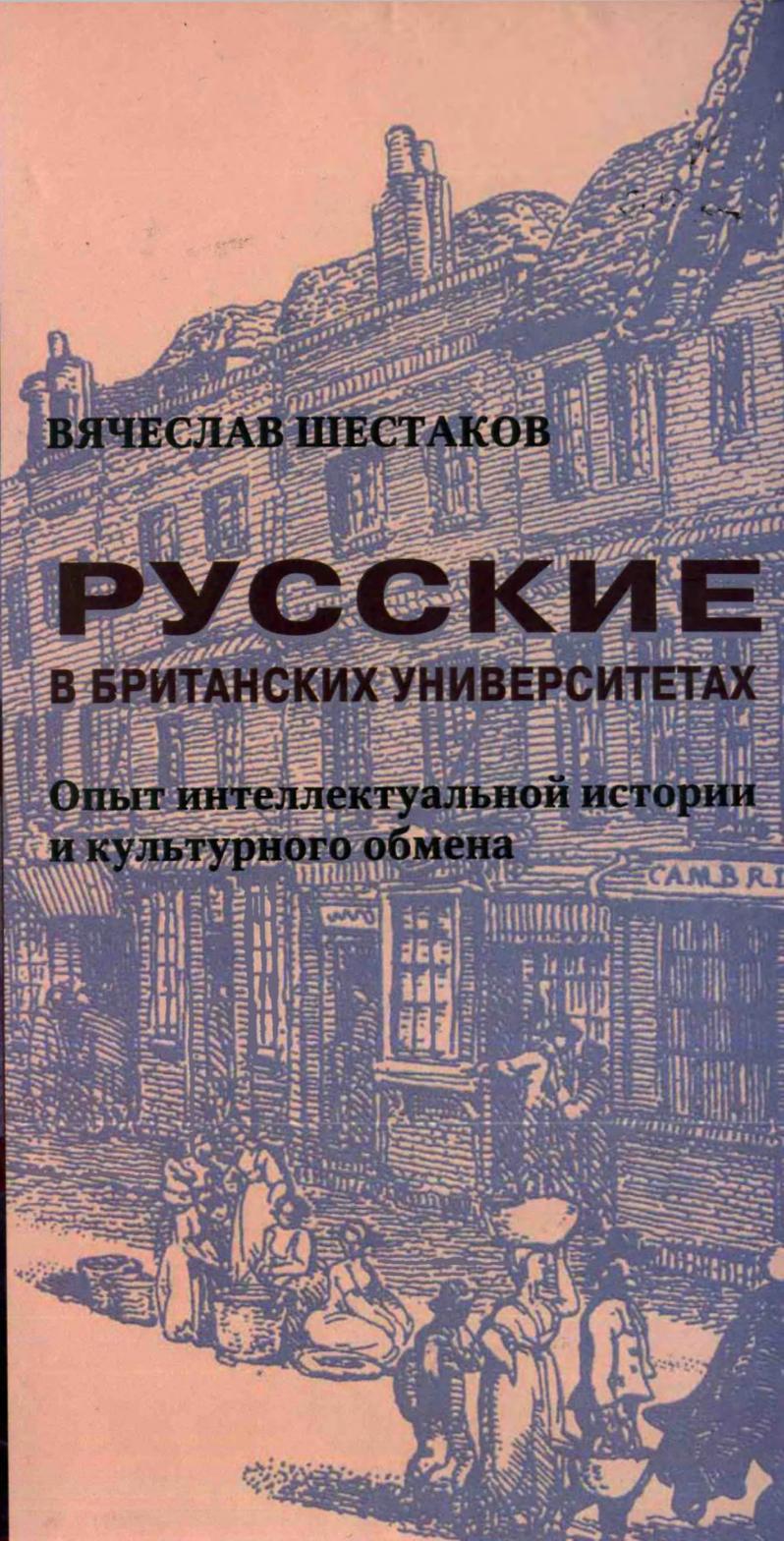

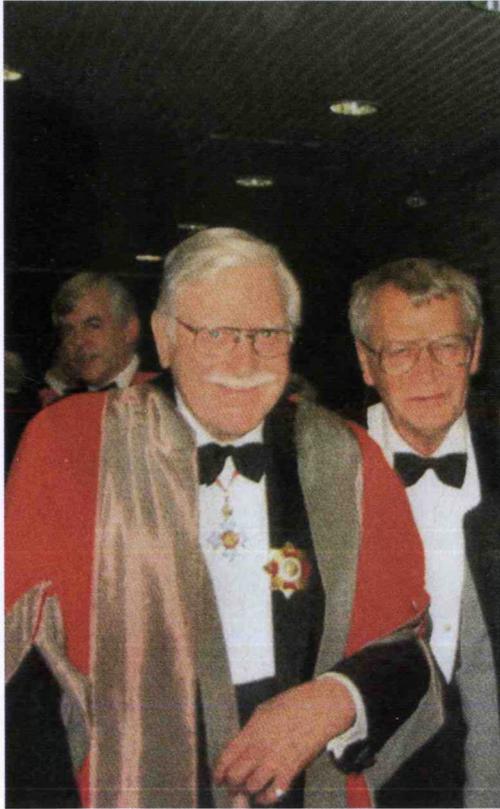
ВЯЧЕСЛАВ ШЕСТАКОВ

РУССКИЕ

В БРИТАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

**Опыт интеллектуальной истории
и культурного обмена**

Автор с профессором Ричардом Кейнсом в Кембридже

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ИНСТИТУТ КУЛЬТУРОЛОГИИ»

ВЯЧЕСЛАВ ШЕСТАКОВ

РУССКИЕ

В БРИТАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ

**Опыт интеллектуальной истории
и культурного обмена**

Нестор-История
Санкт-Петербург
2009

УДК (=161.1):378.4(410)

ББК (=Рус):74.58(4Вел)

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).
Проект № 09-03-16005д

Шестаков В.

Русские в британских университетах: Опыт интеллектуальной истории и культурного обмена. — СПб. : Нестор-История, 2009. — 304 с.

ISBN 978-5981-87352-2

Настоящая книга посвящена истории русско-британских образовательных контактов. Русские студенты появляются в английских университетах уже в XVI веке. Первоначально они посещали только Оксфорд и Кембридж — два старинных университета мира, но затем сфера интересов расширилась и на другие университеты. Начиная с XX века русские становятся не только студентами, но и преподавателями, исследователями, выдающимися учеными. Многие из них внесли существенный вклад в развитие английской культуры и науки.

Книга рассчитана на студентов, преподавателей, а также на всех тех, кто интересуется вопросами культуры и образования в современном мире.

УДК (=161.1):378.4(410)

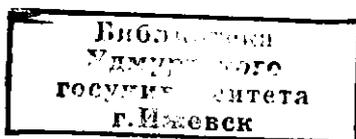
ББК (=Рус):74.58(4Вел)

878934

ISBN 978-5981-87352-2

9 785981 873522

© Шестаков В. П., 2009

© Издательство «Нестор-История», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1.	
Система образования в университетах Великобритании	17
Оксфорд: рождение университета	22
Кембридж: город и университет	42
Оксбридж	72
Краснокирпичные университеты.....	78
Глава 2.	
Становление университетской науки: традиции и новаторство.....	88
Глава 3.	
Литературная история Оксбриджа.....	110
Глава 4.	
Русские в британских университетах в XVII–XIX веках	146
Первые русские в Кембридже.....	146
Англо-русские связи при Петре I и Екатерине II ..	154
Grand Tour Екатерины Дашковой по Англии и Шотландии.....	165
Русские медики в Эдинбурге.....	170

Образовательные одиссеи российских художников в Англии	171
Русские в Англии в XIX веке	183

Глава 5.

Выдающиеся русские в британских университетах в XX веке	190
В. В. Набоков	197
П. А. Капица	204
Н. М. Бахтин	218
Л. Ф. Лопухова	224
Б. В. Анреп	236
А. С. Безикович	241
Д. П. Святополк-Мирский	245
Г. П. Струве	249
С. А. Коновалов	251
Д. Д. Оболенский	253
Н. М. Зернов	260
Н. Д. Городецкая	267
Исайя Берлин	269
Н. Д. Лобанов-Ростовский	272
Р. Д. А. Скидельски	273
Заключение	282
Список литературы	287
Именной указатель	291

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга в известной мере носит автобиографический характер, поскольку я сам, хотя и недолго, преподавал в Великобритании. В 1992–1993 году в качестве приглашенного профессора (*visiting professor*) я читал лекции по истории искусства в Уэльсе, в городе Свонзи, что дало мне возможность познакомиться с системой образования Южного и Северного Уэльса. В Уэльсе я написал свою первую книгу на английском языке, посвященную теме философии любви и ее отражению в европейском искусстве¹. Рукопись этой книги просматривал выдающийся историк искусства XX века Эрнст Гомбрих, и его замечания существенно помогли мне.

Но в последующее время большую часть времени я проводил в Оксфорде и Кембридже. Это давало возможность

¹ *Philosophy of Eros and European Art*. Lampeter: The Edwin Mellen Press, 1996. Это издательство в Уэльсе публикует академическую литературу, продает ее с номером и апробацией Библиотеки Конгресса США, но, к сожалению, никогда не платит авторам ни копейки, продавая книги по довольно высокой цене. Моя книга до сих пор продается, но издатели отказываются сообщить мне проданное количество экземпляров. Тем не менее, я благодарен этому издательству за интерес к теме моего исследования, которое я завершил в Свонзи и опубликовал без всякой редакционной и издательской помощи, за исключением твердого переплета и твердой цены на книгу, которую получает это издательство в скромном валлийском городке Лампетер.

жить в различных колледжах, пользоваться всеми правами преподавателей, встречаться с выдающимися учеными, работать в библиотеках и на факультетах и, что, по-видимому, было самым ценным, знакомиться с традициями одного из самых старинных в Европе университетов. Начиная с этого времени, изучая особенности английского национального характера, я написал десяток книг об английской истории, культуре и искусстве¹.

Разделение на колледж и университет идет от средних веков, когда студенты сами должны были зарабатывать себе на жизнь и учебу. Принадлежность к колледжу очень важна. Выпускники его навечно остаются в списках колледжа и имеют право периодически возвращаться и жить в колледже. Выпускники Кингз, Квинз, Клэр, Крайст, Пембрук и многих других колледжей составляют сообщества, которые поддерживают связи друг с другом и с колледжем всю жизнь.

Бертран Рассел называл Кембридж и Оксфорд, или сокращенно Оксбридж, островами средневековья в океане современной цивилизации. Действительно, здесь парадоксально сочетаются прошлое и настоящее, средневековье, сохранившееся в традициях и готическом облике зданий, и самая передовая в мире наука. Кембридж связан с именами великих ученых и писателей, здесь работали и учились Исаак Ньютон, Чарльз Дарвин, Эразм, Джон Мильтон, Оливер Кромвель, Теннисон, Драйден, Эрнест Резерфорд, Ален

¹ Мой Шекспир. Гуманистические темы в творчестве Шекспира. М.: Славянский диалог, 1999; Генри Фюзели: Дневные мечты и ночные кошмары. М.: Прогресс-Традиция, 2002; Уистен Оден. Лабиринт. Перевод, предисловие и комментарии. М.; СПб: Летний сад, 2003; Интеллектуальная история Кембриджа. М.: РИК, 2004; Гиллрей и другие. Золотой век английской карикатуры. М.: РГГУ, 2004; Прерафаэлиты: религия красоты. М.: Прогресс-традиция, 2004; «И в одиночестве и вместе». Семь современных английских поэтов. Предисловие и перевод. СПб.: Азбука, 2005; Интеллектуальная биография Эрнста Гомбриха. М.: РГГУ, 2006; Чарльз Коусли. Я – солнце большое. Предисловие, перевод и комментарии. М., 2006; Шекспир и итальянский гуманизм. М.: URSS, 2008; История английского искусства. От средних веков до наших дней. М.: Галарт, 2009.

Милн, Льюис Кэрролл, Генри Джеймс, Джон Мейнард Кейнс, Людвиг Виттгенштейн.

Жизнь в Кембридже и Оксфорде предоставляет огромные возможности для научных контактов преподавателей и ученых, что отличает их от американских университетов. Кембридж и Оксфорд – это университеты в первую очередь для преподавателей, а потом уже для студентов. В США преподаватели университетов даже не имеют специального места для встреч, тогда как в английских университетах существуют обязательные Senior Combination Room – комнаты, где профессора читают газеты, журналы и за чашкой кофе обсуждают проблемы науки и преподавания.

Колледжи стремятся предоставить студентам и преподавателям максимум комфорта. Библиотека колледжа открыта ежедневно, вы можете работать в ней или брать из нее книги в любое время дня и ночи. Колледжи предоставляют своим членам компьютеры, и каждый член колледжа, включая первокурсников, получает свободный доступ к Интернету. В колледже постоянно проходят выставки, встречи, студенческие вечеринки и праздники.

Кембридж и Оксфорд с давних пор открывали двери для иностранных студентов. Бывали здесь и многие русские. Английский историк Энтони Кросс, блестящий специалист по русско-английским связям в XVIII веке, в своей книге «Россия на берегах Темзы» описывает судьбу русских студентов, учившихся в Оксфорде и Кембридже уже с XVI века. Правда, в Кембридже не было такой большой колонии русских, как в Оксфорде, где сегодня существует даже православная церковь и библиотека русской религиозно-философской литературы. Но здесь жили, учились и работали выдающиеся русские ученые и писатели, в частности, такие, как Петр Капица и Владимир Набоков.

Сегодня в Кембридже и Оксфорде учатся многие студенты из России, сюда приезжают русские ученые. Но их знание о Кембридже часто сводится к чисто туристским впечатлениям. Дело в том, что Кембридж живет не только в одном – пространственном, но и в другом – временном измерении. На это обстоятельство указал в своих воспоминаниях о Кембридже Владимир Набоков. Пространство Кембриджа, в осо-

бенности старого города, невелико, практически его можно обойти за каких-нибудь полчаса. Но Кембридж принадлежит не только новому, но и прошлому времени, это как минимум восемь веков, насыщенных событиями, интеллектуальными поисками и научными открытиями. Этот исторический Кембридж непросто увидеть за цветными витражами соборов, в прохладных, затемненных переходах студенческих общежитий, напоминающих монашеские кельи. Это историческое время спрессовано в древних рукописных книгах, украшенных яркими миниатюрами, оно — в картинах, украшающих обеденные залы и библиотеки колледжей, в скульптурах, запечатлевших образы великих людей прошлого, учившихся в Кембридже, в традициях и кодексах поведения.

Цель настоящей книги — показать Кембридж, Оксфорд и некоторые другие университеты извне и изнутри, рассказать об их истории, отношении города и университета, о роли и судьбе многих русских, как студентов, так и преподавателей, учившихся и работавших в британских университетах. История британских университетов не безымянна. Это в первую очередь история людей, с ними связанных.

Идея написать книгу об Оксфорде и Кембридже появилась у меня, по-видимому, случайно. Вдруг возникло желание рассказать то, что я на своем опыте узнал об этом городе-университете, о знаменитых людях, которые уже ушли из жизни, и о тех, с кем посчастливилось встречаться, в частности, с физиком Германом Бонди, биологом Ричардом Кейнсом, философом Джорджем Стайнером и многими другими.

Правда, был, очевидно, и какой-то подспудный, быть может, мистический опыт, подведший меня к написанию этой книги. Однажды, когда наш сын учился в Оксфорде, мы с женой навещали его, и мастер Модлен-колледжа Энтони Смит, который в настоящее время возглавляет фонд «Оксфорд-Россия», пригласил нас на несколько дней пожить в его лоджии. Эта часть колледжа — самая старинная, она относится, если мне не изменяет память, к XV веку, в ней находится архив и библиотека колледжа, большое количество старинных портретов. Очевидно, атмосфера средневековья повлияла на меня, и ночью мне приснился странный сон.

Как будто я услышал во сне фразу, причем на английском языке, — **«ты ответственен за все человеческие души»**. Эта фраза прозвучала так громко и внятно, что я немедленно проснулся и в недоумении повторял ее. Я рассказал о своем сне жене и Энтони Смигу. Помню, они посмотрели на меня как на сумасшедшего. Я и сам был в недоумении: почему такое невыносимое бремя ответственности за все человеческие души ложилось на меня? И что я могу сделать, услышав это напутствие или наказ? В общем, мой сон, при всей его реальности, показался мне бессмыслицей. Но смысл какой-то, как оказалось позже, все-таки был.

Через несколько лет, бродя по Кембриджу, я обнаружил скрытое от всех, огороженное кустарником и вековыми деревьями старинное кладбище. К нему вела небольшая тупиковая улочка «Всех душ» (All Souls). Я нашел его случайно, до того я не видел его на карте города, не читал о нем в путеводителях. Слепой случай, а может быть, сама судьба вывели меня к нему. На кладбище, как оказалось, похоронены потомки Чарльза Дарвина, философ Людвиг Витгенштейн, первый мастер Черчилль-колледжа физик Джон Кокрофт, антрополог Джеймс Фрэйзер, автор книги «Золотая ветвь», и многие другие выдающиеся люди, жившие в Кембридже. Быть может, голос, который я услышал во сне, говорил мне о том, что я должен взять на себя ответственность за память тех великих людей, которые почил на кладбище «Всех душ»? Конечно, можно считать все это мистикой, но это единственное объяснение моего странного сна, увиденного в старинном здании колледжа Св. Магдалины.

Все эти, быть может, случайные, а может быть, и предопределенные причины привели меня к написанию этой книги. Книга об истории Кембриджа вышла в 2004 году в Российском институте культурологии. Тираж ее был небольшим, всего 500 экземпляров, и Институт, не имея сети книжных магазинов, не был в состоянии распространять ее. Поэтому она осталась неизвестной ни широкому читателю, ни специалистам. Самым оригинальным разделом этой книги была, как оказалось, глава «Русские в Кембридже», где рассказывалось о русских, сыгравших большую роль в развитии университета.

Теперь возник замысел расширить этот раздел и написать специальную книгу на эту тему. Тем более что огромная часть работы была уже выполнена до меня и только нуждалась в обобщении и систематизации. Во-первых, грандиозную работу о русских в британских университетах в XVIII веке провел профессор Энтони Кросс. Его книга «У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке» была опубликована на русском языке в 1996 году. В истории того, как в Англии появлялись первые русские, я целиком опираюсь на это фундаментальное исследование.

Что касается XX века, то здесь неоценимую пользу оказала книга О. А. Казниной «Русские в Англии». Хотя в ней рассматривается не только университетская сфера, но в первую очередь политики и дипломаты, в ней содержатся ценные материалы о русских, учившихся и работавших в английских университетах.

В заключение хотелось бы выразить благодарность всем тем, кто способствовал написанию и публикации этой книги. Прежде всего, я благодарен историку Марку Голди из Черчилль-колледжа за его ценные советы и предоставленные им рукописи, посвященные истории этого колледжа. Особую признательность хотелось бы выразить старейшим кембриджским профессорам Герману Бонди и Ричарду Кейнсу, с которыми мне удалось встречаться, беседовать и пользоваться их биографическими материалами. Особая благодарность библиотекарям Кристоферу де Хэмелу, автору замечательных книг о средневековых рукописях, и Джилл Кэннел из колледжа «Корпус Кристи», познакомившим меня с шедеврами средневековых рукописей в Библиотеке Паркера, а также библиотекарю Модлен-колледжа Оди Фитцсимонс, предоставившей возможность работать над собраниями книг и рукописей в знаменитой Библиотеке Пипа.

В особенной степени мне хочется выразить признательность профессору Ричарду Кейнсу, праправнуку Чарльза Дарвина и племяннику экономиста Мейнарда Кейнса. В 1999 году в Черчилль-колледже праздновался его 80-летний юбилей. Узнав, что я пишу книгу по истории Кембриджа, Ричард Кейнс пригласил меня к себе домой. Он рассказал мне о многих русских, которых он повстречал в Кембридже —

прежде всего об экстравагантной жене своего дяди Лидии Лопуховой, затем о Петре Леонидовиче Капице, с которым он неоднократно встречался, о математике Абраме Самойловиче Безиковиче, о византологе Дмитрие Дмитриевиче Оболенском. Он всех их хорошо помнил. Я попросил его записать свои воспоминания. Признаюсь, я не был очень уверен в том, что престарелый профессор выполнит свое обещание. Но через неделю я получил от него электронное письмо. Оно было коротким, но это было свидетельство очевидца. Думаю, что эти воспоминания стоят десятков книг. Поэтому привожу их здесь целиком:

«As I remember, there are always some Russians in Cambridge. Through good chance I was acquainted with several of the Russians who are remembered with great affection in Cambridge.

At the head of my list must be the famous Russian dancer Lydia Lopokova, to whom my uncle the economist John Maynard Keynes was married in 1925, and to whom by a curious coincidence she had written on 29 February 1924. "I saw an atom this afternoon. I was taken to the Cavendish Laboratory where the physicists make their extraordinary experiments, and two companions explained things to me. It was interesting. One of the two was a young Russian called Peter Kapitza. He had made a wonderful instrument and seemed very clever, I thought".

I do not think that Maynard Keynes remained in close contact with Peter Kapitza, but Lydia had a wide circle of devoted friends in Cambridge, whom she delighted with the frankness and wisdom of her comments, not only on theatrical and artistic matters but also on many other topics, delivered in her own special version of an English often deliberately misused but always sure to charm. A few years after her husband's death in 1946, she moved permanently to his house in Sussex, where we visited her regularly until she died in 1981.

In July 1921 a young Russian physicist Piotr Leonidovich Kapitza came to Cambridge on a scientific visit and went to the Cavendish Laboratory to talk to Ernest Rutherford. He was cordially received, but when he then enquired whether he might work in the Laboratory for a few months, Rutherford replied that regrettably there was not enough space for him. It is related that Kapitza countered unexpectedly by asking at what accuracy Rutherford

aimed in his experiments? When told that the answer was 2 or 3%, Kapitza cheerfully pointed out that since there were already about 30 researchers at the Cavendish, one more would scarcely be noticed because he would be within the experimental error. This ingenious response was well received, and Kapitza quickly became enough of a favourite of the formidable Rutherford to be allowed always to address him straight to his face as “the Crocodile”, because of his habit in pursuit of a scientific problem of going straight forwards with gaping jaws.

Kapitza was soon admitted to Trinity College, where he became a very popular Research Fellow, and in 1929 he was elected to Fellowship of the Royal Society. His researches flourished, first through his invention of a new technique for generating briefly very large magnetic fields, and then for his elegant experiments on the behaviour of helium at very low temperatures. But unfortunately, at the end of one of his regular visits to the Soviet Union in 1934, he was firmly refused permission to return to Cambridge, and was obliged to remain for the rest of his life in Moscow conducting his researches at a new Institute for Physical Problems to which the instruments that he had designed were transferred. In 1966 he was permitted to return to England after a lapse of 32 years to receive the Rutherford Medal of the Institute of Physics, and I was happy to have an opportunity of talking to him at Churchill College, where his old friend John Cockcroft had become Master, and where he was elected in 1974 to an Honorary Fellowship. In 1978 he was belatedly awarded the Nobel Prize for his work on low temperature physics, and in 1984 he died in Moscow at the age of 87.

In 1924 Abram Samoilovitch Besicovitch left Russia, and after working for a year in Denmark came to England, where with the support of the eminent mathematician G. H. Hardy he made his way to Cambridge, and in 1927 became a University Lecturer, succeeding to the prestigious Rouse Ball Professorship in Mathematics in 1950. Three years after his arrival in Cambridge he was elected to a Fellowship at Trinity College, where he remained as a much-loved figure for the next 40 years. One characteristic that he retained to the end of his days was a firm refusal to admit to the existence of the definite article in the English language, and it is said that during one of his lectures an undergraduate tittered at its

persistent absence. "Gentlemen", said Besicovitch, "there are fifty million Englishmen speak English you speak; but there are five hundred million Russians speak English I speak". The tittering quickly stopped. Well do I remember the passionate speech that I heard him make in 1949 defending an aged avenue of lime trees at a meeting of the Fellows in Trinity, when he considered that his juniors were overhasty in wanting them to be replaced. He always felt strongly about the state of the College gardens, and during the 1939–1945 war when gardeners were in short supply he was regularly to be seen helping to cut the grass in the courts with a small hand mower. It was typical of his thoughtfulness that on his death in 1970 he made bequests to all of the bed makers who had looked after him when he lived in Trinity.

It was in 1938 when we were both undergraduates at Trinity that I first met Dimitri Dimitrievich Obolensky. He had been educated partly in France and partly in England, and differed in one respect from the other Russians on my list in speaking an elegant English that could not be faulted. He became a leading authority on the mediaeval history of Eastern Europe, and particularly on religious and cultural problems. After graduating brilliantly, he was briefly a lecturer in Russian in Cambridge, but in 1950 he was attracted to Oxford by a Readership. There he remained for the rest of his life as a Student (Fellow) of Christchurch, in due course with a personal Professorship in the University. But it was a pleasure to see him occasionally in Trinity, which made him an Honorary Fellow in 1991.

The academic distinction that all these Russians brought to Cambridge in such varied fields goes without saying, but what in my experience united them all was their outstanding friendliness and charm. We greatly look forward to seeing more of them in the future».

*Professor Richard Keynes,
Churchill College.*

«Насколько я помню, в Кембридже всегда присутствовали русские, которые придавали университету особую атмосферу. Благодаря счастливому случаю, я встречался с некоторыми из тех русских, которых и до сих пор с хорошим чувством вспоминают в Кембридже.

Прежде всего, это русская балерина Лидия Лопокова, на которой мой дядя, экономист Джон Мейнард Кейнс, женился в 1925 году. Я до сих пор помню его несколько курьезное письмо к ней: “Сегодня в полдень я видел атом. Меня привели в лабораторию Кавендиша, в которой физики проводят удивительные опыты, и двое из них сопровождали меня и рассказывали об этих опытах. Было очень интересно. Один из этих двух — молодой русский по имени Петр Капица. У него замечательное оборудование, и мне показалось, что он очень умный”.

Я не уверен в том, что Мейнард Кейнс был близко знаком с Капицей, но Лидия имела в Кембридже широкий круг близких друзей, которые всегда получали удовольствие от ее откровенных и остроумных замечаний, касающихся не только театральных и художественных предметов, но многих других сюжетов. Хотя все это она выражала на специфическом английском языке, в котором было много ошибок, ее комментарии всегда обладали очарованием. Через несколько лет после смерти мужа, последовавшей в 1946 году, она переехала из Кембриджа в Сассекс. Мы постоянно навещали ее там до самой ее смерти в 1981 году.

В июле 1921 года молодой русский физик Петр Леонидович Капица приехал в Кембридж с научным визитом и встретился в лаборатории Кавендиша с Эрнстом Резерфордом. Капица был сердечно принят, но когда он спросил, не может ли он поработать несколько месяцев в лаборатории, Резерфорд ответил отрицательно, так как в лаборатории не было достаточно места. Неожиданно Капица задал Резерфорду вопрос: “Скажите, какова степень допустимых погрешностей в ваших исследованиях?”. Тот ответил, что около 3%. На что Капица заметил, что поскольку в лаборатории насчитывается 30 исследователей, его присутствие никто не заметит, так как в процентном отношении он будет в пределах допустимых ошибок. Этот находчивый ответ открыл Капице дверь в лабораторию Кавендиша, и вскоре он стал одним из любимых сотрудников Резерфорда, настолько, что ему позволялось открыто называть Резерфорда “Крокодилом” за то, что тот имел привычку прямо, выдвинув челюсть вперед, стремиться к решению научных проблем.

Очень скоро Капица стал членом Тринити-колледжа, где он получил должность исследователя, а в 1929 году он был избран членом Королевского общества. Его работа подвигалась успешно благодаря изобретению новой технологии для исследования малых частиц в сильном магнитном поле. Кроме того, он проводил очень элегантные опыты с гелием при очень низ-

ких температурах. Но, к сожалению, во время одного из регулярных посещений СССР в 1934 году он не получил разрешения вернуться в Кембридж и должен был до конца своей жизни оставаться в Москве, где он продолжал свои исследования в новом Институте физических проблем, куда были переданы изобретенные им в Кембридже инструменты. Только в 1966 году, через 32 года отсутствия, он вернулся в Англию для получения памятной медали Резерфорда в Институте физики. Я имел удовольствие беседовать в это время с ним в Черчилль-колледже, где его друг Джон Кокрофт стал мастером. В 1974 году Капица был избран почетным членом этого колледжа. А в 1978 году он был награжден Нобелевской премией за работы по физике низких температур. Капица умер в Москве в 1984 году в возрасте 87 лет.

В 1924 году Россию покинул Абрам Самойлович Безикович. Поработав год в Дании, он приехал в Англию, где при поддержке знаменитого математика Д. Харди он получил возможность работать в Кембридже. Здесь в 1927 году он получил должность лектора, а в 1950 году удостоился престижного поста профессора математики. Через три года после прибытия в Кембридж он был избран членом Тринити-колледжа, и здесь он в течение последующих сорока лет оставался популярной личностью. Одна из его особенностей состояла в том, что он не признавал в английском языке артиклей. Иногда это служило поводом для насмешек над его речью. “Джентльмены, — сказал на одной из своих лекций Безикович, — 50 миллионов англичан говорят по-английски так, как говорите вы, но 500 миллионов русских говорят по-английски так, как говорю я”. После этого насмешки прекратились.

Я вспоминаю взволнованное выступление Безиковича в 1949 году на собрании членов Тринити-колледжа. Он выступал в защиту липовых деревьев в связи с тем, что кто-то из молодых членов колледжа предложил их пересадить. Он всегда очень заботился о состоянии парка в колледже, и в течении всего военного времени с 1939 по 1945 год, когда было мало садовников, его можно было видеть помогающим стричь траву с помощью маленькой ручной косилки. Характерно было и то, что после своей смерти в 1970 году он завещал часть своего состояния тем, кто убирал его комнату в колледже.

В 1938 году, будучи студентом, я встретил в Тринити-колледже еще одного русского — Дмитрия Дмитриевича Оболенского. Он получил образование отчасти во Франции, отчасти в Англии, и, в отличие от многих русских, с которыми я

встречался, он говорил на прекрасном английском языке без всяких ошибок. Вскоре он стал ведущим авторитетом в области средневековой истории Западной Европы, в особенности по проблемам религии и культуры. После блестящего окончания университета он на короткое время становится преподавателем русского языка и литературы в Кембридже, но в 1950 году ему предлагает преподавательское место Оксфорд, где он получает должность и звание профессора. Но я с удовольствием вспоминаю, что в 1991 году кембриджский Тринити-колледж сделал его своим почетным феллоу.

Нет необходимости говорить о том выдающемся вкладе, который эти русские внесли в кембриджскую науку, но что объединяет их всех в моей памяти — это их исключительное дружелюбие и личное очарование. Я надеюсь, что в будущем еще встречу подобных людей, представляющих Россию».

*Профессор Ричард Кейнс,
Чёрчилль-колледж*

Так Ричард Кейнс, потомок Дарвина и родственник экономиста Мейнарда Кейнса, оценивает роль русских ученых в Кембридже, с которыми он встречался в университете. Я думаю, что он не единственный англичанин, который сохранил добрую память о русских в университете Кембриджа и Оксфорда. Мне кажется, что сегодня в условиях охлаждения между нашими странами, вызванного политическими и бюрократическими неурядицами, такие чисто человеческие чувства представляют большую ценность. Наука и образование представляют прочный мост между Россией и Великобританией, и нужно сделать все возможное, чтобы этот мост, простояв четыре века, не обрушился под ураганными ветрами новой холодной войны.

ГЛАВА 1.

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В УНИВЕРСИТЕТАХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Англия — страна, в которой появились старейшие европейские университеты. Оксфорд и Кембридж и до сих пор сохраняют свою лидирующую роль и в образовании, и в науке. При этом система образования, принятая в этих университетах, основана на древних традициях и существенно отличается от других университетов мира.

Что в наибольшей степени характеризует эту систему? Прежде всего, высшее образование в этой стране по своим целям, структуре и методу имеет очевидный элитарный характер. Его целью является воспитание и образование научной, политической и интеллектуальной элиты. Эта цель никогда не скрывалась, а, напротив, закреплялась системой инструкций и законодательных актов.

В Англии сравнительно небольшое количество университетов. По количеству университетов на один миллион населения Англия, по данным ЮНЕСКО, стоит в Европе на четвертом месте от конца, обгоняя лишь такие страны, как Ирландия, Турция и Норвегия. Университетское образование, тем более в Оксфорде или Кембридже, доступно далеко не всем. Только 4% английских школьников попадают со школьной скамьи в университет (по сравнению с 30% в США). Для этого они должны учиться или в так на-

зываемой «паблик скул», то есть, на самом деле, в частной школе, откуда в университет попадает 35% учащихся, либо в «грамматической школе», из которой в университет приходят 27%. Те же, кто учится в технических или «новых» (secondary modern) школах — а в них учатся более 60% английских школьников — вообще доступа в университет не имеют.

Таким образом, уже в системе среднего образования заложена необходимость жесткого соревнования и отбора. Причем отбор этот далеко не всегда производится по интеллектуальному критерию, а, скорее, по социальному и сословному. Ведь в «публичные школы», где обучение стоит довольно дорого, попадают только дети состоятельных родителей — банкиров, адвокатов, служителей церкви, аристократических семей. Грамматическая и «публичная» школы готовят новую касту, для которой доступ в университет более свободен, чем для выпускников других школ. Так, с самого начала английское образование приобретает элитарное значение. Если, согласно Образовательному акту 1914 года, среднее образование доступно всем, то университетское образование доступно немногим.

Развитие университетского образования в Англии складывается из нескольких периодов. Первый — это средневековый, когда были основаны Оксфорд и Кембридж, которые на протяжении веков, вплоть до настоящего времени, сохраняют доминирующее положение в системе образования. В течение этого времени они с трудом подвергались модернизации.

Курс учебы был продолжительным, он занимал обычно 7 лет. Студенты поступали в университет в 14 лет, и если они не прерывали занятий, то завершали обучение в 21 год. Но чаще всего студенты приходили и уходили из университета, так что некоторые оставались студентами на всю жизнь. Жизненный уклад был строгий, основанный на принципе «рано засыпать, рано вставать» (early to bed, early to rise). Студенты жили в неотапливаемых помещениях с каменным полом. Экономя свечи, они ложились спать в 8 часов вечера, но зато вставали уже в 4 утра. День начинался со службы в церкви, затем начинались занятия. Студенты общались

между собой на греческом или латыни. Предметом их изучения были семь свободных искусств, свободных, потому что их изучение не вело к добыванию денег. Начальный курс назывался «*trivium*», он включал грамматику, риторику и логику. Грамматика предполагала обучению письму, спеллингу и начаткам литературы. Риторика обучала правильно говорить — это искусство было чрезвычайно важным в условиях, когда не существовало доступных книг. Наконец, логика учила правильно мыслить, по законам, предписанным Аристотелем.

За «тривиумом» следовал «*quadrivium*» — арифметика, геометрия, астрономия и музыка. Арифметика учила свойствам чисел и счету. Геометрия предполагала знания Эвклида. Астрономия на самом деле была астрологией и давала практические знания о календарях и временах года. Музыка не имела ничего общего с игрой на инструментах, но была основана на изучении символики чисел и элементарной музыкальной грамоте.

За недостатком бумаги и книг, обучение основывалось на устном методе и предполагало зубрежку. Книги были дороги и часто приковывались цепями к библиотечным полкам. Лишь постепенно система свободных искусств уступала место изучению конкретных знаний. Фактически средневековый Кембридж, так же, как и Оксфорд, был школой философии и теологии, студенты занимались главным образом библейской историей, логикой, физикой, метафизикой и этикой Аристотеля. Занятия длились всего полгода, так как летом студенты должны были заниматься сбором урожая¹. Эта система, предполагающая многочисленные каникулы, сохранилась в Кембридже и сегодня.

Модернизация Оксфорда и Кембриджа произошла в XVI–XVII вв., когда гуманисты ввели в систему образования новые дисциплины: древние языки, физику, математику, астрономию. Изменилась и система экзаменов: из устной, состоящей из вопросов и ответов, она стала письменной.

Новый период в развитии университетского образования начался в эпоху индустриальной революции. Поскольку Окс-

¹ Rait R. Life in Medieval University. Cambridge, 1912.

форд и Кембридж с его старинными традициями был глух к веяниям времени, то, как альтернатива Кембриджу и Оксфорду, в XIX и в начале XX веков появился целый ряд новых университетов, которые стремились в большей мере соответствовать потребностям индустриальной революции, к которой Оксфорд оставался равнодушным. Не будучи в состоянии нарушить монополию Оксфорда и Кембриджа в системе университетского образования, новые университеты создавали альтернативный путь. В этих университетах наибольшее внимание уделялось изучению инженерии и технологии. Поскольку они строились из современных строительных материалов, эти университеты часто называют краснокирпичными (redbrick). Среди них были университеты в Дарэме (1832), Лондоне (1836), Манчестере (1880), Бирмингеме (1900), Ливерпуле (1903), Лидсе (1904), Шеффилде (1905), Бристоле (1909), Ридинге (1926).

Уже после Первой мировой войны появилось осознание роли и необходимости университетов. Еще Чемберлен говорил, что «соревнование университетов не менее важно, чем сражение броненосцев». После Второй мировой войны появилось 14 новых университетов, в том числе в Ноттингеме, Киле, Кенте, Ньюкасле, Йорке, Эксетере. В последнее время количество университетов увеличилось в связи с тем, что этот статус получили многие политехнические учебные заведения, которые приобрели довольно странное название «политехнический университет». Количество студентов, учащихся в этих университетах, увеличилось в два-три раза по сравнению с довоенным временем. Иными словами, Англия стала осуществлять завет Черчилля строить на месте старой империи – новую империю, «империю ума».

Однако, несмотря на возникновение новых университетов, лидирующую роль по-прежнему сохраняют университеты Оксфорда и Кембриджа. Анализируя систему высшего образования в Великобритании, Р. Андерсон пишет: «Особенность высшего образования в Великобритании проявляется в следующих двух моментах: первое – это господство Оксфорда и Кембриджа, и второе – привилегированное положение “публичных” школ как пути в университетское об-

разование и элиту»¹. На этом, по его словам, основана традиционная британская «образовательная иерархия».

Конечно, со временем Оксфорд и Кембридж вышли за рамки средневековой системы знания и стали обучать студентов современной системе знания, включая физику, математику, биологию, астрономию. Но средневековые традиции, так же как и средневековые привилегии, сохранились и старательно культивируются вплоть до сегодняшнего дня.

Кембридж всегда был не только национальным, но и международным научным центром. Еще в 1627 году Джон Гарвард, студент Эммануэль колледж, эмигрирует в Америку, где в 1639 году создает по образцу Кембриджа университет в штате Массачусетс, который сегодня носит его имя. На протяжении многих столетий Кембридж поддерживал связи с университетами и учеными других стран.

Система высшего образования в Великобритании основывается на общенациональном академическом стандарте, который тщательно соблюдается системой инспектирования и участием в экзаменационных сессиях представителей других университетов. Этим английская система образования отличается от американской, в которой отсутствует национальный стандарт. Каждый американский университет обладает исключительным правом на самостоятельную программу обучения и отличается полным равнодушием к тому, как и что преподается в соседнем университете. Каждый из них — остров, который управляется собственным правительством. Это обстоятельство признают американские педагоги и деятели образования. «В США учреждения, относящиеся к системе высшего образования, совершенно автономны и изолированы, они не имеют никакой организационной связи друг с другом. В большинстве штатов все эти учреждения ориентируются исключительно только на себя»².

Ориентация на единый академический стандарт отличает все английские университеты, как Оксфорд и Кембридж,

¹ Anderson R. D. *Universities and Elites in Britain since 1800*. London, 1922. P. 10.

² Russel J., Judd Ch. *The American Education System*. Cambridge, Mass., 1940. P. 314.

так и краснокирпичные университеты. Это, так сказать, общанглийская особенность. Но система образования, принятая в Оксфорде и Кембридже, отличается своими особенностями. Прежде всего, ни один из новых, краснокирпичных университетов, возникших в стране за последнее столетие, не имеет системы колледжей, которые обеспечивают систему жизнедеятельности в Оксбридже. Нигде, как в Оксбридже, не развита так система тьюторинга, дающая там возможность постоянного персонального контакта между студентом и преподавателем. Эти две особенности свойственны только Оксфорду и Кембриджу, и хотя некоторые университеты пытаются ей подражать, но как система она существует только там.

Ниже мы попытаемся более подробно рассмотреть то, как развивалась система университетского образования и в старинных университетах Оксфорда и Кембриджа, и в новых университетах, основанных в XIX–XX веках как альтернатива Оксбриджу.

ОКСФОРД: РОЖДЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТА

Из истории города и университета

Оксфорд — более старинный университет, чем Кембридж, он опережает его на несколько десятков лет. Но история возникновения университетов Оксфорда и Кембриджа сходная, хотя, как уже говорилось, между ними есть существенные различия.

В раннем средневековье на месте Оксфорда находился небольшой городок на берегу Темзы. Известно, что в VII веке здесь существовал женский монастырь. В это время в городе был построен собор Крайст Чёрч, который сохранился и поныне. Впоследствии этот монастырь стал прибежищем монахов-августинцев. В XI–XII веках в монастырях Оксфорда существовали монастырские школы. Оксфорд приобретает особое значение при короле Генрихе I, который правил с 1100 по 1135 годы. Он поддерживал здесь образование, давал стипендии бедным студентам.

В период царствования Генриха II Оксфорд приобретает новых ученых. В 1167 году английские ученые из Парижского университета вынуждены были вернуться на родину из-за разногласий царствующих фамилий. Многие из них поселились в Оксфорде, принеся с собой систему образования *studia generale*, принятую в Парижском университете. Они преподавали светские предметы и называли себя *masters*. Это создавало гильдию, получившую название *universitas*. Появление этой новой системы образования заставила епископа из Кентербери, центра католической религии, прислать в Оксфорд надзирателя, получившего название *chancellor*. Впоследствии *masters* стали сами выбирать *chancellor*, который превратился в президента университета — должность, которая существует и до сих пор. Первым таким президентом был Роберт Гроссетест (1168–1253), человек большой учености, который сделал многое для того, чтобы Оксфорд стал на уровень лучших университетов Европы.

Начиная с этого времени в Оксфорде, как и в Кембридже, формируется система образования, основанная на двух важнейших институтах: колледж и университет. Это характерная особенность английской высшей школы. Университет обладал лекционными залами, а колледж предоставлял студентам еду, постель, безопасность, а позднее и стипендию. Колледжи обладали автономным руководством, избирали новых членов, принимали на время новых посетителей — *visitors*, которые платили за это колледжу деньги.

С возникновением университета появилась проблема взаимоотношений студентов и городских жителей, получившая название «*gown and town*». Дело в том, что все студенты обязаны были носить длинную одежду, которая называлась «*gown*», что отличало их от горожан. Отношения города и университета далеко не всегда были мирными, городские жители жаловались на то, что не в состоянии прокормить всех учащихся. В результате возникали стычки, приводившие к насилию. Во время одной из таких стычек была убита женщина-горожанка. Виновные в этом студенты были арестованы и публично повешены. Это привело к тому, что часть студентов и преподавателей покинула Оксфорд и поселилась в городке на реке Кем, основав там новый универси-

тет Кембридж. Только через пять лет некоторые из студентов вернулись назад в Оксфорд.

До XIV века университет Оксфорда не обладал собственным зданием. Для лекций, дискуссий и экзаменов использовались церкви. Но, начиная с 1320 года, в Оксфорде появилось здание для университетских собраний – Congregation House, в котором находилась библиотека и зал для заседаний.

Судьба университета во многом зависела от королевской власти и от знатных людей, которые вкладывали огромные средства в образование, в постройку новых колледжей и библиотек. Так, в XV веке появилась Библиотека Хамфри, графа Глостера, брата Генриха V, который подарил университету огромную коллекцию книг и рукописей, а также деньги на постройку здания библиотеки.

В средние века для развития Оксфорда многое сделали два выдающихся человека: Уильям Уикигем (1323–1404) и Джон Уиклиф (1320–1384). Уикигем был очень влиятельным человеком при дворе, он отвечал за все строительные работы в замке Виндзор, загородной резиденции королей. Он хорошо понимал значение образования и стремился перестроить Оксфорд в новом духе. В 1379 году он основал в Оксфорде «Новый колледж», в котором, в отличие от старых, полумонастырских колледжей, он построил библиотеку, столовую, лекционный зал и часовню и, таким образом, сделал колледж совершенно независимым от других колледжей и университета.

Джон Уиклиф провел в Оксфорде много времени. Он был феллоу Мертона, мастером старейшего Бэллиол-колледжа. Хотя он был переводчиком на английский язык Библии, он отличался радикальными взглядами на религию. За два века до Реформации он, фактически, подготовил для нее почву.

Начиная с XV века в Оксфорд приходят ренессансные веяния, и он становится в это время центром гуманизма. В это время получает широкое распространение Grand Tour, образовательное путешествие в Италию. Студенты Оксфордского университета отправляются учиться в Падуанский университет, знакомятся с идеями итальянского гуманизма, которые затем привозят на родину. В Падуе в 1463 году была основана кафедра по изучению греческого языка. Кроме того, во Флоренции греческий язык препода-

давали профессор из Византии Димитрий Халкокондил и англичанин Уильям Гроцин. В числе его учеников был англичанин Уильям Лили. В 1493 году в Италию совершил поездку Джон Колет, который побывал во Флоренции, где он встречался с Марсилио Фичино и Пико делла Мирандола, что способствовало проникновению в Англию неоплатонизма¹. Студент из Оксфорда и Кембриджа Кутберт Тунстелл приезжал в Падую, где он изучал греческий язык и иврит. Он переписывался с Эразмом Роттердамским и после возвращения в Англию стал епископом в Дареме. Его современник Ричард Пейс после обучения в Падуе долгое время оставался в Италии, посещая Болонью, Феррару и Венецию. Все эти студенты переносят идеи итальянского гуманизма на английскую почву и способствуют реформе образования в университетах Оксфорда и Кембриджа².

Когда Эразм Роттердамский прибывает в Оксфорд, он встречается с английскими гуманистами — Гроцином, Колетом, Томасом Мором и восторженно отзываясь о них. Это влияние имело и практические последствия. В 1517 году епископ Ричард Фокс основал при колледже Корпус Кристи библиотеку гуманистических работ, включающую книги на латыни, греческом и иврите. Как отмечал Эразм, многие ученые-гуманисты предпочитали ехать в Оксфорд, чем в Рим.

Оксфорд, как и Кембридж, счастливо пережил Реформацию. Генрих VIII содействовал развитию университетов. По его указу многие монастыри и церкви передавали в университетские библиотеки рукописные книги. Строились новые колледжи, приглашались ученые со всего мира. Здесь преподавали Иоанн Дунс Скот, Уильям Оккам, Роджер Бэкон.

¹ *Sears J.* John Colet and Marsilio Ficino. Oxford, 1963.

² *Barlett R.* The English in Italy. 1525–1558. Geneve, 1990; England and Continental Renaissance / Ed. by E. Chaney and P. Mack. Woodbridge, 1990; *Einstein L.* The Italian Renaissance in England. New York, 1902; *Howard C.* English Travellers of the Renaissance. New York, 1968; *Simonini R. C.* Italian Scholarship in Renaissance England. Chapell Hill, 1952.

В Оксфорд приезжали студенты со всей Европы — из Италии, Германии, Испании, Польши, России.

При Генрихе VIII был основан колледж Крайст Чёрч. Но король не без основания боялся, что университет получит слишком большую самостоятельность и выйдет из-под влияния королевской власти. Поэтому он посылал из Лондона инспекторов, которым придавал большую власть. Они могли сменять руководителей колледжей и изменять систему преподавания. После смерти Генриха и при кратком правлении его сына Эдуарда VI инспектора вмешивались в университетские дела. По их вине в 1549 году была разрушена библиотека Хамфри.

Королева Мария, старшая дочь Генриха, во время своего правления пыталась восстановить католицизм. Она обвиняла протестантских епископов в ереси и сжигала церкви. При ней в Кембридже, прямо напротив Бэллиол-колледжа, были сожжены три протестантских епископа: Томас Крамнер, архиепископ Кентербери, Хью Латимер, епископ Ворчестера, и Николас Ридли, епископ Рочестера. Все они учились в Кембридже, достигли высоких постов, но были обвинены «кровавой» Марией в ереси и казнены.

Другая дочь Генриха, королева Елизавета I, вернулась к заветам своего отца, отказавшегося от римской католической церкви. Правда, ей пришлось выдержать упорное сопротивление кембриджских священников, принявших католицизм и отказавшихся признавать королеву как главу церкви. Как и Генрих, Елизавета оказывала поддержку университетам. В Оксфорде ее фаворит Роберт Дадли стал главой (ченслером) университета и занимал этот важный пост с 1564 по 1588 год.

Елизавета любила посещать Оксфорд. Она была здесь дважды — в 1566 и 1592 году. В первый ее приезд студенты приветствовали королеву на латыни, греческом и иврите. Елизавета приняла участие в философских диспутах, происходивших в церкви св. Марии. После семи дней академических занятий королева выступила перед членами университета с речью, которую закончила словами: «Я закончу мою речь молитвой: я надеюсь, что вы достигнете процветания при моей жизни и станете еще более счастливым поколением после моей смерти».

После второго посещения, когда ей было уже 58 лет, ее речь была еще короче: «Прощай, прощай, дорогой Оксфорд. Бог благословит вас и дарует своим излюбленным сынам святость и добродетель».

В период правления Елизаветы в Оксфорде была построена замечательная библиотека на месте разрушенной библиотеки Хамфри. Инициатором и бенефактором этого важного для университетской жизни заведения был сэр Томас Боудли (1545–1613). Он учился в Мертон-колледже, а затем поступил на дипломатическую службу при дворе королевы. Он вышел на пенсию в 1598 году и занялся планами строительства библиотеки. Здание библиотеки Хамфри пустовало, и Боудли пристроил к нему несколько залов, придав ему форму восьмиугольника, покрытого массивным куполом. Боудлеанская библиотека была завершена после смерти ее основателя, она и сегодня носит его имя. Это было не только богатейшее хранилище книг и рукописей, но и вклад в архитектурный облик университета. Об этом времени английский поэт Чарльз Коусли написал стихотворение «Часовня Кингз-колледжа», которое привожу в своем переводе:

Здесь звучала музыка Бёрда и Талли,
Хор мальчиков пел на почерневших скамьях,
Свет свечей отражался на лицах хористов,
И лики Тюдоров висели кругом на стенах.

Сюда на службу приходили Елизавета и Генрих
К алтарю, украшенному лилиями золотыми,
Львы поднимались на задние лапы пред ними,
И королевские пальцы листали псалтири.

Генрих любил трик-трак и мелодии лютни,
Елизавете нравилась органа гармония.
В красных париках и орденских лентах
Они восседали торжественно, как сама история.

Оксфорд переживал различные периоды — подъема и падения, расцвета и стагнации. В начале XVIII века здесь господствует застой, ориентация на средневековую традицию. Экзамены проходили в виде вопросов и ответов и часто не

требовали обширных знаний. Вот как описывает экзамен по ивриту и истории Джон Скотт в 1770 году:

Экзаменатор: Как в иврите называется место для чепцов?

Скотт: Голгофа.

Экзаменатор: Кто основал Университетский колледж?

Скотт: Король Альфред.

Экзаменатор: Очень хорошо, сэр, вы получаете Вашу степень.

В отличие от Кембриджа, Оксфорд был лояльно настроен к Стюартам. В 1715 году король Георг II прислал в Оксфорд кавалерию, которая была расквартирована в городе. В то же время он послал большую коллекцию книг в Кембридж. По этому поводу оксфордский врач Уильям Броуни разразился сатирической эпиграммой:

В Оксфорд король прислал отряд инсургентов,

Ведь для тори власть важнее аргументов.

А в Кембридж он книги послал для презента,

Потому что для вигов сила слабее, чем аргументы.

В конце XVIII века в Оксфорде начинается время реформ, расширяется круг преподаваемых и изучаемых предметов. В их число входят медицина, геометрия, астрономия, древняя история, моральная философия. Король Джемс всячески поддерживал университет. Он даже предоставил для университета два места в парламенте. Происходят изменения в системе преподавания. Вместо архаической экзаменационной системы в виде диспутов, системы вопросов и ответов, вводятся сначала устные, а начиная с XVIII века письменные экзамены.

Сохранился анонимный список литературы, который рекомендовался студентам гуманитарных факультетов. Он делился на философию, классическую литературу и занятия религией. Философией следовало заниматься каждое утро и вечер, классической литературой — после обеда, а религией — по воскресеньям.

Первый год: Философия, Классика, «Арифметика» Уингейта, Теренций, Эвклид, Ксенофонт, «Логика» Уоллиса, «Письма» Туллия, «Тригонометрия» Кейла, Лукиан «Избранные диалоги», «Салмон», География, Теофраст.

Второй год: Локк «О человеческом понимании», Туллий «Об ораторе», Чейн «Философские принципы», Исократ, Бартолин «Физика», Демосфен, Рохаулти «Физика», Гесиод, Овидий, Феокрит, Вергилий «Эклоги».

Третий год: Барнет «Теория», Гомер «Илиада», Уэлл «Хронология», Вергилий «Георгики» и «Энеида», Беверидж «Хронология», Этика, Софокл, Пуффендорф «Закон природы», Эврипид, Гроций, Ювенал, Уилтон «Теория», Гораций.

Четвертый год: Хатчесон «Метафизика», Фукидид, Ньютон «Оптика», Диоген Лаэртский, Григорий «Астрономия», Цицерон.

В средние века у студентов было всего несколько книг для учебы. Дело существенно меняется, когда в Оксфорде в XVI веке возникает издательство «Оксфорд Юниверсити Пресс». В 1830 году оно переезжает в здание классического стиля на улице Кларендон. В начале XIX века издательство имело привилегию на издание Библии. В последующем оно начинает печатать древние рукописи и учебные материалы. В XX веке главным профилем издательства становится выпуск словарей и справочных изданий. В 1989 году вышло второе издание «Оксфордского английского словаря» в 20 томах, включающих около полумиллиона статей и дефиниций.

Оксфорд, как и Кембридж, имеет свою художественную галерею — Эшмолиен музей. Он был основан коллекционером Элиасом Эшмолом (1617–1792). Открытие музея относится к 1685 году, это был первый в Англии публичный музей. Первоначально музей помещался в здании, в котором находилась химическая лаборатория, но в 1850 году он переехал в более просторное здание в стиле классицизма, которым он располагает и до сих пор. Сегодня, наряду с кембриджским музеем Фитцуильям, он представляет самую большую коллекцию классического и современного искусства среди т. н. малых музеев. В нем представлена прекрасная коллекция искусства Ренессанса и XVIII века. Но особую ценность в нем представляют работы английских прерафаэлитов и их последователей. В собрании музея прекрасная коллекция русского искусства XX века, представленная работами Леонида

Пастернака, а также художников «Мира искусства» — Бонуа, Сомова и др.

В Оксфорде находится также Университетский музей естественной истории, построенный в 1860 году в стиле викторианской готики. Его конструкция состоит из серии готических арок из металла, перекрытых стеклом. Его основателями были профессор медицины Герри Окланд и Джон Рёскин. Рядом с этим музеем находится Музей этнологии, содержащий огромную коллекцию антропологических и этнографических экспонатов.

Несмотря на приверженность современной науке, в Оксфорде происходили «обезьяньи процессы», связанные с церковной реакцией на книгу Чарльза Дарвина «Происхождение видов», вышедшую в 1859 году. В 1860 году в Университетском музее происходил диспут «креацианистов» и представителей эволюционной теории Дарвина. Первым представлял епископ Оксфорда Уилберфорс, вторых — выдающийся биолог Томас Гексли. Епископ, обратившись к Гексли, спросил его, уверен ли он, что его бабушка и дедушка произошли от обезьяны. Гексли не стал вдаваться в ученые диспуты с церковником. Он сказал, что если бы он был вынужден выбирать себе предка в виде бедной обезьяны или человека, который тратит свой талант на то, чтобы дискредитировать науку и повторять глупости в серьезном диспуте, то он выбрал бы обезьяну. На этом диспут окончился, епископ был посрамлен.

Оксфорд отличается от Кембриджа тем, что в нем преподавались и развивались не столько естественные, сколько гуманитарные науки. Здесь преподавал известный философ Джордж Сантаяна, религиозный писатель и мыслитель Клайв Льюис. Оскар Уайльд учился в Модлен-колледже, где сохраняется его архив. В колледже Крайст-Чёрч преподавал математику Доджсон, известный в литературе как Льюис Кэрролл. Профессором живописи был известный критик и историк искусства Джон Рёскин. Здесь учились и работали художники, члены прерафаэлитского братства — Уильям Моррис и Берн-Джонс, которые были членами колледжа Экзетер. Писатель Ивлин Во был некоторое время деканом в колледже Олл Соулз. Членом Мертон-колледжа был писатель Дж. Р. Р. Толкиен. Оксфорд в XX веке был центром радикальной поэзии.

Здесь учились такие поэты, как Уистен Оден, Джон Бетчемен, Стивен Спенсер. Джон Бетчемен часто писал стихотворения об оксфордских сюжетах и персоналиях.

Впрочем, в Оксфорде работали и ученые-естествоиспытатели. В 1931–1932 году Оксфорд посетил Альберт Эйнштейн, а физику преподавал Ф. А. Линдемманн (1886–1933), впоследствии лорд Червилл. Он носил прозвище «Проф» и отличался неумной страстью к комфорту. Но в целом Оксфорд был университетом интеллектуалов и гуманитариев.

Кроме того, Оксфорд, в отличие от Кембриджа, — большой индустриальный город. В нем есть промышленные предприятия, и население города имеет иные занятия, чем обслуживание университета. Начало индустриализации Оксфорда положил Уильям Моррис, однофамилец известного писателя, художника и дизайнера. В 20-х годах он основал в Оксфорде компанию по производству легковых автомобилей.

Следует отметить, что Оксфорд, как и Кембридж, с давних пор проявлял интерес к России. Особенно этот интерес был связан с Иваном Грозным, а также с периодом русской истории, получивший название смутного времени. Поэт и драматург Джон Флетчер, учившийся в колледже Корпус Кристи, написал в 1618 году трагедию «Верноподданный» на сюжеты русской истории. Героем этой трагедии является некий Борис, что является явным намеком на личность Бориса Годунова.

Другой выдающийся английский писатель, тоже принадлежащий Оксбриджу, Джон Мильтон, написал книгу «Краткая история Московии и других малоизвестных стран, лежащих на Восток от России до самого Китая» (1682). Этот интерес к русской истории и географии сказался в поэме Мильтона «Потерянный рай», где присутствуют название рек Печоры и Оби, а также Черное и Азовское моря.

К России проявлял пристальный интерес Байрон, выпускник колледжа Тринити. В своей поэме «Бронзовый век» он упоминает Москву, которую он видит «в сиянии полуварварских минаретов под лучами закатного солнца». Для Байрона Россия предстает, с одной стороны, как деспотическое государство, подавляющее свободу своего и других народов, а с другой — как освободительница Европы от власти Наполео-

на. Байрон упоминает пожар Москвы, две стихии, которые погубили наполеоновскую армию — жертвенный огонь и мороз русской зимы. Байрону не удалось увидеть Россию, он писал о ней по материалам других свидетельств и описаний. Но после его смерти его возлюбленная Клер Клермонт уехала в Россию, где она работала гувернанткой в русских аристократических семьях. Свои впечатления о России она описала в дневниках, опубликованных сравнительно недавно.

Любопытно, что путешествие в Россию в 1867 году совершил Льюис Кэрролл. Это было единственное путешествие скромного пастора из оксфордского колледжа Крайст-Чёрч. Во время своего путешествия Кэрролл постоянно вел дневник. Эти воспоминания он не хотел публиковать, и поэтому они были изданы только после смерти автора в 1935 году¹. Первоначально Кэрролл вместе со своим другом пастором Лиддоном, покинув Оксфорд, приехал в Петербург. Его интересовали в России церкви и монастыри, и он посещал их бесчисленное количество раз, восхищаясь церковными службами и пением. В Петербурге, сев на пароход, Кэрролл посетил Петергоф с его фонтанами, парками, скульптурами.

Для Кэрролла в России все выглядело странно, необычно, фантастично. Это был другой мир, непохожий на привычный облик Оксфорда. Нечто подобное тому, что он в то время описывал в своем новом романе «Алиса в Зазеркалье». Побывав в Москве, Кэрролл был поражен еще больше. Во всяком случае, в своих воспоминаниях о Москве, которую он посетил после Петербурга, тема зеркала присутствует. Он описывает ее как «чудесный город, город белых и зеленых крыш, конических башен, которые виднеются одна из другой, как выдвигающиеся трубки телескопа, город пышных золотых куполов, в которых вы видите — как в кривом зеркале — искривленные отражения города; церкви снаружи похожи на разноцветный кустистый кактус (ответвления которого венчают колючие бутоны зеленого, голубого, красного или белого цвета), а внутри все снизу доверху увешано лампадами и иконами, расписано до самого купола цветными фресками».

¹ *Carroll L. Russian Journal and Other Selection. London, 1935.*

Не исключено, что тема «Зазеркалья» — зеркальных искажений, уменьшений и увеличений, пришла к Кэрроллу во время его посещения России, и прежде всего Москвы. В XX веке Россия не становится менее загадочной для жителей Оксфорда и Кембриджа. Ее будут посещать многие, так что дорога между Оксбриджем и Россией будет двусторонней. Россию посетит известный экономист Джон Мейнард Кейнс и известный философ Людвиг Виттгенштейн. Первый напишет книгу о России, второй не обмолвится ни словечком о своей поездке. В России побывает астрофизик Генри Бонди, несколько лет проработает здесь Исая Берлин. Об этом мы подробно расскажем несколько позже. А пока вернемся к описанию Оксфорда.

Оксфорд представляет собою федерацию большого количества, более 50-ти, колледжей. Среди них есть древние колледжи, относящиеся к средневековью, колледжи, основанные в XV–XVI веках, наконец, новые колледжи, созданные в XIX–XX веках. Каждый из них имеет свою историю, обладает традициями, отличается особым архитектурным обликом, имеет свой парк, спортивные сооружения и почти обязательную часовню.

Старейшим из оксфордских колледжей является Мертон, названный по имени своего основателя Уолтера Мертона в 1264 году. Мертон занимал высокий пост при дворе Генриха III, а впоследствии он стал епископом Рочестера. Его целью было воспитание образованных людей, способных быть администраторами для государственных и церковных нужд. Поэтому членам колледжа было запрещено общение с монастырской братией. В XIV веке, когда в колледже появился радикально настроенный Джон Уиклифф, он получил репутацию еретического колледжа. В Мертоне впервые в Оксфорде в число образовательных предметов были включены такие светские науки, как астрономия, математика и медицина. В 1565 году членом колледжа стал Генри Сэвил, который основал на свои средства сэвиллиевские должности профессоров математики и астрономии. В результате Мертон стал одним из прогрессивных колледжей, лидером в области естественных наук. Приятелем Сэвилля был Томас Боудли, основатель университетской библиотеки.

Другим прогрессивным колледжем был Корпус Кристи. Он был основан в 1571 году епископом Ричардом Фоксом. Фокс был важным чиновником при правлении королей Генриха VII и Генриха VIII, а также епископом Экзетера, Бата, Дарема и Винчестера. Он основывал колледж, надеясь воспитать новую администрацию светского типа для государственного правления. В колледже, ориентированном на гуманистическое образование, был впервые введен курс греческого языка. Фокс был другом Эразма, который приезжал в Кембридж читать лекции. Особенностью колледжа является скульптурное изображение пеликана, стоящего на колонне. Пеликан символизировал тело Христа, в честь которого был назван колледж.

Одним из самых больших колледжей в Оксфорде является колледж Олл Соулз (All Souls). Он был основан архиепископом Кентерберийским Генри Чичелем в 1438 году. Его название означало память душ всех тех, кто погиб в Столетней войне с Францией. Он знаменит своей готической башней на входе в колледж. На ней раньше стояли скульптуры основателей колледжа архиепископа Чичеля и короля Генриха VI. Внутри здания располагались несколько квадратных дворов, окруженных стенами, и библиотека, фасад которой был спроектирован знаменитым архитектором Кристофером Ренном.

С архитектурной точки зрения колледж представляет собой смелое соединение готики и палладинизма. В этом колледже получили образование многие известные в Англии люди, включая поэта Уистена Одена, известного философа Исаяю Берлина, побывавшего на дипломатической службе в России.

Конечно, среди колледжей Оксфорда есть богатые и бедные колледжи. Самый богатый из них — Крайст-Чёрч, основанный королем Генрихом VIII. Доходы от собственности, дарованной королем, составляют около 100 тыс. фунтов в год. Это самый большой и влиятельный колледж в Оксфорде, из его стен вышло 44 премьер-министра. Сюда поступают обычно выпускники привилегированной частной школы Итона, инкубатора английской политической элиты, которая была основана Генрихом VI в 1440 году.

Старинным колледжем является Нью колледж, основанный в 1379 году епископом Уильямом Уикигемом. Колледж не случайно был назван «новым». В нем была введена новая система образования, новые принципы общежития. Особый интерес представляет часовня колледжа. Большое окно часовни было спроектировано Джошуа Рейнольдсом, а внутри часовни находится картина Эль Греко, изображающая апостола.

Одним из самых знаменитых колледжей в Оксфорде является Модлен-колледж, или колледж Марии Магдалины. Он был основан Уильямом Уэйнфлетом в 1458 году. Уэйнфлет получил образование в Винчестере, в котором впоследствии стал мастером, одним из руководителей Итона — колледжа, основанного Генрихом VI, а также епископом Винчестера. Модлен был одним из богатых колледжей, для его постройки были использованы многие пожертвования, а также покровительство Генриха VI. В нем учились многие гуманисты, изучавшие классические языки и дисциплины. Здание колледжа украшают гротески и комические изображения монстров и фантастических животных. Самой древней частью колледжа является колокольная башня высотой 44 метра, на которой звучали различные мелодии. Колледжу принадлежит самый большой парк размером в сорок гектаров, включая парк пятнистых оленей. Рядом с коллежем находится огромный Ботанический сад, принадлежащий университету.

Модлен — популярное место в Оксфорде, излюбленное место для прогулок. Английский поэт Джон Бетчемен отразил это в одном из своих стихотворений с пространным названием:

**МЫСЛИ ОБ АНГЛИКАНСКОЙ ЦЕРКВИ ВО ВРЕМЯ
КОЛОКОЛЬНОГО ЗВОНА С БАШНИ СВ. МАГДАЛИНЫ
ИЗ БОТАНИЧЕСКОГО САДА, В ОКСФОРДЕ, НА ДЕНЬ
СВ. МАРИИ МАГДАЛИНЫ**

В саду Ботаническом цветочные урны
Напоминают каменные скульптуры.
Я вижу, как падают тени
На стену и парка ступени
За этой стеной — особый мир, другая культура.

Это зеленое царство, где цветут
Тигровые лилии с южной долины.
Все экспонаты стеклянной галереи
Стоят в симметричном порядке Линнея
Под звон колоколов с башни св. Магдалины.

Многообразие колоколов рождает
Разнообразие каденций и богатство звука,
Взмах колокольного языка
Раскачивает деревья, наполняет музыкой небеса,
И загоняет на скалы спать облака.

Звуки англиканской церкви говорят
Об умеренном восхвалении бога и лиц,
А те, кто в церковь на службу приходят
Консервативны, осторожны и строги
К вывешиванию мемориальных таблиц.

На улицах алые цветы рододендронов,
Деревья, пахнущие смолой,
Доносится колокольный призыв
Из церквей, где ладана курится дым
И где сверкает иконостас золотой.

Церкви попроще у железнодорожных путей
Где жалкие улочки и большие лужи.
Я слышу их печальный звон
Со всех сторон доносится он,
Зовущий к утренней службе.

Но прежде, чем стихнет звон колоколов
И заклинанье потеряет силу,
Прежде, чем зеленое царство завянет
И шум машин в Оксфорд нагрет,
Я хочу поблагодарить колокола св. Магдалины.

(Перевод В. Шестакова)

Одним из самых известных колледжей в Оксфорде является Бэллиол. Это старинный колледж, он был основан в 1263 году бароном Джоном Бэллиолом из города Дарема, который был женат на шотландской принцессе Дерворгуилле. Бэллиол был построен на окраине города за городским рвом. После смерти мужа в 1269 году принцесса продолжи-

ла строительство колледжа и украсила его скульптурами. Сегодня могила Дерворгуиллы находится во внутреннем парке колледжа. Бэллиол был старинным колледжем, но он получил новую жизнь в XX веке. В нем училась вся британская политическая элита, в частности, Гарольд Макмиллан, будущий премьер-министр Англии, биолог Джулиан Гексли (Huxley), историк Арнольд Тойнби и другие. Из зарубежных студентов здесь учились король Олаф из Норвегии, принц Вэн из Таиланда, американский историк Дэниел Бурстин, директор Библиотеки конгресса. Процесс «беллиолизации» интеллектуальной жизни Британии продолжается и сегодня. Как сказал лорд Сэмюел, «жизнь — это чередование людей, кончивших Бэллиол». Этот колледж устанавливает стандарт в интеллектуальных профессиях, в особенности в философии и истории¹.

Не случайно, поэтому, о Бэллиоле создавались стихи. В 1910 году Хилари Беллок написал следующее стихотворение:

Когда учился в колледже Бэллиол
Принадлежал я ему всей душой,
Зубрил уроки я жарким летом
И в холодной речке плавал зимой.
Ты и теперь в сердцах наших, Бэллиол,
Мы по-прежнему любим тебя,
Ты сплачиваешь всех нас воедино
И каждому воздаешь сполна.

Ты — приют людей благородных,
Кто с глазами подростков и сердцами борцов,
Кто над злобной силой открыто смеется
И опасностям смело смотрит в лицо.

¹ Я посещал этот колледж много раз, поскольку в нем учился в аспирантуре мой сын. К сожалению, в этом колледже у моего сына был похищен компьютер, который я ему подарил, вместе с текстом диссертации об эстетике Канта. По сравнению с двумя велосипедами, которые были украдены у него в Оксфорде, это была тяжелая потеря. В Британии я тоже лишился парочки велосипедов и дорожного автомобиля марки БМВ, который был украден с охраняемой стоянки университета Свонзи. Так что британский университет — не безопасное место для владения собственностью.

Ты вскормил и вспоил меня, Бэллиол,
Где б я ни был, ты со мною всегда,
Ты alma mater моя дорогая,
Господь, благослови тебя на века.

(Перевод В. Шестакова)

Интеллектуальный потенциал студентов Оксфорда способствовал появлению понятия «человек из Оксфорда». Его описание мы находим, например, в книге Чарльза Теннисона «Кембридж изнутри» (1913). «Человека из Оксфорда можно различить с первого взгляда. Он полон различных точек зрения и способности защищать их. Он использует свою культуру как оружие, но с достаточной простотой и даже грацией... Его опрятная одежда, умеренный голос, его жестикуляция и обороты речи — все это служит оружием для умелой атаки на универс»¹.

В начале XX века этос Оксфорда складывался из многих интеллектуальных течений, ему было свойственно стремление к эстетизму, парадоксальности. Не случайно здесь жили Оскар Уальд и Льюис Кэрролл. Одно время здесь было популярно гегельянство, пропагандируемое мастером Бэлиолл-колледжа Бенджаменом Джоветтом. Игра понятиями, моральные парадоксы были в моде не только в литературе, но и в поэзии. Типично для этого стихотворение Элизабетт Джонсон:

Если бы умный стал немного добрее,
А добрый по возможности поумнел,
Наша жизнь стала б намного теплее,
Значительно радостней и веселей.
Но умный редко становится добрым,
А добрым всегда не хватает ума,
Вот почему наша жизнь представляет
Недостаток интеллекта и дефицит добра.

История Оксфорда, несмотря на его стремление к замкнутости, в целом отражает историю страны: Оксфорд переживает религиозные гонения, гражданскую войну, когда его

¹ Приводится по изданию: The Oxford Book of Oxford. Chosen and Edited by Jan Morris. Oxford; New York, 1987. С. 330.

окупируют роялистские войска, экономические реформы, две мировые войны. В ходе Первой мировой из 3000 студентов, населяющих Оксфорд, 2700 человек погибли в сражениях. На некоторое время университет опустел, в нем царил уныние и чувство утраты. Гарольд Макмиллан, будущий премьер Великобритании, который до войны учился в Беллиол-колледже, после четырех лет, проведенных в армии, решил не возвращаться в Оксфорд. Он писал: «После войны я не вернулся в Оксфорд. И не потому, что я хромал. В то время было много охромевших людей. Я не был в состоянии увидеть своих товарищей по университету. Для меня Оксфорд стал городом привидений. Из восьми моих коллег по университету, которые пришли в 1912 году, только я и Хамфри Саннер остались в живых. Это было ужасно»¹. Известный философ, поэт и теолог К. С. Льюис, тоже учившийся в Оксфорде, был ранен во время войны. Не меньший моральный и физический урон Оксфорду принесла Вторая мировая война.

В XX веке Оксфорд был не только средством восхищения и воспевания, но и критики. Когда Бернарда Шоу пригласили в Рёскин-колледж читать лекции, он отказался, заметив при этом: «Рабочий люд имеет традиционные предубеждения по отношению к Оксфорду. Его предназначение — воспитывать немногих ученых и множество джентльменов»².

В 1933 году Том Хэррисон, выпускник Кембриджа, поселился недалеко от Оксфорда. Ему не нравилась традиционная мораль Оксфорда. В письме, которое Хэррисон опубликовал в прессе, он называет Оксфорд по созвучию — «волом» (англ. oхep — вол). По его словам, в Оксфорде царят «массовые мастурбационные митинги, которые отлучают ангелов от рая. Его обитатели в лучшем случае пикадоры, но ни в коем случае не тореадоры, а точнее — они лишь быки, застывшие в нелепой позе в центре ринга. Что характерно для людей из Оксфорда? Их постоянное увлечение идеями и разговорами. Они разговаривают, разговаривают, разговаривают. Утрата реальности, культ неразумия, утрата позитивного чувства или позитивной веры. Оксфордцы глупы, как волы. Они не

¹ The Oxford Book of Oxford. С. 336.

² Там же. С. 378.

в состоянии иметь дело с реальной жизни, они — поклонники нереального, бесстыдного или просто смешного»¹.

Не очень ясно, почему бывший студент Кембриджа так ополчился на Оксфорд. Быть может, сказалась традиционная конфронтация между университетами, которая существует и сегодня. Но вместе с тем, связи между Оксфордом и Кембриджем существовали веками, что привело к появлению такого феномена, как Оксбридж.

Описать все колледжи Оксфорда невозможно. Каждый из них имеет индивидуальную историю, каждый внес свою лепту в развитие английской системы высшего образования.

ХРОНОЛОГИЯ ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Конец

XII века Группы студентов и преподавателей собираются в Оксфорде, используя для занятий помещения церкви и часовен.

1209 Группа студентов из-за конфликта с городскими жителями уходит из Оксфорда в Кембридж, где они основывают новый университет.

1214 Возвращение студентов, образование Universitas Oxoniensis, основанного на системе монастырских школ.

1224 Канцлером университета назначается известный ученый Роберт Гроссетест.

1249 Уильям из Дарема основывает первый в Оксфорде «Юниверсити-колледж».

1264 Джон Бэлиол основывает колледж Бэлиол, а Вальтер Мертон — колледж Мертон, два из трех самых старинных колледжей в Оксфорде.

1566 Приезд в Оксфорд королевы Елизаветы. Вторично она посещает Оксфорд на склоне лет в 1592 году.

1585 Роберт Дадли, граф Лестер, основывает издательство «Оксфорд Юниверсити Пресс».

¹ The Oxford Book of Oxford. С. 366–367.

- 1603 Томас Бодли, выпускник Мертон, основывает библиотеку, получившую название Бодлеанской. Окончательное ее завершение относится к 1624 году.
- 1630 Архиепископ Уильям Лауд становится канцлером университета. Ему принадлежит кодификация университетской жизни, которая просуществовала около двух столетий.
- 1642–
1646 Оксфорд в период гражданской войны становится центром роялистской партии. Король Карл I переносит сюда столицу Англии.
- 1685 Коллекционер Элиас Эшмоль открывает художественный музей, получивший название Эшмолиен.
- 1698 Посещение Оксфорда Петром I.
- 1810 Поэт Перси Шелли поступает в Оксфорд и в том же году исключается из университета за написание поэмы «Необходимость атеизма».
- 1823 Основание дискуссионного клуба «Университетский союз».
- 1853 Уильям Моррис поступает в колледж Экзетер. Вместе с Бёрн-Джонсом он примыкает к художественному объединению «Прерафаэлиты» и вскоре становится лидером этого движения.
- 1860 Открытие Университетского музея естественной истории.
- 1865 Математик Чарльз Доджсон, известный в литературе под псевдонимом Льюис Кэрролл, пишет знаменитую книгу «Алиса в стране чудес».
- 1869 Джон Рёскин избирается профессором изящных искусств и преподает в Оксфорде около 15 лет.
- 1878 Открытие первого женского колледжа «Леди Маргарет Хилл».
- 1879 Основание Бенджаменом Блэквилем издательства философской литературы, получившего название Блэквил.

- 1885 Основание музея антропологии и этнографии Пит-Риверз.
- 1927 Уильям Данн основывает Институт патологии.
- 1929 Александр Флеминг открывает пенициллин и проводит в Институте патологии работу над его исследованием.
- 1945 Флеминг вместе со своими сотрудниками Говардом Флери и Эрнстом Чейни получает Нобелевскую премию за открытие пенициллина.
Ивлин Во пишет роман, посвященный Оксфорду, «Возвращение в Брайдесхед».
Открытие кафедры славистики, которую возглавляет профессор С. А. Коновалов.
- 1946 Философ и публицист Исая Берлин становится мастером вновь открытого колледжа Волфсон.
- 1947 Открытие кафедры православной культуры под руководством Н. М. Зернова.
- 1954 Джон Рональд Толкиен, феллоу Мертон-колледжа, издает культовую книгу «Властелин колец».
- 1971 Открытие лаборатории атомной физики.
- 1972 Открытие факультета теоретической химии.
Джон Бетчемен, выпускник Оксфорда, избирается поэтом-лауреатом.
- 1999 Открытие дома-музея русского художника Леонида Пастернака.
- 2005 Основание фонда «Оксфорд-Россия», возглавляемого Энтони Смитом, бывшим мастером Модлен-колледжа.

КЕМБРИДЖ: ГОРОД И УНИВЕРСИТЕТ

История Кембриджа уходит своими корнями в глубокую древность. Археологические находки свидетельствуют о существовании на месте современного города поселений,

относящихся к бронзовому веку. В I веке нашей эры эта территория была оккупирована римлянами, которые построили в районе современного Замочного холма военный лагерь со стенами из дерева и глины. Через сто лет на этом месте возник римский город, обнесенный каменной стеной. Римляне построили и мост через реку Кем. Римское название города не сохранилось, но реку римляне называли Гранта, так что в средние века город назывался Грантебридж. Древнее название реки несет на себе ближайший пригород Кембриджа — Грантчестер. В конце XI века город получил другое название от нового имени реки — Кем. Отсюда возникло и название города, которое буквально означает «мост через реку Кем».

Римлян сменили англо-саксонские, а затем нормандские завоеватели, которые использовали реку Кем как важный речной путь в Восточную Англию. От этого времени в Кембридже сохранились норманнские башни и круглая церковь Гроба Господня, построенная в 1120 году. Это одна из четырех круглых церквей, существующих в Англии.

Средневековый Кембридж был известным торговым центром. Здесь у реки стоял замок, а вокруг него 375 дворов, внутри города существовали торговые и жилые помещения. Духовенство было господствовавшей властью в городе, оно обладало церковью св. Жилия и молельней св. Радегунда. Кроме того, здесь были две больницы для бедных, одна из которых называлась в честь св. Иоанна. На ее месте в XII веке возник колледж Сент-Джонс (английская транскрипция имени Иоанна).

Река Кем была важной торговой артерией, проходившей через находящийся в 17 милях городок Или, где начиная с XII века были построены крупнейший монастырь и высочайший в Англии собор, через торговый город Кингс Линн и впадала в море. По этой артерии происходили торговые связи, что способствовало накоплению богатства и благосостояния в близлежащих городах. Из Кингс Линна в Кембридж привозили рыбу, вино, масло, текстильные товары. С другой стороны, по этому пути в Кембридж прибывал многочисленный торговый люд на знаменитые ярмарки. Их было несколько: в июне была Летняя ярмарка, в августе — Чесночная, а в сен-

тябре самая большая из них — ярмарка у моста на свалке, она длилась пять недель. Здесь можно было купить не только вино и продукты, но и шелк из Италии, железо из Испании, дубовое дерево из Прибалтики, а также меха, керамику, книги и музыкальные инструменты из всех стран континента. От этого времени в центре Кембриджа, как его историческая достопримечательность, сохранилась рыночная площадь, на которой до сих пор продают продукты, керамику и антикварные книги.

Таким образом, до XII века Кембридж был ничем не примечательным городком, одним из тех, которых было во множестве в средневековой Англии. В нем были замок и рыночная площадь, сохранившаяся до сих пор, приходская церковь и мост через реку, да еще одна начальная школа. Но судьбе было угодно превратить этот маленький городок в европейский центр образования.

Начиная с 1209 года в Кембридж стали прибывать студенты из Оксфорда. Этот год считается началом основания Кембриджского университета. Недовольные событиями, связанными с отношениями университета и города, студенты стали поселяться на новом месте, образуя общины, которые впоследствии преобразовывались в колледжи. Но с 1209 по 1284 года колледжей в Кембридже не существовало. Первый колледж появился не в Кембридже, а в Оксфорде, где в 1274 году был основан Мертон колледж. В 1226 году студентов в Кембридже стало так много, что появилась необходимость создать должность ректора — *chancellor*, который бы заботился о содержании и уровне зарождающегося университетского обучения.

Каждый колледж имел церковь или часовню, — этот реликт средневековья сохраняется и сегодня. В этих церквях в прошлом проводились не только службы, но и читались лекции студентам, устраивались театральные представления. Музыкальные традиции Кембриджа сохранились и по сей день. Каждый колледж имеет свой хор, который создается на основе школы церковной музыки колледжа. Особенно славятся службы в Кингз-колледже или колледже Сент-Джонс. Кстати сказать, они и до сих пор соревнуются друг с другом. Службы в Кингз-колледже более официальные, меньше под-

вержены изменениям, тогда как Сент-Джонс позволяет себе эксперименты и более терпим по отношению к публике. Со средневековой традицией связан обычай совместной трапезы на «*high table*», когда преподаватели питались на специальном подиуме, который отделял их от других членов колледжа (в некоторых колледжах этот подиум сохранился и до сих пор, так что преподаватели сидят за обеденным столом на более высоком уровне, чем студенты) и наличие в колледжах общественной комнаты (*common room*), где встречаются все *fellows*.

История Кембриджа, как и история Оксфорда, — это во многом история его колледжей. Она началась в XIII веке и, похоже, продолжается и по сей день, так как и сегодня рождаются новые колледжи.

В этой истории можно выделить четыре этапа: первый, когда возникли и утвердили свой социальный статус самые древние колледжи (XIII–XIV века), второй, связанный со строительством «новых» колледжей (XV–XVI века), третий, относящийся к XVII–XIX векам и, наконец, четвертый, связанный с XX–XXI столетием. Можно было бы назвать колледжи первого периода «старинными», второго — «новыми», третьего — «новейшими» и четвертого — «современными».

Самым древним колледжем Кембриджа является Питерхауз или, как его называли в древности, Сент-Питер. Он был основан епископом монастыря Или Хью де Бальзамом в 1284 году. Первоначально студенты жили в больнице Сент-Джонс вместе с монахами, ухаживающими за больными. Но студенты вошли в конфликт с настоятелем больницы, и епископ построил для них общежитие около церкви св. Петра, которая известна сегодня под названием Литтл Сент Мэри. Это и положило начало Питерхаузу. Этот колледж существует до сегодняшнего дня и, несмотря на многочисленные перестройки, сохранил элементы оригинальной постройки. В XIX веке в реставрации здания колледжа приняли участие Уильям Моррис, по дизайну которого был построен камин, и Берн-Джонс, создавший витражи. Это был не только старейший, но и консервативнейший колледж. Его члены перестали носить парики только в середине XIX века.

Вслед за Питерхаузом были основаны Клэр (1326), Пембрук (1347), Гонвилл и Кэйюс (1348), Тринити Холл (1350), Корпус Кристи (1352).

Первые колледжи Кембриджа создавались без участия королевской власти, как правило, богатыми или знатными людьми. Колледж Клэр основала Элизабет де Бург, леди Клэр в 1326 году. Эдмунд-колледж был основан богатым юристом из Норфолка Эдмундом Гонвиллом, который хотел поддержать развитие теологии и научного знания. Проект этот был поддержан епископом Норича Уильямом Бетменом, который рекомендовал введение в преподавание медицины. Бетмен основал еще один колледж — Тринити Холл, в котором должны были воспитываться юристы.

В 1347 году был основан колледж Пембрук. Его основательницей была Мэри Сент Пол, графиня Пембрук. Этот колледж больше всего пострадал во время гражданской войны, в нем квартировали войска парламента, которые вывезли из него всю мебель и даже кровати студентов. Студентом этого колледжа был Уильям Питт, который уже в 23 года стал канцлером, а в 25 лет — премьер-министром. В колледже до сих пор стоит скульптура Питта в память своего знаменитого выпускника.

Одним из старейших колледжей является Гонвилл и Кэйюс. Основанный Эдмундом Гонвиллом, это был бедный колледж, по которому бродил скот. Позднее этот колледж реформировал Кэйюс, который ввел строгую дисциплину. В частности, он объявил, что членом колледжа не может быть «глухой, немой, хромой или валлиец». Но он включил в программу колледжа изучение медицины. В числе его учеников был Гарвей, автор знаменитого трактата «Об обращении крови».

Основание колледжа Корпус Кристи в 1352 году было необычным, так как создателем его был не аристократ и не богатый человек, а две гильдии в Кембридже — Корпус Кристи и Сент Мери. Так что уже по своим бенефакторам это был светский колледж. Здесь сохранилась библиотека старинных рукописей и книг, собранных Мэтью Паркером в XVI веке — настоящее сокровище средневековой письменной культуры.

Удивительным в первых колледжах было то, что они не повторяли монастырских архитектурных планов, а каждый строился с учетом собственной функции и назначения. Колледж был не монастырским общежитием, а заключал небольшие изолированные комнаты для жилья. Типичной особенностью кембриджских колледжей был двор или несколько дворов в форме правильного четырехугольника. Колледж, как правило, кроме жилых комнат, включал часовню, обеденный холл, кухню, библиотеку. Внутренний двор заключал травяную лужайку с каменной галереей вокруг него. Таких дворов было два или три в зависимости от размеров колледжа. К колледжу примыкал сад с фруктовыми деревьями и принадлежащие колледжу земли.

Для архитектуры колледжей XIII–XIV веков был характерен готический стиль. Термин «готика» возник в эпоху Возрождения, он обозначал тот период в истории архитектуры, который длился от начала зрелого средневековья до эпохи Возрождения. Подчеркивая его «варварский» характер, историки Возрождения называли его именем готов, отсюда само название — готическая архитектура. В отличие от массивной и тяжелой романской архитектуры, готика была легкой и возвышенной. Технической основой готической архитектуры была арка, позволявшая разгружать стену и делать невесомым потолок. Специфически английским типом готики был так называемый перпендикулярный стиль, который был характерен для английской архитектуры с XIV по XVI века. Перпендикулярный стиль подчеркивал выразительность прямой линии, как вертикальной, так и горизонтальной, повторяемость деталей, отказ от извилистой линии, от всего того, что было так характерно для декоративного стиля французской готики. В этом стиле в Кембридже стали строить церкви уже в XIV веке, но высшим образцом его является часовня Кингз-колледжа.

Это был важный период, когда вырабатывались кодексы поведения внутри колледжей, отношение университета и города. Одной из важнейших проблем для средневекового университета были отношения с городом (*gown and town*). Очень часто городское население, недовольное привилегиями, дарованными университету королем, или налогами на свечи, взи-

маемыми в пользу колледжей, бунтовало, что приводило порой к вооруженным стычкам. Чтобы устранить возникающие время от времени конфликты, между городом и университетом заключались соответствующие договора, регулирующие их взаимоотношения. Тем не менее, конфликты между студентами и горожанами продолжают и до сегодняшнего времени, что нашло отражение и в изобразительном искусстве.

Студенты в средневековых колледжах разделялись на несколько категорий, в соответствии с их социальным происхождением. Первую категорию составляли студенты-коммонеры (*commoners*), дети из богатых семей, которые платили колледжу 40–50 фунтов в год за обучение. Вторую составляли т. н. пенсионеры, дети священников и государственных служащих, которые также платили за свое обучение. На самой низкой ступени социальной лестницы стояли «сайзерс» (*sizers*), те, которые не могли платить за свою учебу и вынуждены были прислуживать за обедом своим более состоятельным коллегам, приносить им пиво и еду в комнаты. Они должны были получить место (*size*) за общим столом колледжа, отсюда и произошло само название этой категории студентов. Слуг в колледже не было, их обязанности выполняли социально и финансово несостоятельные студенты. Ньютон, например, поступил в Тринити-колледж на правах малообеспеченного студента-сайзерса.

Кроме того, дети знатных фамилий приезжали в Кембридж и Оксфорд не на учебу, а совершая образовательный *Grand Tour*. Они получали место в колледже, носили мантии, расшитые золотом, обедали вместе с феллоуз, развлекались, но не учились. Эта традиция сохранилась вплоть до XIX века.

В колледжах существовали строгие правила. Нужно было посещать церковную службу; те, кто ее игнорировал, должны были платить штраф. Нельзя было посещать город в одиночку, чтобы не подвергаться нападениям горожан, которые постоянно находились в состоянии войны с университетом. Существовал запрет на незаконные зрелища, начиная от демонстрации медведей и кончая представлениями странствующих актеров — они должны были располагаться не ближе пяти миль от города. Были запреты на купание в реке Кем,

потому что в ней были глубокие ямы, и она была опасна. Запрещалось выводить на улицы Кембриджа домашних животных. Два раза в неделю улицы города надо было чистить. Во время чумы, которая часто посещала Кембридж, нельзя было выходить из дома, в котором поселялась болезнь. Член колледжа не имел права жениться, если он женился, то автоматически выходил из колледжа и переставал быть его членом. Эти и подобные правила регулировали жизнь студентов в колледжах и отношения колледжей с городом.

Второй период в развитии Кембриджа был связан с XV–XVI веками, периодом позднего средневековья и раннего Возрождения в Англии. Это было время интенсивного строительства колледжей. Начиная с 1441 по 1596 годы здесь было построено десять самых крупных и значительных колледжей, таких как Кингз (1441), Квинз (1448), Крайст (1505), Сент-Джонс (1511), Тринити (1546), Эммануэл (1584), Сидни Сассекс (1596).

Это был период распада средневековой системы образования, высвобождения знания из теологии и возникновения светского научного знания. Со временем Оксфорд и Кембридж вышли за пределы изучения средневековой системы знания, основанной на трививиуме и квадривиуме, и стали обучать студентов современной системе знания, включая физику, математику, биологию, астрономию.

С самого начала спонсорами Кембриджа стали монархи. Именно они поддерживали идею создать здесь крупный университет, не уступающий по своему значению университетам Италии и Франции. Английские короли дарили колледжам земли, субсидировали строительство жилых зданий и часовен. Уже в 1231 году король Генрих III взял университет под свое покровительство и помог ему установить отношения с городскими землевладельцами. После этого в Кембридже один за другим стали возникать колледжи.

Английские короли способствовали развитию университетов, понимая роль и значение образования для укрепления монархии. В 1446 году король Генрих VI, основавший Итон, заложил первый камень самого крупного колледжа в Кембридже — Кингз-колледжа. Он полагал, что здесь будут продолжать свое образование ученики, закончившие шко-

лу в Итоне. В Кингз-колледже учились только избранные, вплоть до 1873 года студенты из других школ не имели права поступать в этот колледж. Студенты колледжа имели привилегии перед другими: так, например, вплоть до 1851 года выпускники Кингз-колледжа получали дипломы и ученые степени без всяких экзаменов. Генрих VI даровал колледжу и другие привилегии, в том числе и огромную земельную собственность.

На территории колледжа была выстроена самая грандиозная и величественная церковь, которая поражает своими размерами и величием и сегодня. Церковь эта строилась долго, в несколько приемов, с середины XV до начала XVI века. Архитектором ее является Режинальд Или, но несколько других архитекторов занимались потолком и внутренним дизайном часовни. Поэтому в ней присутствует архитектура различного типа. Превалирует перпендикулярный стиль, наиболее характерный для английской готики. Четыре башни часовни довлеют над всем окружающим пространством, они видны еще при подъезде к городу. Внутреннее ее пространство рационально и легко читаемо, оно представляет собой вытянутый в длину неф. Тенденция к горизонтали сочетается с тенденцией к вертикали, которая подчеркивается ребрами сводов, напоминающих раскрытый веер. Эти ребра, если вытянуть их в длину, составят линию в 3 км. Стены часовни разбиты огромными окнами, украшенными цветными стеклами. Это одна из немногих английских церквей, в которой сохранились оригинальные средневековые витражи с изображением сцен из Ветхого и Нового Завета. Эти витражи также сделаны в духе искусства Ренессанса, специалисты считают, что они были подражаниями картонов Рафаэля, заказанных ему папой Львом X. Интерьер часовни украшают резные камни с изображением символов династии Тюдоров — геральдических животных, корон, роз. С 1515 по 1531 год эта церковь была украшена огромными витражами с изображением библейских сцен. По счастливой случайности эти витражи сохранились в период Реформации, когда пуритане уничтожали многие произведения искусства, и сегодня двадцать пять окон поражают воображение многочисленных туристов, посещающих церковь. При правлении

Генриха VIII в церкви из мореного дуба были возведены алтарь и возвышение для органа в ренессансном стиле — одно из самых больших сооружений в Европе.

Внутреннее пространство часовни украшено деревянными панелями и перегородкой, которые были построены через 15–20 лет после завершения строительства. Если архитектура представляет собой образец высокой готики, то деревянная резьба выдержана в стиле Ренессанса. Орнаментация скамей и перегородки, делящей неф на две части — алтарную и входную, — включает головки херувимов, животных, птиц, стилизованные формы растений.

Король Генрих VII, который посетил Кембридж в 1505 году, подарил 5 тыс. фунтов на завершение церкви. В 1508 году на строительстве церкви работало более ста человек, так что стены ее были завершены к 1515 году.

Королева Маргарита Анжуйская, жена Генриха VI, решила, что наряду с колледжем короля должен существовать и колледж королевы — «во славу женского пола». Так в 1448 году возник Квинз-колледж. В нем сохранилось одно из замечательных строений из дерева — Президентская галерея, построенная в 1540 году в духе архитектуры восточной Англии. В этом колледже жил Эразм Роттердамский, который, правда, не был доволен условиями в нем, в особенности едой и пивом. Колледж знаменит своим мостом через реку Кем (1749), собранным без единого гвоздя и получившим название «мост математиков».

Большую роль в истории Кембриджа сыграл Джон Фишер, который был вице-канцлером университета в 1501 году, а затем президентом Квинз-колледжа. Как духовник леди Маргарет Бофорт, матери будущего короля Генриха VII, он вдохновлял ее на то, чтобы быть бенефактором университета. Она перестроила маленький колледж, который назывался до этого Годсхауз (Дом Бога), в большой колледж на 60 феллоуз — так возник Крайст-колледж. Фишер также надумил Маргарет Бофорт перестроить древнюю больницу Сент-Джонс в колледж, который стал называться, как и госпиталь, Сент-Джонс — один из самых элегантных колледжей Кембриджа. Этот колледж стал центром ренессансных исследований в университете.

Статус колледжа был очень строгим. Студентам запрещалось выходить в город чаще, чем два раза в неделю. Колокол, сохранившийся от госпиталя, будил студентов в 4 часа утра. Но зато колледж обеспечивал студентам питание и тепло вокруг камина в обеденном холле.

Другой колледж, основанный монархической властью, а именно королем Генрихом VIII, был колледж Тринити (1546). Он возник на месте двух несохранившихся колледжей — Михаэльхауза и Кингз Холла. Этот колледж по своему статусу получил широкое поле деятельности. Он должен был быть колледжем «по литературе, науке, философии, искусству и священной теологии». Этот колледж отличался от других большим количеством студентов — 60, таким же, как и количество феллоу. Это позволяло Тринити иметь широкую систему тьюторинга. Благодаря патронажу Томаса Навилла, фаворита королевы Елизаветы, колледж получил большие владения и обладал самой большой территорией по сравнению с другими колледжами Кембриджа и Оксфорда. Навилл был мастером колледжа с 1593 по 1615 годы, и ему колледж обязан многими инновациями. В 1690 году архитектор Кристофер Ренн, создатель собора Св. Павла в Лондоне, строит на территории колледжа библиотеку, получившую название «Библиотеки Ренна». В ней хранятся ценнейшие рукописи, ранние издания пьес Шекспира, рукопись книги Александра Милна «Винни-Пух». Среди знаменитых студентов колледжа был Исаак Ньютон, который учился и работал здесь в период с 1661 по 1696 годы, а также поэты Теннисон, Байрон и Драйден.

Королева Елизавета также проявила личный интерес к Кембриджскому университету. Она посетила Кембридж в 1564 году и провела здесь пять дней. К ее приезду город готовился загодя, улицы были очищены и посыпаны песком. Пиво и вино было завезено, чтобы праздновать королевский визит. Все студенты были проинструктированы при появлении королевы кланяться и кричать «Виват, Регина». В часовне Кингз-колледжа ораторы соревновались в искусстве красноречия, прославляя на латинском и греческом языках королеву-девственницу.

Но Елизавета не ограничилась только парадной стороной дела. При ней в 1570 году был принят новый статус уни-

верситета, который передавал власть вице-канцлерам, влияние городской администрации было сведено до минимума. Во время Елизаветы количество студентов в Кембридже постоянно росло. Если в 1564 году их было 1200, то к концу ее правления их насчитывалось более двух тысяч. В 1560 году число ежегодных выпускников, получавших степень бакалавра, не превышало 50, но уже в 1580 году их было более двухсот.

При Елизавете Кембридж превратился в центр развития драматического искусства. В колледжах ставились греческие и римские комедии и трагедии. Дух Овидия и Плавта витал в старинных колледжах. В этот период многие выдающиеся английские комедиографы учились в Кембридже: Марло был в Корпус Кристи, Роберт Грин и Томас Нэш — в Сент Джонсе. Университет славился и своей поэтической репутацией — Эдмунд Спенсер создавал свою любовную поэзию, будучи студентом Пембрук-колледжа.

С историей Кембриджа тесным образом связана история колледжа «Сидни Сассекс», основанного в 1596 году леди Френсис Сидни, вдовой графа Сассекс. Студентом этого колледжа, правда, короткое время, был Оливер Кромвель, родившийся недалеко от Кембриджа в городке Или. Будучи студентом, он большую часть времени проводил на лужайке, занимаясь спортом — боксом, игрой в мяч. Во время гражданской войны в Англии Кромвель возглавил пуританскую оппозицию королевской власти. После его смерти его тело было изъято из могилы и обезглавлено. Первоначально голова Кромвеля была выставлена в Вестминстере, а в 1960 году была перезахоронена в часовне колледжа, в котором он когда-то учился. Об этом свидетельствует мраморная доска на стене колледжа.

К этому периоду относится Джизус-колледж. Этот колледж был основан еще в 1496 году Джоном Алкоком, епископом собора в Или, который построил его на месте монастыря св. Радегунда, изобразив на его на фасаде свой символ — петуха на глобусе.

Своеобразна история Модлен-колледжа, т. е., если судить по названию, колледжа Магдалины. Но название это было связано совершенно с другим именем. Колледж был

основан канцлером короля Генриха VIII Томасом Одли (Adley). Поскольку он подписывался М. Одли, то колледж стал называться сначала Модлейн, а потом Модлен. Колледж знаменит своей богатейшей библиотекой книг и рукописей, подаренных ее бывшим студентом Сэмюэлем Пипом (Pepys) (1633–1703). Сын лондонского портного, Пип сделал огромное состояние на взятках в Морском ведомстве. Пип переписывался с Исааком Ньютоном и Кристофером Ренном, его «Дневники» содержат замечательные свидетельства о людях и событиях, в том числе и о жизни в колледжах.

Колледж Эммануэл, который в прошлом студенты любовно называли Эмма, был основан в 1584 году Уолтером Милдмеем. Он возник как колледж для священников и превратился в рассадник пуританизма. Об истории этого колледжа рассказывается ниже.

Таким образом, XIV–XV века — период крупного строительства в Кембридже, возникновения самых больших и значительных колледжей, построенных при поддержке и личном участии британских королей. Возникает вопрос, почему английская королевская власть с таким усердием пеклась об университетском образовании? Ведь на строительство колледжей тратились немалые деньги, а у власти даже и сегодня, как известно, не хватает денег на такую область, как образование. Нужно было содержать армию, двор, вести войны, ведь английские короли постоянно с кем-то воевали. Казалось бы, монархам было не до университетов.

Очевидно, основание университетов в Оксфорде и Кембридже было ответом на континентальный вызов. Ведь первые университеты в Европе возникли в Италии (Болонский университет) и во Франции (Парижский университет). Поэтому не последнюю роль играло стремление к соревнованию с континентальной Европой, интересы социального и национального престижа. Но, кроме того, существовали и чисто практические интересы, связанные с необходимостью привлечения на государственную службу образованных людей, владеющих как древними, так и новыми языками, знаниями юриспруденции, математи-

ки, астрономии. Все это создавалось за высокими стенами кембриджских колледжей.

Если с самого начала университет Кембриджа принимал и обучал монахов и людей духовного звания, то по мере его развития богословские предметы постепенно вытеснялись из системы образования и замещались предметами светского знания. Причем реформаторами системы образования часто выступали короли и придворная знать, которые вкладывали большие деньги в развитие университетского образования. Так, король Генрих VIII, основавший в 1546 году Тринити-колледж, ограничил роль факультетов канонического права и запретил обучение схоластической философии. На их место пришло изучение математики, греческой и латинской классики. В XVII веке в Кембридже преподают не только профессора математики, но и химии, астрономии, анатомии, ботаники, геологии и геометрии.

Кембридж традиционно славился своей математикой. Здесь впервые была разработана программа экзамена по математике, получившая название «трипос». Это название произошло от следующей традиции: при получении ученого звания старейший бакалавр зачитывал стихи, сидя на стуле с тремя ножками — трипосе. Отсюда получил название сначала экзамен по математике, а в последующем экзамены по другим предметам.

В этот второй период происходит основание научных учреждений, связанных с деятельностью университета, прежде всего библиотеки, обсерватории, и издательства «Кембридж Юниверсити Пресс», которое было основано в 1584 году, хотя уже в 1534 году университет получил лицензию на издание своих книг. Начиная с 1584 года издание книг и учебников производится регулярно.

Библиотека университета также создавалась в течение нескольких веков. Сегодня она насчитывает 600 лет своего существования. В 1420 году она занимала три комнаты в здании «Старой школы» напротив Сената. Первый каталог, составленный в 1440 году, насчитывал всего 122 тома. Книги были прикованы цепями, чтобы предохранить их от хищения. Вплоть до 1875 года библиотека была открыта только для студентов старших курсов, которые должны были отли-

чатся хорошим поведением в колледжах. В 1577 году университет открыл должность библиотекаря с годовым окладом в 10 фунтов. В 1710 году был обнародован Копирайт акт, согласно которому библиотека должна получать экземпляры каждой книги, публикуемой в Англии и Ирландии. В середине XVIII века она получила в подарок от короля Георга I большую коллекцию ценных рукописей. В последующем она так разрослась, что потребовалось новое хранилище для книг и рукописей. В 1935 году библиотека переехала в огромное здание, построенное на пожертвования Рокфеллеровского фонда, где она находится и до сегодняшнего дня. Сегодня Университетская библиотека насчитывает 7 миллионов томов, 135 тысяч рукописей и миллион карт. Ежедневно в библиотеку поступает до тысячи новых книг, которые каталогизируются и вводятся в компьютер.

Третий период в истории колледжей относится к периоду XVII–XIX веков. В это время строительство новых колледжей было приостановлено, за два первых века не было построено ни одного колледжа. Это было трудное время для университета и колледжей. В Кембридже периодически вспыхивали эпидемии чумы, во время которых во многих колледжах не оставалось ни души. Затем началась гражданская война, которая разделила Кембридж на две части: город поддерживал парламент, а многие колледжи — короля. Оливер Кромвель занял Кембридж и расселил свой гарнизон в помещениях колледжа. Парламент неоднократно предпринимал попытки реформировать университет. Делегация, посланная во главе с Уильямом Доусингом в 1643 году, занялась уничтожением религиозных образов. Как докладывал Доусинг, в Квинз-колледже делегация «уничтожила 110 суеверных картин и сбила 10 или 12 изображений апостолов», в Питерхаузе она успешно разрушила более ста изображений ангелов и херувимов. Случайно были спасены витражи в Кингз-колледже — не нашлось больших лестниц, чтобы до них добраться.

Многие мастера колледжей были смещены со своих должностей, двести феллоуз были удалены из колледжей, а Томас Хилл, мастер Тринити, был посажен в тюрьму за то, что в таверне он сказал, что англичане склонны к бунту еще в большей степени, чем ирландцы.

Несмотря на все социальные потрясения, в XVII веке в Кембридже постепенно вызревают все признаки научной революции. Не случайно мастер колледжа Сент Кэтрин Джон Ичард критиковал систему обучения, основанную только на рабском отношении к латыни, и предлагал широкую программу изучения предметов классической античности. Правда, за это противники университетской реформы называли его «бунтовщиком, предателем, шотландцем, варваром, индейцем, турком и евреем». В Кембридже в середине XVII века получает развитие изучение проблем физики, механики, астрономии и медицины. Выдающимся событием эпохи было издание в 1687 году главного сочинения Исаака Ньютона «Principia Mathematica», получившего признание не только в Англии, но и во всем мире.

Если в этот период не строились новые колледжи, то зато велось интенсивное строительство внутри уже существующих колледжей. К XVII веку относится строительство в Кембридже ряда архитектурных сооружений выдающегося английского зодчего Кристофера Ренна. Ренн построил в Кембридже несколько зданий. Он прибыл в Кембридж по просьбе своего дяди Мэттью Ренна, который был мастером Питерхауза и епископом в Или. Сначала Ренн спроектировал церковь для Пембрук-колледжа, которая была построена в 1664 году. Это было первое в Англии церковное здание, построенное в стиле классицизма. Через пять лет было воздвигнуто здание часовни с лоджиями в Эммануэль-колледже. Третье здание, которое Ренн построил в Кембридже, — это библиотека в Тринити-колледже. Это величественное четырехстороннее здание, украшенное колоннадой, — одно из самых величественных строений в Кембридже.

Библиотека Тринити-колледжа — яркое свидетельство того, что в Кембридж пришла новая концепция архитектуры, основанная на эстетике и практике классицизма. На смену готике приходит архитектура, в основе которой лежит рациональная гармония, четкость и ясность. Это был мир механики Ньютона, но выраженный в архитектурных формах. Он и сегодня доставляет эстетическое удовольствие, и поэтому поток туристов на территории Тринити никогда не иссякает.

Студентом Тринити в 1805–1808 годах был поэт Байрон. Он, правда, не был в восторге от колледжа и назвал его «мрачным убежищем варварской нации». Тем не менее, в библиотеке колледжа установлена скульптура Байрона.

Ренн построил три здания в Кембридже. Начиная с этого времени, колледжи стали строиться в стиле классицизма. Продолжателем Ренна был архитектор Джеймс Гиббс, построивший в 1722–30 годах Дом Сената — главное здание университета. Он же построил здание для феллоу в Кингз-колледже — трехэтажное здание в классическом стиле, которое носит название «здание Гиббса».

XVIII век продолжил традиции XVII века, хотя он оказался в истории Кембриджа наиболее умеренным, спокойным, лишенным больших социальных потрясений. История как бы набирала силы для перехода в новую эпоху.

В XIX веке в Кембридже вновь приступают к строительству. После 200-летнего застоя начинается строительство новых колледжей. Это было время создания специализированных колледжей, ориентированных на специальную отрасль науки или образования, например, женское образование. В это время возникают колледжи Даунинг (1800), Гиртон (1869), Ньюэм (1872), Селвин (1882), Хьюдж Холл (1885), Хомертон (1894), Сент Эдмунд (1896).

Строительство Даунинг-колледжа открыло появление серии новых колледжей. Он был воздвигнут в память сэра Джорджа Даунинга, племянника Адама Уинтропа, губернатора Массачусетса. (В его честь в Лондоне названа улица, на которой находится офис премьер-министра). Даунинг умер в 1749 году, оставив деньги на строительство нового колледжа. Колледж должен был быть ориентирован на науку, в первую очередь на математику.

Возникновение женских колледжей во многом обязано Генри Сидгвику, который преподавал в университете этику. Благодаря его инициативе в Кембридже возникают два женских колледжа — Гиртон и Ньюэм, причем Гиртон был построен в двух милях от города, подальше от мужского населения.

Селвин-колледж был основан в 1878 в честь преподобного Джорджа Селвина, епископа из Новой Зеландии. Этот

колледж, как и Сент Эдмунд, был задуман как теологический колледж и возглавлялся сыном Селвина Джоном, тоже епископом.

В 1870 году в Кембридже происходят реформы, которые существенно меняют роль колледжей в системе университетского образования. Эти реформы получили название «революции донов» (от лат. *dominus* — господин, так называли университетских профессоров и членов колледжей). До этого времени, согласно статусу колледжей, их члены не имели права жениться. Тот, кто нарушал этот статус, вынужден был покинуть Кембридж. К тому же многие феллоу жили в колледжах, не занимаясь преподаванием. Все это напоминало традиции монастырского образования.

Начиная с 1870 года доны получили возможность обзаводиться семьей, оставаясь в колледжах. И колледжи получили право на самостоятельное обучение студентов внутри колледжа. Это право существует и до сих пор, оно распространяется на специальные предметы и на небольшие группы учащихся.

В это время в Кембридж приходят первые признаки цивилизации: колледжи освещаются электричеством, в городе начинают ходить трамваи. Средневековые традиции сочетаются с современной технологией.

Четвертый период в истории Кембриджа связан с XX–XXI веками. Начало XX века было плодотворным. В это время университет Кембриджа усилил внимание к исследовательской работе. Еще в 1897 году была основана лаборатория Кавендиша по экспериментальной физике, в которой работали Резерфорд, Капица, Кокрофт и другие выдающиеся физики. В 1970 году эта лаборатория переехала из тесных помещений в центре города на запад Кембриджа.

В стенах лаборатории Кавендиш были совершены мировые научные открытия. Прежде всего, ученые раскрыли структуру атома и добились возможности его расщепления. Мир получил новые источники энергии, как для достижения невиданного экономического расцвета, так и для собственного самоуничтожения. Также в Кембридже была раскрыта структура ДНК, которая приоткрыла тайны биологической жизни и наследственности.

Вторая мировая война не способствовала расцвету университета. Многие студенты уходили воевать, а профессора, оставляя кафедры, работали над военными проектами. Многие физики из Кембриджа занимались разработкой радара, позволяющего обнаружить самолеты и подводные лодки. Во время Второй мировой войны на военной службе побывало около 14 тыс. членов университета, и из них 2470 погибли на фронте. Правда, ни Кембридж, ни Оксфорд не пострадали от немецких бомбежек, как пострадали Лондон и многие портовые и индустриальные города. Существовало соглашение между Великобританией и Германией, что немцы не будут бомбить Оксфорд и Кембридж, а британцы — Гёттинген и Гейдельберг. Приходится сожалеть, что не существовало соглашения на другие города, которые были разрушены во время войны.

Сразу после Второй мировой войны возникли колледжи Люси Кавендиш (1951), Нью Холл (1954), Черчилль (1960), Фитцуильям (1960), Дарвин (1964), Волфсон (1965), Робинсон (1977).

Дарвин-колледж возник как соединение трех зданий на Сильвер-стрит: Олд Гранари, Ньэм Гранч и Эрмитаж, принадлежащих в свое время семье Дарвинов и подаренных ему университету. На этой основе возник колледж для аспирантов. Другими аспирантскими колледжами стали Клэр-холл, построенный на американские деньги, и Волфсон.

Фитцуильям колледж был основан университетом на основе программы продленного обучения. Впоследствии эта программа перешла в ведении Медингли-холла, который и до сих пор проводит занятия для учащихся, вышедших за пределы студенческого возраста. А Фитцуильям превратился в один из процветающих новых колледжей.

Кембридж во многом содействовал развитию женского образования. Ряд старых колледжей, традиционно связанных с обучением мужчин, открыли двери для женщин в качестве студенток и членов колледжа. Сегодня в Кембридже существует три колледжа, в котором обучаются только женщины, — Ньюэм, Нью Холл и Люси Кавендиш. Из этих колледжей вышло большое количество женщин-ученых, здесь развертывалась борьба за предоставление женщинам

права на образование, участие в научной и политической жизни страны.

Оглядываясь назад, нельзя не поражаться тому вкладу, который внес Кембридж в мировую науку. В Кембридже учились и преподавали многие выдающиеся ученые. Здесь совершались научные открытия, создавались основы физики, астрономии, математики, медицины. В 1600 году Уильям Джилберт из Сент-Джонса публикует трактат «О магнетизме», который заложил научные основы навигации и написания географических карт. В 1627 году Уильям Харвей в своем исследовании «О движении сердца и крови у животных» раскрывает механизм кровообращения. В 1687 году Исаак Ньютон в своем трактате «Принципы математики» устанавливает фундаментальные принципы современной физики. В 1831 году Чарльз Дарвин, студент Крайст-колледжа, начинает свое знаменитое путешествие на корабле «Бигль». В Кембридже был открыт электрон и впервые было произведено расщепление атома. В XX веке в Кембридже учились и преподавали такие выдающиеся ученые, как Бертран Рассел, Людвиг Виттгенштейн, Эрнст Резерфорд, Джон Кейнс. Члены Кембриджского университета удостоились более 60 Нобелевских премий в самых различных областях знания.

История Кембриджа хорошо изучена. В Англии существует несколько сотен книг, посвященных этому предмету¹. Далеко не все они равноценны. Существуют замечательные, прекрасно написанные исследования, но много и скучных, серых повествований об истории Кембриджа. Почти каждый колледж имеет книгу, рассказывающую об его истории. Обилию подобной литературы во многом содействует сохранность всех исторических документов. В каждом колледже сохраняются сведения обо всех событиях университетской жизни и данные о каждом члене колледжа. Колледж чем-то

¹ *Brooke Ch.* (Ed). *A History of the University of Cambridge*, 4 vols. Cambridge, 1992; *Leedham-Green E.* *A Conceive History of University of Cambridge*. Cambridge, 1996; *Reeve F. A.* Cambridge. London, 1976; *Grant M.* Cambridge. London, 1966; *Raverat G.* *Period Piece. A Cambridge Childhood*. Cambridge, 1952; *Monkton Jones M.* *Life in Old Cambridge*. Cambridge, 1920.

напоминает семью, он обеспечивает не только профессиональное и интеллектуальное образование каждого из своих членов, но и терпимость, поддержку по отношению к ним. Поэтому знакомство с историей Кембриджа напоминает разглядывание старых семейных фотографий — хотя они выцвели и не отличаются резкостью, они передают духовную атмосферу и образы давно ушедших эпох и людей.

Помимо книг, университетских документов, источником настоящей книги явились интервью с выдающимися учеными, членами семей Дарвина, Кейнса, Капицы, которые сыграли огромную роль в интеллектуальной истории Кембриджа последнего столетия.

Как и Оксфорд, Кембридж обладает прекрасным собранием искусства, хранящимся в музее Фитцуильям. Этот музей представляет собой один из крупнейших художественных музеев Великобритании, ненамного уступающий по своему значению и собранию художественному музею Оксфорда Эшмолиэн. Его часто называют «изящным маленьким музеем Европы».

Музей был основан Ричардом, седьмым виконтом Фитцуильям. Он часто посещал Италию, собирал там картины, графику и рукописи. Фитцуильям умер в 1816 году, и по его завещанию все его коллекции и денежная сумма в 115 фунтов перешли университету для постройки музея. В 1834 году архитектор Джордж Базеви спроектировал здание музея, которое было открыто в 1848 году.

Это здание выстроено в стиле классицизма, с роскошным коринфским портиком. В нем 46 галерей и пять отделов: древностей, прикладного искусства, монет и медалей, рукописей и книг, живопись, рисунок и графика, старинного оружия, пожертвований и подарков. С 1908 года директором музея становится Сидни Кокерелл, который начинал свою карьеру секретарем у Уильяма Морриса. Кокерелл перевесил все картины из коридоров первого этажа на стены галерей, добавил новые картины, старинную мебель.

В 70-х годах директором музея стал Майкл Джаффи, который добавил к экспозиции занавеси. С 1995 директором становится Дункан Робинсон, который до этого был заведующим отделом живописи и рисунка (с 1976 по 1981 гг.),

затем 14 лет возглавлял Йельский центр Британского искусства (Yale Centre for British Art).

В год музей расходует один миллион фунтов (бюджет музея Эшмолиэн в Оксфорде в 2,5 раза больше). Многие произведения, представленные в экспозиции музея или хранящиеся в его фондах, являются подарками от университетской профессуры. В музее имеются постоянные выставки новых поступлений, и публика имеет возможность выразить их оценку. Как и многие музеи мира, Фитцуильям страдает от недостатка площадей, и в настоящее время происходит реконструкция музея, достройка нескольких новых фасадов.

В коллекции музея находятся картины выдающихся английских мастеров — Хогарта, Гейнсборо, Блейка, Сэмюэля Палмера, Стенли Спенсера. Особый интерес представляют работы английских прерафаэлитов. Из иностранных мастеров здесь находятся шедевры Веронезе, Тициана, Рубенса, Сезанна, Ренуара. Большое количество работ, в особенности графических, находится в запасниках музея.

Тот, кто впервые попадает в Кембридж, с трудом обнаружит местонахождение университета. Здания университета как такового нет, за исключением факультетов и лекционных аудиторий, разбросанных в разных местах. Но зато он столкнется с обилием колледжей, в которых за высокими стенами, в старинных, часто средневековых помещениях живут студенты и преподаватели. Действительно, Кембридж представляет собой совокупность нескольких десятков, чуть больше 30, колледжей. Это, по сути дела, маленькие, независимые друг от друга, изолированные государства, каждый со своим правительством в лице мастера, со своими финансами, своей библиотекой, церковью и, что немаловажно, — кухней. Несмотря на одинаковую структуру, все колледжи отличаются друг от друга. Есть колледжи богатые и бедные, большие и маленькие, консервативные и либеральные, старинные и новые, мужские и женские, с хорошей и плохой репутацией.

Но прежде чем познакомиться с ними, следует разобраться в довольно сложном вопросе: каково отношение между колледжами и университетом. Отношение между универси-

тетом и колледжем — чисто английская проблема. Ни один университет мира, за исключением Кембриджа и Оксфорда, не имеет системы колледжей. Только эти два университета основывают свою систему образования на сложных отношениях с колледжами.

Эти отношения непросто понять даже самим англичанам, тем более представителям тех стран, где системы колледжей не существует. Профессор физики Герман Бонди, проработавший много лет в должности мастера колледжа, с присущей математику точностью постарался охарактеризовать функции колледжа и университета: «Колледжи — частные учреждения, существующие на основе пожертвований и управляемые своим собственным попечительским советом. Кембриджский университет получает ассигнования из общественных фондов, его функции заключаются в том, чтобы присуждать степени, проводить экзамены и осуществлять преподавание на основе лекций и лабораторных занятий. Колледжи занимаются отбором студентов из числа всех тех, кто подал свои документы, они обеспечивают систему тьюторинга, рекомендуют им выбор курсов лекций, предоставляют студентам еду и жилье. Более того, колледжи организуют общественную жизнь студентов и их занятия спортом. Студенты платят колледжам за академическую помощь и жилье. Оплата учебы в университете для всех жителей Великобритании идет из средств местных властей, которые предоставляют гранты для обучения, но только для тех, у кого родители имеют незначительный доход. Что касается аспирантов, то они имеют гранты из фонда для исследований, которые покрывают их оплату за учебу и обеспечивают проживание. Колледж представляет собой демократическую организацию. Члены колледжа избираются и разделяются на несколько групп, из которых наиболее важные связаны с преподаванием и администрированием, так как они обеспечивают работу колледжа. Многие члены колледжа являются преподавателями университета, и многие служащие университета — члены колледжей»¹.

¹ Bondi H. Science, Churchill and Me. The Autobiography. Oxford, 1990. P. 124.

Таким образом, университет и колледжи имеют различные функции, различную систему финансирования, различную систему организации. Конечно, колледжи существуют для того, чтобы обеспечивать полноценное обучение студентов в университете, но как частные заведения они автономны и не подчиняются университету. Далеко не все члены колледжа преподают в университете, и есть преподаватели, которые не являются членами колледжей.

В Англии, в отличие от многих других стран, сохранилась дуалистическая система образования, основанная на сосуществовании колледжей и университета. Хотя университет был одним и программа обучения была общей, колледжей существовало много и каждый из них стремился к экономической самостоятельности, к сохранению своих собственных традиций, норм поведения и привилегий. Это проявилось даже в выборе одежды: каждый колледж обладал своим собственным покроем и цветом мантий и головных уборов.

С другой стороны, система колледжей спасает университет от многих проблем, связанных с приемом студентов, обеспечением их общежитием, питанием, духовным и физическим воспитанием. Все это берут на себя колледжи. Университет занят только системой преподавания, аттестации и вручением дипломов выпускникам — это одно из самых ярких театральных событий на площади перед зданием Сената.

Разделение на колледж и университет идет от средних веков, когда студенты сами должны были зарабатывать себе на жизнь и учебу. Колледж не занимается на своей территории образованием и обучением, он обеспечивает студентам и профессуре проживание, питание и религиозные отправления — в каждом колледже существует своя церковь или часовня. Во главе колледжа стоит мастер, который организует деятельность всего колледжа. Образование обеспечивает университет, который состоит из соответствующих факультетов. Возглавляет университет Сенат и вице-канцлер, канцлер (*chancellor*) университета обычно почетная должность, он появляется в университете раз-два в году. Канцлером колледжа является принц Филипп, а вице-канцлером становится Алек Броерс, бывший мастер Черчилль-колледжа. Впрочем, вице-канцлер переизбирается каждые пять лет.

На картине художника Роберта Фаррена (1832–1889) «Утро присуждения степеней» представлена процедура инаугурации, ежегодно происходящая на площади перед Сенатом. Художник стремился к фотографической точности. На заднем плане виден Кингз-колледж и парадная улица Кингс Парейд. Написанная в 1865 году, эта картина изображает конкретных личностей, быт и костюмы Кембриджа XIX века. Хотя оригинал этой картины висит в Тринити-Холл, ее многочисленные копии рассылаются желающим иметь изображение этого памятного места у себя дома.

Следует, правда, учитывать, что отношения между университетом и колледжами меняются. В эпоху Возрождения доминировали колледжи, которые определяли предметы и методы преподавания. Но «революция донов» дала преподавателям больше свободы¹. Отдельные научные дисциплины стали превращаться в университетские кафедры. С появлением лабораторий влияние университета как организатора научных исследований усилилось. Начиная с 1919 года университет стал получать общественные гранты, а с 1922 года все лекции стали привилегией университетских факультетов. Подготовка аспирантов также стала функцией научных кафедр. Так что в XX веке центр тяжести стал постепенно перемещаться от влиятельных в прошлом колледжей в университет.

Это, правда, не означает, что колледжи совсем отлучены от преподавания и обучения студентов. Колледжи участвуют в этом процессе, так как именно они назначают тьюторов из числа своих феллоу, которые консультируют студентов, контролируют их успеваемость и даже проводят специальные лекции для небольших групп учащихся.

Точно так же количество колледжей не остается постоянным. Наряду со старыми колледжами, основанными в средние века и эпоху Возрождения, появилось большое количество новых колледжей. Как правило, они возникали для определенных целей. Селвин-колледж (1882) был основан как убежище для служащих церкви, которые испытывали на себе давление в связи с секуляризацией университетского препода-

¹ *Rothblatt S. The Revolution of the Dons. Cambridge and Society in Victorian England. Cambridge, 1968.*

вания. Серия колледжей — Гиртон (1869), Ньюэм (1871), Нью Холл (1954) и Люси Кавендиш — для целей женского образования, Дарвин (1964), Волфсон (1965) и Клэр Холл (1966) — для обучения старшекурсников (graduate), Черчилль-колледж (1960) — для образования специалистов в области точных наук и индустрии. Самый молодой колледж — Робинсон (1977) — возник благодаря частной инициативе и частному пожертвованию. Вполне возможно, что процесс возникновения новых колледжей далеко не закончен, и в Кембридже возникнут еще новые колледжи. Во всяком случае, наблюдается известная синхронность между возникновением новых колледжей и новых университетских факультетов.

Охарактеризовать все колледжи Кембриджа невозможно, но, по-видимому, и не нужно. О каждом из них уже написаны пухлые книги. Но следует отметить, что каждый из них представляет «государство в государстве» и обладает большой степенью самостоятельности и по отношению к другим колледжам, и по отношению к университету.

ХРОНОЛОГИЯ КЕМБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1209	Группа студентов и преподавателей прибыли из Оксфорда в Кембридж, основав там новый университет.
1284	Епископ Или основал Питерхауз — первый колледж в Кембридже.
1347	Мэри, графиня Пембрук, основала колледж Пембрук.
1466	Генрих VI, основатель Кингз-колледжа, заложил первый камень в фундамент знаменитой часовни колледжа.
1511	Мери Бофорт, мать короля Генриха VII, основала колледж Сент-Джонс.
1516	Эразм работает в Кембридже над переводом с греческого текста Нового завета и написанием учебников, составивших основу «нового знания» в Кембридже.

- 1546 Генрих VIII основывает колледж Тринити.
- 1584 Основание издательства «Кембридж Юниверсити Пресс».
- 1600 Д-р Уильям Гилберт публикует свой трактат «О магнетизме», сочинение, которое способствовало развитию навигации и составлению карт.
- 1625 Джон Милтон поступает в Крайст-колледж, где он учится до 1632 года.
- 1627 Джон Гарвард поступает в Эммануэль-колледж. Позднее он эмигрирует в Америку, где в 1639 основывает колледж, носящий его имя, в Кембридже, Массачусетс.
- 1628 Уильям Гарвей публикует трактат «О биении сердца и движении крови у животных», открывая закон циркуляции крови.
- 1687 Исаак Ньютон, профессор математики в Тринити-колледже, публикует трактат «Principia Mathematica», в котором он основывает принципы современной физики.
- 1711 Профессор Ричард Бентли издает переводы поэм Горация, закладывая основы изучения классических текстов в Кембридже.
- 1787 Студентом Кембриджа становится Уильям Вордсворт, который впоследствии пишет поэмы о Кембридже и Оксфорде.
- 1805 Лорд Байрон поступает в колледж Тринити и начинает писать здесь свои первые поэмы.
- 1829 Альфред Теннисон, будучи студентом Тринити, получает медаль президента университета за одну из своих поэм. Позднее он наследует звание Вордсворта в качестве поэта-лауреата.
- 1831 Чарльз Дарвин, студент Крайст-колледжа, рекомендуется в качестве натуралиста на корабль «Бигль». Результаты своего исследования, предпринятого во время экспедиции, Дарвин публикует в своей знаменитой книге «О происхождении видов» (1859).

- В последующем он покидает Кембридж, но там живут все его дети, внуки и правнуки.
- 1847 Принц Альберт, муж королевы Виктории, избирается президентом университета и начинает реформы в университетском образовании.
- 1849 Томас Макалей, член колледжа Тринити, начинает публикацию своего труда «История Англии».
- 1869 Основывается первый колледж — Гиртон, предназначенный для высшего женского образования.
- 1871 Уильям Кавендиш основывает в Кембридже новую лабораторию для экспериментальной физики. Одним из первых профессоров этой лаборатории становится Джеймс Максвелл, который занимается изучением электромагнетизма.
- 1897 Д. Д. Томсон, профессор лаборатории Кавендиша, открывает электрон. Это открытие положило основание новой физики, включая электронику и компьютерную технологию. В 1906 году за это открытие он получает Нобелевскую премию.
- 1903 Бертран Рассел, преподаватель Тринити-колледжа, публикует свое сочинение «Принципы математики». В этом же году профессор философии Джордж Мур публикует трактат «Принципы этики». В начале XX столетия Рассел и Мур превращают Кембридж в центр изучения философии, основанной на принципах логического знания.
- 1911 Людвиг Виттгенштейн, приехавший в Англию из Вены, прибывает в Кембридж, чтобы изучать философию под руководством Бертрана Рассела.
- 1915 Молодой физик Лоуренс Браг вместе со своим отцом получает Нобелевскую премию за открытие механизма дифракции икс-лучей.
- 1919 Владимир Набоков поступает в Тринити-колледж в качестве студента-пенсионера.
- 1921 Русский физик Петр Леонидович Капица приезжает в Кембридж и начинает работать в лабора-

- тории Резерфорда. Он проработал в Кембридже 13 лет, пока не Сталин запретил ему возвращаться в Англию.
- 1922 А. Хилл становится лауреатом Нобелевской премии по медицине за исследования мышечной ткани.
- 1929 Фредерик Хопкинс, профессор химии, получает Нобелевскую премию по медицине за открытие витаминов.
- 1932 В лаборатории Кавендиша под руководством Резерфорда физики Джон Кокрофт и Эрнст Уолтон произвели расщепление атома, что привело к возникновению атомной физики. За свое открытие они получили Нобелевскую премию в 1951 году.
- 1933 Профессор Поль Дирак получил Нобелевскую премию за свои открытия в области квантовой теории, основанные на приложении физики, химии и математики.
- 1936 Джон Мейнард Кейнс, феллоу Кингз-колледжа, опубликовал свою книгу «Общая теория занятости, интересов и денег», которая изменила традиционное понимание сферы экономики и банковской системы в мире.
- 1950 Бертран Рассел получил Нобелевскую премию по литературе.
- 1951 Френсис Крик и Джеймс Уотсон открыли структуру ДНК и положили тем самым начало современной генетике.
- 1958 Фредерик Сэнджер получил свою первую Нобелевскую премию за открытие структуры инсулина.
- 1960 Сэр Чарльз Отли вместе с группой инженеров изобрел сканирующий микроскоп, получивший широкое применение в различных областях науки.
- 1962 Крик и Уотсон получили Нобелевскую премию по медицине и физиологии за открытие ДНК.
- 1968 Энтони Хевиш и Джоселин Белл, сотрудники кембриджской астрономической обсерватории, от-

- крыли пульсирующие звезды (пульсар). Через восемь лет Хевиш получил Нобелевскую премию за свои работы в области современной космологии.
- 1980 Фредерик Сэнджер получил вторую Нобелевскую премию по химии за разработку условий формирования информации в ДНК. Он оказался первым ученым, получившим две Нобелевские награды.
- 1984 Тед Хьюдж из колледжа Пембрук наследовал звание поэта-лауреата, принадлежащее до того времени поэту Джону Бетчмену, выпускнику Оксфорда.
- 1988 Профессор Стивен Хоукинг, профессор математики, опубликовал свою книгу «Краткая история времени» — самую популярную и самую тиражную научную книгу в XX веке. Хоукинг развивает в своих астрофизических работах теорию «черных дыр» и «Большого взрыва».
- 1990 Создание при университете института Менеджмента имени Джаджа. Бизнесмен Поль Джадж вместе с Саймоном Сэнсбери субсидировал создание этого нового института.
- 1995 Профессор астрономии и экспериментальной философии Мартин Рис за свои исследования был избран королевским астрономом.
Открыт новый юридический факультет.
- 2009 Университет Кембриджа празднует 800-летие со дня своего основания. Девизом 2009 юбилейного года стала фраза: «Кембридж изменяет завтрашний день». В этом изменении участвовали и многие русские ученые.

ОКСБРИДЖ

Английский писатель Уильям Теккерей придумал термин «Оксбридж», соединив в одном слове два названия — Оксфорд и Кембридж. Действительно, эти два места име-

ют много общего. Это два университета с общей системой образования, с одинаково высоким престижем, с одинаковой системой колледжей, с одинаковым стилем жизни, с одинаковой привязанностью к реке и зеленым лужайкам в центре города. Кембридж привязан к реке Кем, излюбленному месту для пеших прогулок вдоль реки и катанию на лодках. Оксфорд стоит на двух реках: на Темзе и Червилле. На последней проводятся традиционные соревнования по гребле на лодках. Кстати сказать, Червилл — это место, на котором развивается действие «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла.

Оксфорд и Кембридж являются одними из старейших европейских университетов, они были основаны еще в средние века, соответственно в конце XII и начале XIII веков. На протяжении многих веков они занимали господствующее место в системе британского образования, создавая поколения ведущих английских политиков, адвокатов, служителей церкви, ученых и писателей. Как говорил известный английский поэт и критик Мэтью Арнольд, для того, чтобы участвовать в английской национальной жизни, нужно одно из двух: либо быть служителем англиканской церкви, либо быть выпускником Оксфорда или Кембриджа.

В своей известной книге «Анатомия Британии» Энтони Сэмпсон пишет по этому поводу: «В течение нескольких столетий два университета играли доминирующую роль в английском образовании. И сегодня не меньше, чем прежде, они играют эту роль, чему способствует их изоляция и их гипнотическая красота. Оксфорд и Кембридж сохраняют средневековый уклад жизни в условиях XX века. Волшебная легенда, связанная с их существованием, поддерживается туристами, фондом Форда и международной славой. Среди их выпускников 72% членов кабинета министров, около 40% членов парламента, 71% ректоров университетов. 18 тыс. ежегодных выпускников Оксбриджа — это самая элитарная элита в мире... Как и монархия, Кембридж и Оксфорд — сказочная страна в центре Британии»¹.

¹ *Sampson A. Anatomy of Britain. London, 1965. P. 221–222.*

И вместе с тем, оба университета существенно отличаются друг от друга и находятся в постоянном соперничестве друг с другом, начиная от высокой науки и кончая традиционной регатой на Темзе.

Чем же отличаются оба университета, которых связывают и родственные узы, и отношения любви и ненависти?

Самое очевидное и бросающееся в глаза отличие — это то, что Кембридж — небольшая деревня, тогда как Оксфорд — довольно большой индустриальный город. Оксфорд ближе к Лондону, он более урбанистичен, это настоящий университетский город в городе. По-разному складываются здесь отношения *gown and town*, университета и города. В Кембридже почти все городское население обслуживает университет и колледжи, в Оксфорде отношения между городом и университетом всегда напряженные и достаточно агрессивные. Университет часто отнимает у города принадлежащие ему земли и застраивает их новыми учебными корпусами. (На моих глазах замечательный травяной теннисный корт, принадлежащий городу, был распахан, и на его месте появились здания университетских лабораторий). Средневековая вражда между городом и университетом в Оксфорде не исчезла, она все еще продолжается, хотя и принимает новые, более цивилизованные, хотя и не менее агрессивные формы.

Оксфорд и Кембридж существенно отличаются друг от друга не только по размерам, но и по общей специализации образования и знания. Оксфорд в большей мере ориентирован на изучение гуманитарных дисциплин, истории, философии, филологии, чем естественных наук. В Оксфорде обучались многие английские писатели, как, например, Оскар Уайльд, архив которого сохраняется в Модлен-колледже, где он учился. В колледже Крайст-Чёрч преподавал математику Доджсон, известный в литературе как Льюис Кэрролл. В Оксфорде преподавали выдающиеся английские художественные критики и историки искусства, как, например, Джон Рёскин. Членом Мертон-колледжа был писатель Дж. Р. Р. Толкиен. Ивлин Во учился в колледже Хертфорд. В своих романах «Упадок и разрушение», «Возвращение в Брайдсхед» он описал Оксфорд 20-х годов, талантливо изображая оксфордские типы. Роман «Упадок и разрушение» начинается традици-

онным вечером в оксфордском клубе Боллинджер, где встречались выпускники Оксфорда: «Со всех концов Европы собирались ветераны-боллинджеровцы. Второй день тянулась кавалькада припадочных монархов в отставке, неуклюжих сквайров из обветшалых родовых поместий, проворных и переменчивых, как ветер, молодых дипломатов из посольств и миссий, полуграмотных шотландских баронетов из сырых и замшелых гранитных цитаделей, честолюбивых молодых адвокатов, а также членов парламента от партии консерваторов — в общем, баловни судьбы и любимцы фортуны...»

Напротив, Кембридж кажется более замкнутым, изолированным, менее связанным с Лондоном, чем Оксфорд. Кембридж — необычное и ни на что не похожее место на всем земном шаре. Городом его не назовешь, потому что в самом его центре, как несколько веков назад, мирно пасутся коровы, а с другой стороны — это центр мировой науки, куда стремятся ученые со всего света. Здесь внешне сохраняется весь средневековый уклад жизни, с утренней и вечерней церковной службой, напоминающими средневековые одежды профессорскими мантиями (*gown*), общественной трапезой под портретами основателей колледжа.

Он напоминает больше деревню, чем город, к его границам близко подступают сельскохозяйственные фермы. Да и у стен старинных колледжей спокойно пасется скот, что создает полную иллюзию пасторального пейзажа. И тем не менее, Кембридж — один из центров современной науки, в особенности физики и естествознания. Поэтому и наука, и образование в Кембридже ориентируются не на гуманитарные дисциплины, а на естественнонаучное знание.

Философия в современном Кембридже представлена довольно бедно, хотя сравнительно недавно она была связана с именем Людвиг Виттгенштейна, который в 1911 году приехал из Вены, чтобы слушать лекции Бертрانا Рассела. Затем, став членом «Тринити колледжа», он во многом способствовал превращению Кембриджа в центр философских исследований. В Кембридже хранится архив Виттгенштейна, который издает сочинения этого выдающегося философа. Однако современное состояние философских исследований в Кембридже оставляет желать лучшего.

И Оксфорд, и Кембридж обладают большими сокровищами национального и мирового искусства. В Оксфорде замечательную коллекцию искусства, включая произведения итальянского Возрождения, английских прерафаэлитов и русского «Мира искусства» содержит музей Эшмолиэн. В Кембридже не менее ценной коллекцией искусства обладает музей Фитцуильям. Оба музея сформировались на основе коллекций, которые приносились в дар профессорами университета. Сегодня они представляют собой музеи мировой величины.

В 1965 году в Оксфорде училось 7122 студентов, 1900 аспирантов, здесь работали 92 профессора и 489 преподавателей. В Кембридже в то же время училось 7500 студентов, 1760 аспирантов, работали 95 профессоров и 823 преподавателей. Это означает, что в Оксфорде на одного преподавателя приходилось 12 студентов, а в Кембридже 8. Это позволяет осуществлять обучение, основанное не только на лекциях, но также и на системе тьюторинга, что является отличительной особенностью образования в Оксфорде и Кембридже. Профессора университета выступают в роли «tutor», они занимаются с 4–5 аспирантами, получая от них еженедельные письменные отчеты об их работе и консультируя их по теме исследования. Такая система обучения очень дорога, но зато эффективна.

Статистика показывает, что количество студентов в Англии постоянно растет. В 1962 году в стране насчитывалось 216 тыс. студентов, из них 118 тыс. училось в университетах, а остальные — в технических и педагогических колледжах. В 1990 году эти цифры значительно возрастают: общее количество студентов насчитывает 650 тыс., то есть в три раза больше, из них 340 тыс. составляли студенты университетов. К этому числу прибавляется еще 400 тыс., обучающихся в «Открытом университете», то есть заочно.

В течение долгого времени Оксбридж был доступен только для состоятельных студентов или членов аристократических фамилий. Эта ситуация существенно изменилась в XX веке, когда правительство стало давать больше стипендий для бедных детей. Сегодня более 80% студентов имеют гранты от государства. Фактически только иностранные сту-

денты обязаны платить за свое обучение, которое стоит недорого — около двух тысяч фунтов в год.

Сегодня Оксфорд и Кембридж — международные центры обучения и исследования. В них учится большое количество студентов из самых разных стран мира — США, Европы, Японии, Кореи, России, причем количество иностранных студентов постоянно растет, несмотря на рост платы за обучение — ведь диплом, полученный в Оксфорде или Кембридже, открывает двери самых престижных офисов и служит залогом успешной карьеры в науке или бизнесе. Здесь проводятся самые крупные международные научные симпозиумы, издаются наиболее авторитетные научные книги. Оба университета обладают первоклассными издательствами — «Оксфорд Юниверсити Пресс» и «Кембридж Юниверсити Пресс».

Однако нельзя считать, что Оксфорд и Кембридж представляют идиллическую картину на фоне потрясаемой катаклизмами современной истории. Оба университета периодически сталкиваются с материальными трудностями, между ними существует извечная конкуренция, которая решается не только на лодочных гонках на Темзе, где ежегодно соревнуются команды Оксфорда и Кембриджа, но и в соревновании за международный престиж в сфере науки. Наконец, существует извечная борьба между университетом и городом, борьба между *gown and town* за владение земельной собственностью. Университетские колледжи, стремясь расширить свои владения, уничтожают городские постройки и спортивные комплексы, возводя на их территории новые жилые застройки. Если для многих туристов Оксфорд и Кембридж — рай на земле, то для жителей города это рай выложен камнями из ада. К тому же университеты, в поисках международных капиталовложений, отдают право на обучение иностранным студентам, в особенности из стран Дальнего Востока. Современный Оксбридж — фабрика не только национальной, но и международной элиты, и эта тенденция становится все более господствующей. Большой процент учащихся составляют студенты из Японии и Китая.

Джон Фосли, бывший мастер Эммануэль-колледжа в Кембридже, опубликовал в журнале «Кем» статью, в которой он задается вопросом о сходстве и различии Оксфорда

и Кембриджа. «Между ними много общего. Система колледжей создает солидарность и социальную поддержку, которую никогда не могут создать новые, краснокирпичные университеты. Общей является опора на древнюю традицию. Но в то же время существуют и глубокие отличия. Прежде всего, это проявляется в этосе. Кембридж — это город на земле, реальное место. Он демонстративно прогрессивный и протестантский. Оксфорд — в большей мере город мечты, город утраченных целей, и в своих корнях католический и консервативный. Эксцентричность чужда Оксфорду, а в Кембридже она — культ. Оксфорд интровертен, Кембридж — экстравертен. Доны легко смешиваются со студентами в Кембридже, а в Оксфорде они сидят в башнях из слоновой кости.

Выглядит ли Оксфорд прекраснее Кембриджа? На этот вопрос невозможно ответить. Оксфорд — это архитектурная сокровищница средних веков: Модлен с его тонкой башней, тенистой галереей и величавым парком с оленями, грандиозным холлом колледжа Крайст Чёрч. В Кембридже — благородство капеллы Кингз-колледжа, элегантность прекрасно пропорционированного здания Сената, знаменитого парадного двора Эммануэль-колледжа с его капеллой Ренна и соседним колледжем Квинз как гармоническим контрапунктом. Кембридж по отношению к Оксфорду то же самое, что Париж по отношению к Риму. В Кембридже, так же, как и в Париже, всё на виду и предстает как явное достоинство. Оксфорд, как и Рим, изобилует красотой, но это скрытая красота, которую еще надо открыть»¹.

Несмотря на старинное, веками тянувшееся соперничество, Оксфорд и Кембридж стремятся объединять свои усилия в исследовании общих научных проблем. Этому содействуют и некоторые учреждения, и технические инновации, например, прямая телефонная связь между университетами, позволяющая двум городам общаться как внутри одного города. Сравнительно недавно в Лондоне на улице Пол Мелл, 71 возник клуб «Объединенных университетов Оксфорда и Кембриджа» с библиотекой, сквошем, рестораном и гостевыми комнатами.

¹ *Fawsley J. Don's Diary // Cambridge Easter Term, 1996. P. 9.*

Современный Оксбридж часто подвергается критике, и эта критика не всегда лишена основания. Как пишет Энтони Сэмпсон, «квазиаристократическая атмосфера Оксфорда остается совершенно неизменной для веяний послевоенной эпохи. Большинство впечатлений создается процессом индивидуального обучения, циклами первоклассных лекций, ощущением международного научного центра, поддерживаемого лучшими умами, собранными со всего мира. Но еще больше значение Оксфорда зависит от социального климата — неизменяемого календаря лодочных гонок, выпускных балов, организуемых колледжами, и летними развлечениями. Извне Оксфорд выглядит как цитадель, которая может быть завоевана только выдающимися умами со стороны. Но изнутри он остается тем, что он есть — великолепное зрелище, наслаждение досугом и спортивными соревнованиями»¹.

Тем не менее, Оксфорд и Кембридж — уникальное место в мире современной науки и образования. Здесь, быть может, более, чем в других культурных центрах Великобритании, сочетаются традиция и современность, практицизм и романтика, средневековье и XXI век, первоклассная научная технология и средневековые жилища, привилегия на изоляционизм и широкие связи со всем миром. Учеба в Кембридже и Оксфорде дает не только престижный диплом, но, что не менее важно, чувство принадлежности к английским корням, к вековым традициям, которые сохраняются в неприкосновенности всей системой жизни и обучения.

КРАСНОКИРПИЧНЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Оксфорд и Кембридж — два крупнейших британских университета, в каждом из которых учатся более 10 тысяч студентов. Это — элитарные университеты, в которых воспитываются специалисты во всех областях знания, занимающие впоследствии ведущие посты в политике, науке, образовании и технологии. Но, помимо Оксфорда и Кембриджа, в Вели-

¹ *Sampson A. Anatomy of Britain. P. 224–225.*

кобритании существуют еще несколько десятков университетов, которые получили традиционное название «краснокирпичных» (redbrick universities), очевидно, потому, что большинство из них строилось из красного кирпича. Это менее престижные высшие учебные заведения, но зато они более доступны для детей из семей среднего класса. К тому же некоторые из них могут похвастаться и своей древностью, и древними традициями, и высоким уровнем образования.

В числе этих университетов, прежде всего, Лондонский университет, в котором учатся более 30 тысяч студентов. Этот университет представляет собой федерацию многочисленных колледжей, специализирующихся по самым разным специальностям, включая медицину. Среди этих колледжей имеют известность Кингз-колледж, Голдсмиз-колледж, Бирбек-колледж и др. Лондонский университет имеет широкую программу, он включает, с одной стороны, институт Курто и Варбургский институт, специализирующиеся в области истории искусства, а с другой — Имперский колледж науки и технологии. В отличие от американских университетов, которые, как правило, базируются за городом, Лондонский университет находится в самом центре Лондона, недалеко от Британской библиотеки и Британского музея.

«Краснокирпичные университеты» можно разделить на три группы по времени их основания: средневековые, викторианские и новые университеты. Первые относятся к XV–XVI векам, вторые — к XIX веку, и третьи — к XX столетию.

Среди краснокирпичных университетов, основанных в эпоху средневековья и Возрождения, — университеты Шотландии. Это, прежде всего, университет Сент Эндрю, основанный в 1410 году. Одна из его специализаций — изучение астрономии. Другой шотландский университет находится в Глазго. Основанный в 1451 году, он традиционно специализируется на изучении кораблестроительства. Но самый крупный университет Шотландии — Эдинбургский. Основанный в 1583 году, он был и остается крупнейшим европейским университетом, в котором учится большое количество (до 10%) студентов из других стран. Основная специализация университета — медицина, а также лингвистика и политическая наука.

В Уэльсе существует четыре крупных университета — в Кардифе, Свонси¹, Аберсвизе и Бангоре. Все это — сравнительно молодые университеты, обладающими большими возможностями для роста и развития. Например, университет Бангора обладает собственным кораблем для океанографических исследований. В университетах Уэльса учатся не только валлийцы, но и англичане. Правда, в этих университетах порой возникают трудности с языком. В университете Аберсвиза, например, преподавание ведется на валлийском языке, а конференции и административные собрания проводятся с синхронным переводом с английского языка на валлийский.

Большинство других британских университетов основаны в XIX веке, когда появилась настоятельная потребность в образованных кадрах в связи с процессом индустриализации страны. Три самых крупных английских университета этого времени находятся в Бирмингеме, Ливерпуле и Манчестере. Университет в Бирмингеме (1880), насчитывающий около 7 тысяч студентов, специализируется на нефтяной инженерии, технологии пивоварения и классической археологии. Университетский городок построен в стиле византийской архитектуры, в нем издается студенческая газета со знаменательным названием «Redbrick». Университет индустриального Манчестера, основанный в 1851 году, ориентируется на преподавание математики, инженерного дела и бизнеса. Это большой университет, в нем более 10 тысяч студентов. После Оксфорда, Кембриджа и Лондона это четвертый по своему значению и размерам университет в Британии. Его часто называют «английским Кембриджем, Массачусетс». Одна из специальных областей преподавания в университете — планирование в области

¹ Мне пришлось в течение года преподавать историю искусства в Свонси, в Институте высшего образования, и посещать библиотеку и некоторые лекции университета. Университет располагается в живописном месте, на берегу Бристольского залива, располагает большой территорией, спортивными комплексами и т. д. На территории университета постоянно ведется строительство новых учебных комплексов.

градостроительства. Из гуманитарных областей знания в Манчестере — сравнительное религиоведение. Наконец, университет в Ливерпуле имеет факультет космической физики, океанографии, а из гуманитарных дисциплин здесь практикуется изучение египтологии.

Другие британские университеты помельче, от трех до пяти тысяч студентов. Но каждый из них имеет специальные области в обучении, что делает их привлекательными для особых групп учащихся. Например, университет в Дареме (1832), расположенный в бывшем дворце епископа города, имеет в своей программе изучение культуры древней Индии. Университет Шеффилда (1897) специализируется на изучении металлургии, а также на технологии производства стекла и керамики. Преподавание технических дисциплин балансируется изучением библейской истории. Университет Ноттингема ориентирован на сельское хозяйство, здесь преподается наука о питании и способах разведения скота. Университет города Ридинга (1892) сочетает две противоположные области знания: молочное производство и кибернетику. Университет обладает несколькими сельскохозяйственными фермами и Национальным институтом молочного хозяйства. В университете Лидса (1887) преподавание биофизики сочетается с преподаванием китайского языка. А в университете Бристоля (1876) преподавание такой прозаической дисциплины, как бухгалтерский учет, уравнивается преподаванием драмы.

Большинство британских университетов соблюдает определенную пропорцию между преподаванием технических и гуманитарных знаний. Но некоторые из них предпочитают ориентации на одну из областей. Так, университет в Белфасте ориентируется на преподавании схоластической философии. Молодой университет в городе Эссексе (1964) разработал программу обучения в области социологии с использованием математических методов. Из новых университетов популярен университет в Сассексе (1961), в котором, наряду с преподаванием физических дисциплин, преподается культура африканских и азиатских стран. Университет города Экзетера (1922) специализируется на европейских исследованиях. Университет Лафборо (1909) имеет техническую

ориентацию, в нем преподается кибернетика, эргономика и литейная технология.

Первоначально новые университеты не ставили перед собой задачу развития технологии, ограничиваясь развитием чистой науки. Но в 1953 году правительство ассигновало 12 миллионов для специальной программы Имперского колледжа университета науки и технологии Лондона, предназначенной для технологического образования. Была создана программа по созданию передовой технологии — «Colleges of Advanced Technology», в сокращении САТ. Такими колледжами оказались Лондонский колледж технологии, колледжи в Норзхэмтоне, Бирмингеме, Лафборо, Бристоле, Кардифе, Бате. Студенты, учащиеся по программе САТ, стали получать новый диплом — Диплом по технологии. Изучение технологических дисциплин сочеталось с изучением социальных наук и иностранных языков. Таким образом, технология стала предметом университетского преподавания. Это предопределило развитие в Британии новых университетов, начавшееся в 50-х годах XX столетия.

«Краснокирпичные университеты» обладают меньшим престижем, чем университеты Оксбриджа. Но зато они более доступны студентам, не обладающим большим состоянием или принадлежностью к аристократическим семьям. Мечтой для большинства тех, кто получает образование в этих университетах, — получить возможность поступить в аспирантуру Кембриджа или Оксфорда. Это стимулирует их научные занятия и создает здоровую конкуренцию для достижения доступа к лучшим британским университетам.

В списке британских университетов, который приводится в книге Энтони Сэмсона «Анатомия Британии» (1965), их фигурирует всего 49. Несомненно, этот список устарел. С тех пор количество университетов в Великобритании увеличилось почти вдвое. Сегодня, в первой декаде XXI века, их насчитывается более ста, причем все они, за исключением двух, — государственные. В «Международном словаре университетов» (1998) их приводится около 120. Помимо университетов Англии, в нем насчитывается 13 университетов Шотландии, 9 университетов Уэльса, 2 ирландских университета. Количество учащихся и преподавательского состава

также увеличилось более чем вдвое. Например, в 1965 году в Оксфорде насчитывалось только 92 профессора, а весь преподавательский состав был равен 489 человекам. Теперь же насчитывается соответственно 230 профессоров и 1292 человека преподавательского состава. А в Кембридже в 1965 году значилось 95 профессоров, теперь же словарь указывает 251 профессора. В то время в Оксфорде и Кембридже училось чуть свыше 7 тыс. студентов, к концу столетия эта цифра возросла до 15,5 тысяч. Этот значительный рост университетского образования объясняется не только строительством новых университетов в стране, хотя появились и такие, с новым названием «стеклянные». Но в большинстве случаев университеты возникли на основе реорганизации и придания нового статуса техническим институтам и различным колледжам.

Характерно, что во многих престижных университетах обучаются иностранные студенты. Порой их количество составляет нескольких тысяч. Дело в том, что плата за обучение, получаемая от иностранных студентов, как правило, в десять раз выше. Поэтому администрации университетов выгодно принимать на учебу студентов из других стран. В Оксфорде и Кембридже иностранные студенты составляют более 20% учащихся. Но большое количество иностранцев учится и в университетах Шотландии, где плата за обучение сравнительно ниже.

Сегодня в Великобритании существуют два типа университетов: многопрофильные, в которых обучают и выдают дипломы по различным специальностям, и т. н. университетские колледжи (*university colleges*), обладающие более узким профилем, чаще всего техническим. Многие из них зарекомендовали себя с самой лучшей стороны. Так, из новых университетов был признан самым лучшим Оксфорд Брукс. В нем учатся несколько сотен русских студентов. Некоторые университеты, как, например, в Лондоне, возникли на базе отдельных институтов и школ, входящих в Лондонский университет. Сегодня в Лондоне функционирует более 20 университетов. Среди них — Кингз-колледж, Квин Мэри и Уэстфилд-колледж, Университетский колледж, Лондонская школа бизнеса, Институт классических исследований, два

художественных института — Курто и Варбурга, Лондонская школа экономики и политических исследований, Школа африканских и восточных исследований, Имперский колледж науки, технологии и медицины и другие. Все они получили статус университетов. К числу новых университетов прибавились Ноттингем Трент, университетский колледж Кентербери, университет Ковентри, университет Темз Вэллью, университет Стерлинг, университет Дерби.

По рейтингу газеты «Санди Таймс» 1998 года было названо десять самых лучших университетов:

1. Кембридж
2. Оксфорд
3. Империял колледж наук и технологии (Лондон)
4. Лондонская школа экономики (Лондонский университет)
5. Университет Йорка
6. Университетский колледж Лондона
7. Уорвик
8. Ноттингем
9. Шеффилд
10. Дарем

Особенности британских университетов, в отличие от американских и, очевидно, наших отечественных, заключается в том, что они носят специализированный характер. Каждый из них ориентирован на особую область знания. Поэтому перед поступлением студенту необходимо сделать выбор, чем он будет заниматься. Кроме главного, остальные предметы ему будут преподаваться в минимальной степени.

Система высшего образования Великобритании в мире ценится высоко. По данным опросов, она стоит на втором месте в мире, чуть уступая американской системе высшего образования, в которой университетов в 10 раз больше, чем в Великобритании. Недавно газета «Таймс» провела опрос четырех тысяч ученых с просьбой назвать тридцать лучших университетов мира. По этому опросу на первое место был поставлен Гарвардский университет, штат Массачусетс. Второе и третье место заняли соответственно Кембридж и Оксфорд. Парижская Высшая нормальная школа заняла

18-е место, Токийский университет – 20-е, Гейдельберг – 58-е, МГУ – 93-е. В целом это очень высокая оценка. 29 британских университетов входят в число лучших 200 университетов мира.

Таково положение британских университетов в современном мире. Казалось бы, положение вполне надежное. Но некоторые деятели британского образования бьют тревогу. Так, Элисон Ричард, заместитель ректора университета Кембриджа, в 2007 году высказала опасение, что через 10 лет британские университеты могут утратить лидирующее положение в области образования. Стремление получить наибольшую плату за обучение, предоставить привилегии состоятельным студентам может привести к упадку стандартов.

«Вероятно, у нас есть десять лет на то, чтобы консолидировать и ориентировать систему образования так, чтобы она восстановила свою конкурентоспособность. Риск для британской системы, по-моему, заключается в том, что из-за исторически сложившегося недофинансирования нашей деятельности в области образования появится соблазн сделать упор на объемы вместо качества». Поэтому Э. Ричард считает необходимым, с одной стороны, инвестиции в область высшего образования как со стороны государства, так и со стороны частных спонсоров. А с другой, необходимо открыть двери в Кембридж и Оксфорд для всех слоев населения, чтобы не превращать их в «пансионы для богачей». Следует признать, задача, которую она ставит перед университетом, довольно трудная: чтобы поднять стандарты образования, нужны капиталовложения, а деньги университетам приносят дети богатых семей.

Но при всех трудностях, Оксфорд и Кембридж всегда давали возможность образования и для студентов из-за рубежа. Сегодня среди них преобладают студенты из Азии и стран Востока, но и студенты из России имеют в Великобритании широкие возможности для высшего образования.

СПИСОК УНИВЕРСИТЕТОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Университет	Дата основания	Кол-во студентов	Кол-во аспирантов	Профессора	Преподаватели
Оксфорд	1249	7122	1900	92	489
Кембридж	1284	7500	1760	95	823
Сент Эндрю	1410	2970	302	49	335
Глазго	1451	5952	612	73	609
Абердин	1495	2520	213	38	278
Эдинбург	1583	7878	1531	69	640
Дарем	1832	1542	369	28	176
Ньюкасл	1832	4402	514	61	433
Лондон	1836	17134	6452	506	3085
Белфаст	1849	4376	746		
Манчестер	1851	7572	1479	85	716
Манчестер Технол.	1827	1689	513	19	330
Бат	1856	763	21		
Саутгемптон	1862	1708	366	31	181
Кардиф	1866	882	45		
Бирмингем	1880	3805	1142	81	597
Лидс	1887	5324	904	75	819
Бристоль	1876	3404	579	54	451
Ливерпуль	1881	4121	953	64	646
Бредфорд	1882	1247	81		
Нортгемптон	1891	1565	84		
Суррей	1891	1082	173		
Челси	1891	706	117		
Рединг	1892	1997	389	27	346
Уэльс	1893	7044	1146	120	884
Солфорд	1896	1487	64		
Шеффилд	1897	3189	619	63	424
Ноттингем	1903	2600	465	45	314

Лафборо	1909	1305	26		
Лестер	1921	1613	249	21	181
Экзетер	1922	1670	186	21	160
Халл	1927	1977	245	23	202
Кил	1949	882	41	18	126
Брунел	1957	603	23		
Сассекс	1961	810	90		
Йорк	1963	216	13		
Ист Англия	1963	87	25		
Эссекс	1964	100	20		
Ланкастер	1964	270	20		
Уорвик	1964	325	115		
Кент	1965	500			

ГЛАВА 2.

СТАНОВЛЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ НАУКИ: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

С давних пор центром развития естественнонаучного знания в Великобритании был Кембридж. В Оксфорде тоже проводились научные исследования, но по традиции там развивалась литература, поэзия и гуманитарные дисциплины. В Кембриджском университете получили плодотворное развитие такие науки, как математика, физика, астрономия, медицина. История науки в Кембридже — это большой и серьезный предмет. Не претендуя на всестороннее его освещение, мы попытаемся отметить только главные направления, по которым развивалась научная и теоретическая мысль. Это послужит как бы историческим фоном для выяснения жизненных судеб людей, которые с этими направлениями были связаны.

Хорошо известно, что с давних пор Кембридж был центром изучения физики. Правда, средневековая наука, преподаваемая в университете, основывалась главным образом на физике Аристотеля и на мифологизированной теории мироздания. Но накопление научного опыта привело к серьезным изменениям в системе научного исследования и преподавания.

Настоящая революция в физике связана с именем Исаака Ньютона, который написал все свои основные сочинения, будучи феллоу Тринити-колледжа. Здесь он производил анализ

орбитальных движений планет, указывая на эллиптический характер планетарных орбит, здесь он сформулировал свой закон всемирного тяготения.

Но с Кембриджем связана не только история физики, но и ее самые современные научные открытия. Именно Кембридж оказался центром экспериментальной физики, где произошли великие открытия, революционизировавшие современную мировую науку и технологию. Здесь, в университетской лаборатории Кавендиш, были сделаны величайшие открытия в области атомной физики.

«Лаборатория Кавендиша, — пишет Джеффри Хьюдж, — это, очевидно, самое известное научное учреждение в мире. Возникнув в XIX веке на базе факультета физики Кембриджского университета, она приобрела в XX веке международную репутацию как лучшее место для преподавания и исследования в области физики. За последние сто лет здесь произведены самые новейшие научные работы, включая открытие электрона (1897), протона (1920), нейтрона (1932), изотопов в световых элементах (1919), искусственное расщепление атома (1932), выяснение структуры ДНК (1953) и открытие пульсаров (1967). С учреждения Нобелевской премии в 1901 году около двадцати физиков, работавших в лаборатории Кавендиша, стали ее лауреатами. Среди них — Д. Д. Томсон в 1906 году, Эрнст Резерфорд в 1908, У. Брегг в 1915, Ф. Астон в 1922, Джеймс Чедвик в 1935, И. Апплетон в 1947, П. Блескетт в 1948, Крик и Уотсон в 1962, Хевиз и Райл в 1974, Петр Капица в 1978. Действительно, престиж и слава лаборатории Кавендиша позволяет назвать ее «рассадником гениев». Лаборатория Кавендиша занимает особое место как в истории физики, так и в развитии науки в Кембридже»¹.

Лаборатория Кавендиша была основана в 1871 году для того, чтобы университет мог проводить экспериментальные исследования и обучение в области физики. Как раз в этом году парламент обсуждал вопрос о реформировании универ-

¹ *Huges J.* «Brains in the fingertips»: Physics at the Cavendish Laboratory, 1880–1940 // Cambridge Minds / Ed. by R. Mason, 1994. P. 160.

ситета, чтобы он мог выдерживать конкуренцию в области науки с Францией и Германией. Для этого проекта деньги на строительство новой лаборатории дал канцлер университета, землевладелец и промышленник Уильям Кавендиш, граф Девонширский. С 1871 лаборатория реконструировалась, снабжалась научной аппаратурой. Но уже в 1874 году новая лаборатория, получившая имя Кавендиша, открыла двери перед студентами и преподавателями.

Первым директором лаборатории был Джеймс Клерк Максвелл, который занимался проблемами электромагнетизма. Он разработал программу работы лаборатории, связанную с определением электрических стандартов. После смерти Максвелла в 1879 году его место занял лорд Рали (Rayleigh). Продолжая исследования электрических стандартов, он открыл в лаборатории новые направления, связанные с оптикой, спектрографией и гравитацией.

Рали ушел на пенсию в 1884 году, и на посту директора лаборатории его заменил 28-летний физик Джозеф Джеймс Томсон. Время показало, что университет сделал правильный выбор, поставив во главе лаборатории молодого ученого. Томсон положил начало научным открытиям в лаборатории, и традиции, заложенные им, получили дальнейшее успешное развитие.

Томсон получил образование в Манчестере, но в 1876 году получил место преподавателя математики в Тринити-колледже. Здесь он остался на всю дальнейшую жизнь. В 1884 году он получил степень профессора и стал заниматься экспериментальными работами в лаборатории Кавендиша, которую он возглавил в 1885 году. 30 апреля 1897 года 40-летний профессор объявил об открытии частицы атома, которую он назвал «корпускулой» и которая сегодня известна как электрон. Он продемонстрировал, что в лучах катода возникает световое излучение, которое в 1000 раз превосходит свечение одного атома. Томсон приходил к выводу, что атомы содержат более мелкие частицы — «корпускулы». Это открытие принесло Томсону в 1906 году Нобелевскую премию.

Начиная с 1910 года, в лаборатории Кавендиша появляется новый сотрудник — Френсис Астон. До этого он за-

нимался исследованиями в области физики и химии в Бирмингеме. В Кембридже Астон занялся исследованиями газов, обнаружив при фотографировании неона новый, доселе неизвестный газ, который получил название мета-неон.

Очень скоро лаборатория Кавендиша приобретает значение международного центра по исследованию физики. Сюда приезжает работать француз Поль Ланжевен, новозеландец Эрнест Резерфорд. Когда в 1918 году Томсона избирают мастером Тринити-колледжа (он остается в этой должности вплоть до своей смерти в 1940 году), лабораторию Кавендиша возглавляет Эрнест Резерфорд. Под его руководством лаборатория становится мировым центром в изучении радиоактивности. Резерфорд обладал научными знаниями, организационным талантом и большим общественным весом. Все это вместе взятое делало его прекрасным руководителем довольно большого коллектива исследователей (более 30 человек) разных национальностей и разных научных специализаций. Д. Уилсон, оценивая его роль в развитии новейших аспектов физики, пишет книгу с весьма определенным заголовком: «Резерфорд. Просто гений»¹.

Резерфорд родился в Новой Зеландии в 1871 году в большой семье, состоявшей из 12 человек. Его дед эмигрировал из Шотландии в Новую Зеландию в 1842 году, а отец владел мельницей. Эрнест получил образование в колледже, где он проявил незаурядные способности в области литературы, физики и химии. В 1889 году он поступил в Кентербериколледж, который был отделением университета Новой Зеландии. Здесь он получил сначала степень бакалавра, а затем и мастера. В колледже Резерфорд уделял много внимания изучению электромагнитных волн, открытых Герцем.

В 1895 году Резерфорд получает стипендию для учебы в Англии и поступает в качестве студента в Тринити-колледж. Он немедленно начинает работать в лаборатории Кавендиша под началом Д. Томсона. В лаборатории Резерфорд проводит несколько исследований с электромагнитными волнами. Но работа в Кембридже прерывается приглашением в Канаду, где ему предложили профессорский пост по физике. Поэтому

¹ *Wilson D. Rutherford. Simple Genius. London, 1983.*

Резерфорд, только что женившись, едет в 1898 году в Канаду и работает там до 1907 года, пока не освобождается профессорское место в Манчестере. В Манчестере Резерфорд интенсивно работает. Вместе с Нильсом Бором он создает модель атома. Здесь он работает также над изучением альфа-частиц.

В 1919 года, завершая большой круг, потребовавший от него более 20 лет, Резерфорд возвращается в Кембридж на пост директора лаборатории Кавендиша. При Резерфорде в лаборатории работало созвездие блестящих умов и экспериментаторов. Джон Хиндри в своей книге «Физика в Кембридже 30-х годов» пишет: «Резерфорд доминировал в лаборатории физически и интеллектуально, но рядом с ним работало много других профессоров. Сэр Д. Д. Томсон, бывший директор лаборатории и мастер Тринити-колледжа, продолжал свои эксперименты над плазмой. Ральф Фоули, который в 1932 году был приглашен заведующим факультета математики, и Джеффри Тейлор, профессор Королевского общества, имели комнату в лаборатории, хотя формально они не были ее членами, тогда как С. Т. Р. Уилсон, будучи членом Кавендиша, предпочитал работать в лаборатории солярной физики. Помимо этих профессоров, в лаборатории было много выдающихся сотрудников. Это был Петр Капица, который получил звание профессора Королевского общества в 1933 году, когда была открыта его новая лаборатория Монда. Ф. Астон продолжал свою работу над спектроскопией и в 1932 году опубликовал результаты своих исследований изотопов и атомных весов. Чарли Эвис работал с рентгеновскими и гамма-лучами в содружестве с молодым математиком Невиллом Моттом, который пытался интерпретировать полученные результаты. Джеймс Чедвик, который был помощником Резерфорда по научным исследованиям, руководил работой студентов и работал над открытием нейтрона. Джон Кокрофт, который отвечал за оборудования лаборатории Капицы, находил время для расщепления атомов»¹.

Лаборатория широко открывала двери для иностранных исследователей, в числе которых оказался и Петр Капица, который принес в лабораторию новый дух коллективных

¹ *Hendry J. Cambridge Physics in the Thirties. Bristol, 1984. P. 68.*

исследований и создал систему регулярных дискуссий, получивших название «клуба Капицы». Вместе со своими коллегами, в числе которых были Кокрофт и Уолтон, Капица занимался проблемами, которые помогли решить проблему расщепления атома.

Капица должен был возглавить новую, только что построенную специально для его исследований лабораторию Монда, когда Сталин запретил ему возвратиться из Москвы в Кембридж. Так успешно начатые им исследования были прерваны. (Об этой истории рассказывается в специальном разделе книги, посвященном Капице).

Тем не менее, лаборатория Кавендиша продолжала исследования в области атомной физики, обнаруживая все более мелкие частицы атома. За открытием электрона последовало открытие протона, нейтрона. На повестке дня стало расщепление атома путем бомбардировки его сверхскоростными частицами. В 1931 году Резерфорд становится лордом. Его лаборатория, помимо исследований в области спектрографии, кристаллографии и атомной физики, становится и центром теоретической физики. Этими проблемами занимается группа ученых, возглавляемых Ральфом Фоули и Полем Дираком. В лабораторию приезжают для работы известные теоретики физики, такие, как Нильс Бор, возглавляющий Институт теоретической физики в Копенгагене, Вернер Гейзенберг, Эдвин Шредингер, Георгий Гамов. Эти физики основывали новые принципы и методы исследования, основанные на волновой теории.

Возникновение большого числа исследований в области теоретической физики не уменьшило значения экспериментальной физики. В 1937 году в лаборатории появился первый циклотрон. Но очевидно, что с отъездом Капицы экспериментальная физика постепенно уступала место другим направлениям исследования.

В 1937 году после неудачной операции грыжи умирает Резерфорд, человек, которому Кембридж обязан мировой славой. Он похоронен в Вестминстерском аббатстве рядом с могилой Ньютона. После него место директора занимают У. Брегг, а затем Невилл Френсис Мотт. Как свидетельствует Капица, вновь посетивший Кембридж в 1966 году, новому на-

чальству не удалось сохранить тот научный потенциал, которым лаборатория обладала в 20-х и 30-х годах. Из нее ушли многие выдающиеся ученые, ученики Резерфорда. Правда, многих из них потребовали военные исследования во время войны. Поэтому такие ученые, как Джеймс Чедвик и Джон Кокрофт, получили высокие административные посты. Чедвик участвовал в испытаниях атомной бомбы в Лос Аламосе, возглавляя британскую делегацию. В 1948 году он вернулся в Кембридж и стал мастером колледжа Гонвилл и Кэйюс. Кокрофт во время войны занимался изобретением микроволнового радара, а с 1946 года возглавлял центр по строительству в Британии атомных электростанций. В 1959 году он тоже возвращается в Кембридж и становится мастером Черчилль-колледжа.

Сегодня лаборатория Кавендиша отличается от той, какой она была в 20–30-х годах, в то время, которое можно было бы назвать «золотым веком физики». Прежде всего, она отличается по своим размерам. В начале 20-х годов в ней насчитывалось не более 25 сотрудников, теперь же их более 170. Она переехала из старых, ставших тесными помещений в новый район на западе Кембриджа, где выстроены новые помещения для экспериментальных исследований. Изменились тематика и направления исследования. Теперь в ее стенах исследуются физика низких температур, физика твердого тела, рентгеновский анализ кристаллов, молекулярная биология, радиоастрономия, геофизика. В своей книге «Лаборатория Кавендиша» Е. Ларсен пытается доказать ошибочность мнения, что время лаборатории прошло, что все лучшее оказалось позади, в прошлом. «Бесполезно рассуждать о возможном будущем лаборатории Кавендиша, так же, как в прошлом было трудно предвидеть, что случится в ее стенах. Но огромное преимущество Кембриджа заключается в том, что много различных дисциплин объединяются вместе»¹. Чарльз Сноу сказал однажды в середине 60-х годов: «Вполне возможно, что сегодня мы находимся где-то на грани величайшего переворота, именно в том пункте, где соединяются физика, химия и биология. Этот переворот может случиться в лаборатории

¹ *Larsen E. The Cavendish Laboratory. London, 1962. P. 94.*

Кавендиша». В истории мировой науки и в истории Кембриджского университета эта лаборатория вписала славную страницу. И не исключено, что на этой странице еще осталось много места для новых открытий.

Не менее плодотворными оказались и астрономические исследования в Кембридже. Отцом кембриджской астрономии можно считать Исаака Ньютона. В 1682 году, закутавшись в одеяло, великий физик наблюдал в своем саду, близ главного входа в Тринити-колледж, за кометой Галлея, которая в свое время вызвала много шума и страхов. Поговаривали, что комета упадет на землю и тогда наступит конец света. Конец не наступил, но Ньютон высчитал, что, двигаясь по эллипсоидной орбите, комета должна возвратиться через 76 лет, что и на самом деле произошло в 1758 году, подтвердив точность ньютоновской механики.

Для наблюдения за звездами и другими небесными светилами необходимы были телескопы и соответствующее помещение. Обсерватории стали появляться в Кембридже уже с начала XVIII века. В 1703 году священник Томас Плам завещал университету 1900 фунтов для строительства обсерватории. Тринити-колледж воспользовался подарком и построил первую кембриджскую обсерваторию в башне ворот колледжа.

Другая обсерватория была воздвигнута в 1765 году на территории Пембрук-колледжа. Для нее мастер колледжа Роджер Лонг соорудил огромную сферу диаметром в 6 м, которая получила название «Ураниум».

Но чтобы астрономическим наблюдениям не мешали дымы отопительных труб, обсерватория была вынесена на окраину города. В 1823 году на Медингли-роуд была сооружена Университетская обсерватория, которая поместилась в здании с дорическим портиком и двумя телескопами. Здесь стали проводиться систематические наблюдения за звездами, кометами и астероидами.

С Кембриджем связана история открытия планеты Нептун. В 1845 году кембриджский математик Джон Адамс, основываясь на теории Ньютона, предсказал существование новой невидимой до сих пор планеты и вычислил ее положение на орбите. Он не стал обращаться к кембриджским астрономам, решив сообщить о своем открытии в Королевскую

обсерваторию в Гринвич, посчитав её более престижным учреждением. Очевидно, это было его ошибкой. Джордж Айри, главный астроном в Гринвиче, не придавал большого значения открытию Адамса, поскольку он считал, что задача обсерватории – навигация и вычисление времени. Он стал действовать только тогда, когда французский математик Леверье опубликовал те же предположения относительно планеты, что и Адамс. Айри попросил астронома Джеймса Чаллиса провести визуальные наблюдения, но тот не смог идентифицировать планету, хотя четыре раза видел её. В это время Леверье обратился в Берлинскую обсерваторию, где 23 сентября 1846 года была обнаружена новая планета, получившая название Нептун. Так Кембридж внес свой вклад в открытие Нептуна, хотя англичане и уступили пальму первенства немцам и французам.

В XX веке астрономические исследования в кембриджской обсерватории возглавил сэр Артур Эддингтон, приятель Альберта Эйнштейна и поклонник его теории относительности. Эйнштейн посещал обсерваторию, о чем свидетельствуют сохранившиеся фотографии. На одной из них Альберт Эйнштейн и Артур Эддингтон сидят на лавочке перед зданием Института астрономии, беседуя, возможно, о теории относительности.

Для Ньютона пространство и время были статичными категориями, в его модели Вселенной они подчинялись гравитации. Для Эйнштейна и Эддингтона картина Вселенной представлялась совершенно иной, время и пространство оказывались динамическими явлениями, они искривлялись в зависимости от массы и энергии, носящейся во Вселенной.

Летом 2002 года, находясь в Кембридже, я решил посетить кембриджскую обсерваторию, благо она находилась по соседству с Черчилль-колледжем, в котором я жил. Мне рекомендовали встретиться с доктором Родериком Уиллстропом, одним из старейших сотрудников Института астрономии. Это оказался человек с огромной шевелюрой седых волос, с седыми бровями и с живыми глазами. На протяжении всей своей жизни Уиллстроп занимался усовершенствованием телескопической оптики. Он показал мне помещение

института и все пять телескопов, рассказывая об истории их происхождения и их технических возможностях.

Самым старым является телескоп, который был в 1833 году подарен университету графом Нортумберлендом, ставшим позднее канцлером университета. Этот телескоп и поныне носит имя графа. Сегодня этот телескоп, которому более полутора веков, уже устарел и не соответствует современным научным стандартам. Но он используется университетским астрономическим обществом, основанным в 1942 году, для визуальных наблюдений планет и астероидов.

Другой телескоп, довольно большой по своим размерам и оптике, носит имя другого дарителя – Уильяма Торрогуда (1862–1928). Этот телескоп был сооружен в 1864 году и был приспособлен для наблюдений над двойными звездами. Он переходил в собственность к различным владельцам, пока не стал собственностью кембриджской обсерватории. Сегодня он, как и телескоп Нортумберленда, представляет собой скорее историческую, чем научную ценность.

Другие три телескопа построены в 50-х годах XX века и используются в научных целях сотрудниками Института астрономии. Один из них, основанный на трехзеркальной оптике, был изобретен моим гидом доктором Уиллстропом. Оригинальность этого прибора заключается в том, что в нем отсутствуют линзы и его деятельность основывается на зеркальном отражении, что создает широкое поле видения и глубокую резкость.

Роль кембриджского Института астрономии во многом усилилась в связи с закрытием знаменитой Королевской обсерватории в Гринвиче. Одной из задач этой обсерватории было наблюдение точного времени, но сегодня эта задача решается с помощью спутников и космических приборов. Поэтому в 1998 году обсерватория в Гринвиче была расформирована, часть ее сотрудников перешла в обсерваторию Эдинбурга, а другая часть – в Кембридж.

Сегодня Институт астрономии в Кембридже насчитывает около 130 человек, включая научных сотрудников, ассистентов, аспирантов и зарубежных исследователей. В состав Института входит университетская обсерватория с пятью телескопами, о которых говорилось выше, и институт тео-

ретической астрономии, основанный в 1967 году. Членами этого института стали сотрудники обсерватории Гринвича. С 1912 года здесь существовала физическая обсерватория Солнца, которая занималась наблюдением за Солнцем, но в настоящее время она уже не функционирует.

В XX веке астрономические исследования в Кембридже ведутся в трех направлениях. Первое из них возглавил сэр Фред Хоули (р. 1915). Он исследовал химические элементы, которые создают атомную реакцию внутри звезд. Вместе со своими друзьями Германом Бонди и Томасом Голдом он создал модель космоса. В 1967 году Хоули основал Институт теоретической астрономии и стал его директором.

Другому астроному — Мартину Рили (1918–1984) — Кембридж обязан возникновению новой области исследований — радиоастрономии. С помощью огромных радиальных антенн прослушивается Вселенная, принимаются сигналы от галактик, отстоящих от Земли на много миллиардов световых лет. Эти антенны видны издали, когда вы подъезжаете к Кембриджу, с их помощью Кембридж постоянно прислушивается к сигналам и излучениям, происходящим в глубинах космоса. Эти исследования ведутся сотрудниками лаборатории Кавендиша.

Наконец, третье направление связано с математической интерпретацией проблем, связанных с происхождением универсума и структурой звезд. Это направление возглавляет знаменитый ученый Стивен Хоукинг, автор книги «Краткая история времени», ставшей научным бестселлером. В настоящее время она распространена в количестве 8 миллионов экземпляров, и не только в Великобритании, но и во многих странах мира.

Характерно, что в Кембридже все эти три направления развиваются не отдельно друг от друга, а во взаимной поддержке. Кембридж — уникальное место, где астрономы, астрофизики и математики работают вместе. Поэтому здесь нет недостатка в идеях, а математические и физические теории проверяются данными астрономических наблюдений.

Астроном Малькольм Лонгейр, возглавляющий знаменитую лабораторию Кавендиша, говорит: «Обычно считается, что астрономия — это оптическая наука, но на самом

деле для исследования для нее важны все другие дисциплины, связанные с изучением волн». Действительно, современная астрономия использует радио, исследования с помощью рентгеновских и гамма-лучей. Радиоастрономия сегодня не менее важна для изучения космоса, чем оптическая астрономия.

Для оптических наблюдений в Кембридже используется огромный космический телескоп Хаббла (Hubble Space Telescope), который позволяет из космоса делать пять тысяч снимков в день, 1,8 миллиона снимков в течение года. Этот телескоп диаметром в 2,4 метра позволяет наблюдать не только отдельные звезды, но и возникновение и эволюцию галактик. Фотографии, полученные из космоса, отличаются фантастической красотой и живописностью. В планах кембриджских астрономов сооружение космического телескопа диаметром в восемь метров, который может быть построен уже к 2007 году.

Кроме того, кембриджские астрономы ищут и другие пути и методы проникновения во Вселенную. В частности, создан Кембриджский оптический фокусный синтезный телескоп (COAST), представляющий собой соединенные друг с другом пять телескопов, использующих технику радиоастрономии и компьютерной технологии. Такой способ позволяет получать снимки, которые в десять раз резче, чем те, что получают с помощью Хаббла.

Астрономическая обсерватория в Кембридже служит не только научным, но и просветительским целям. Заместитель директора Астрономического института Гарри Гилмор говорит: «Астрономия представляет интерес для публики любого уровня. Каждый, кто посмотрит на звезды, задается вопросом, откуда мы появились и каково наше место в пространстве и времени. Астрономия имеет прямой социологический смысл, а быть может, это научный эквивалент религии. К тому же она обладает огромной привлекательностью, так как прекрасна. Она показывает, что природа обладает гораздо большей творческой фантазией, чем мы сами».

Поэтому с октября по март месяц, каждую среду с восьми вечера один из телескопов открыт для пользования публики. Каждый желающий может посетить обсерваторию и посмо-

треть на звезды, это позволяет почувствовать свое место во Вселенной. Тем самым каждый может осознать смысл философского тезиса Иммануила Канта, который выгравирован на его могильной плите: «Звездное небо над нами, нравственный закон в нас».

Помимо физики и астрономии, в Кембридже бурно развивалось математическое знание. Крупнейшим математиком прошлого был опять-таки Исаак Ньютон. За ним последовала плеяда выдающихся математиков. Математический трипос был самым старейшим в Кембридже. Что же касается более близкого нам времени, то оно представлено выдающимся математиком из России Абрамом Безиковичем, о котором рассказывается ниже.

Известен вклад ученых Кембриджского университета в развитие практической и теоретической медицины. Кембридж имеет вековые традиции в изучении медицины. Медициной здесь занимались уже в средние века. Еще до возникновения университета в городе существовали больницы, в которых лечили больных. В двух милях от центра города по дороге в Ньюмаркет стояла больница св. Марии Магдалины для больных проказой, основанная в 1169 году. Начиная с 1195 года в самом городе существовала больница св. Иоанна (Джона) Евангелиста. Позднее на ее месте возник колледж Сент-Джонс, который унаследовал название больницы. Таким образом, в небольшом средневековом городе была довольно богатая лечебная практика.

Что касается теории, то лекции по медицине в университете читали с самого его возникновения. С 1270 года университет стал присуждать степени по медицине. Занятия медицинской теорией были широко распространенными. В XVI веке Джон Кэйюс занимался переводом на современный язык древних трактатов по медицине. Кэйюс занимал важное место в университете, он был мастером колледжа Гонвилл-холл и сделал многое для его обновления. Начиная с 1558 года, этот колледж стал носить и латинизированное имя своего мастера — Кэйюс и Гонвилл.

С Кембриджем связана деятельность знаменитого медика Уильяма Гарвея, обнаружившего циркуляцию крови. Гарвей шесть лет учился в колледже Кэйюс и Гонвилл, по-

сле чего он поехал продолжать свое обучение в Падуанский университет, который был знаменит своими медицинскими исследованиями. Вернувшись в Англию, Гарвей занимался экспериментами на животных, демонстрируя, как сердце рассылает кровь по артериям в различные части организма. Он обнаружил, что крови, которая рассылается сердцем по артериям, так много, что должен быть путь, по которому она должна возвращаться обратно. Если сердце гонит кровь по артериям, то она возвращается обратно по венам, а артерии и вены должны сообщаться между собой по невидимым капиллярам. Таким образом происходит циркуляция крови в организме. Об этом открытии Гарвей сообщил в 1628 году в лекции, прочитанной для Королевской коллегии медиков. Открытие Гарвея положило начало научному подходу к лечению больных.

Другой выпускник Кэйюс-колледжа Фрэнсис Гиссон написал книгу «*Anatomica Hepatis*», посвященную анатомии печени. В 1716 году на территории Квинс-колледжа в Кембридже открывается первая анатомическая школа, где происходили демонстрации анатомических опытов. Продолжая работы Гарвея по изучению крови, Стивен Хейли обнаружил давление крови. В своем трактате на эту тему, написанном в 1733 году, он развивал взгляд на живой организм как на саморегулирующуюся машину.

Кембриджу принадлежит первенство в лечении лихорадки. Врач Джон Хейгарт, закончивший Сент-Джонс, в 1783 году предложил метод, основанный на изоляции больного лихорадкой в специальных палатах. Метод оправдал себя во время эпидемии лихорадки в 1783 году и стал с тех пор широко применяться в Британии.

Большую роль в развитии медицины в Кембридже сыграл Джон Адденбрук. Первоначально он поступил в колледж Кэтрин-холл для изучения религии, но постепенно увлекся изучением медицины, занимался медицинскими опытами и изобретением лекарств. Женившись в 1711 году, он был вынужден покинуть колледж и заняться лечебной практикой в Лондоне. В 1719 году он умирает в возрасте 39 лет, завещав все свое состояние — ок. 5 тысяч фунтов — на строительство в Кембридже больницы для

бедных. Эта больница, получившая имя Адденбрука, открылась в 1766 году. Первоначально она располагалась на улице Трампингтон, хотя потом переехала за город, где существует и поныне.

Это была поначалу небольшая больница на 20–30 пациентов и 13 служащих. Сестры получали два шиллинга в неделю и пару литров пива. Больница перестраивалась благодаря тому, что местный книгопродавец пожертвовал больнице 7 тысяч фунтов. В настоящее время в больнице одна тысяча коек и 4 тысячи служащих.

Университетская наука имела тесную связь с лечебной практикой. Начиная с 1841 года кандидат на медицинскую степень должен был проходить практический экзамен в клинике. Эту практику ввел профессор Джордж Паже, который, будучи членом Кэйюс-колледжа, 40 лет проработал в больнице Адденбрука. Паже стал первым президентом Британской медицинской ассоциации, основанной в 1832 году в Кембридже. Он же возглавил и Генеральный медицинский совет, который должен был проверять уровень медицинского образования.

Кембриджские медики получили большое количество научных степеней и премий. Выпускник Тринити-колледжа А. Хилл стал первым лауреатом Нобелевской премии по медицине в 1922 году за свои исследования мышечной ткани. Наряду с традиционными исследованиями, в Кембридже стали проводиться пионерские исследования в области биохимии. В 20-х годах, благодаря тому, что шотландский судовладелец Уильям Данн пожертвовал 210 тысяч фунтов, в Кембридже был построен Институт биохимии, известный как Институт Данна. В нем работал Фредерик Хопкинс (1861–1947), ставший в 1929 году Нобелевским лауреатом по медицине за свои исследования витаминов, содержащихся в растительной пище. Первоначально Хопкинс работал в лондонском госпитале, но в 1898 году ему предложили читать лекции по физиологии в Кембридже. Он избирается феллоу Эммануэль-колледжа, а с 1910 года переходит в Тринити, где занимается исследованиями в области метаболизма. За свои исследования он получает титул сэра (1925) и награждается орденом «За заслуги» (1935). Его дочь Жакуэтта была из-

вестным археологом и вышла замуж за известного писателя и драматурга Д. Б. Пристли.

В физиологической лаборатории Кембриджа успешно исследовался механизм функционирования нервных тканей. За эту работу Чарльз Шеррингтон и лорд Адриан также получили Нобелевскую премию. Кембриджские ученые широко применяли кристаллографический метод при исследовании молекулярных структур. В этой области много сделал Д. Бернал, который, правда, покинул Кембридж в 1938 году, став профессором Бирбек-колледжа в Лондоне. Его работу продолжил Макс Перутц, эмигрировавший из Вены. Он использовал рентгеновские лучи для изучения структуры макромолекул. За исследования молекул гемоглобина он также получил Нобелевскую премию в 1962 году.

Огромным достижением кембриджской науки было открытие структуры ДНК, управляющей наследственными признаками и свойствами организма. За это открытие в том же 1962 году Джим Уотсон и Френсис Крик стали лауреатами Нобелевской премии. Количество Нобелевских лауреатов в Кембридже постоянно растет. А сотрудник Института биохимии Фред Сэнджер получил две Нобелевские премии, в 1958 и 1962 году, — рекорд, который пока что не превзойден.

В Кембридже были проведены первые в Европе удачные опыты по пересадке почек и печени. Работая в Кембридже с 1965 года, Рой Келн добился больших результатов в пересадке этих органов, и его метод стал широко использоваться в европейской хирургии.

В 2002 году Нобелевскую премию по медицине получил Джон Салтон за исследования в области ДНК. Он работал с Френсисом Криком в Калифорнии, но в 1969 году вернулся в Кембридж, где работал в Медицинском центре молекулярной биологии. Здесь, исследуя дождевых червей, он нашел ключ к исследованию биологического механизма наследственности.

Таким образом, кембриджская медицина и связанная с ней биология внесли большой теоретический и практический вклад в современную науку.

Не следует думать, что Кембридж был связан исключительно только с естественными науками. В Кембридже учились многие писатели и поэты, такие, как Мильтон и Байрон.

Кембриджская мысль питалась лучшими достижениями европейской гуманистической мысли. Не случайно, что сюда приезжает работать выдающийся ученый-гуманист, представитель северного Возрождения Эразм Роттердамский (1469–1536).

Эразм много путешествовал по Европе. Он обучался в Париже, но не был удовлетворен системой схоластического образования, которая продолжала там господствовать. В Парижском университете Ричард Уитфорд, профессор Квинз-колледжа, встретил Эразма и пригласил его в Кембридж.

Эразм принял предложение и вскоре приехал в Кембридж. Он бывал в Англии несколько раз — в 1499–1500, 1505–1506, 1509–1514, 1517 годах. Эразм читал лекции в университетах Кембриджа и Оксфорда, здесь он познакомился с Томасом Мором и другим английским гуманистом, президентом Квинз-колледжа, канцлером университета Джоном Фишером. Он не был первым иностранным преподавателем в Кембриджском университете, но, очевидно, первым крупным ученым-гуманистом.

В Кембридже Эразм получил место профессора богословия, учрежденное леди Маргарет Бофорт, матерью Генриха VII. Он поселился в Квинз-колледже в небольшой комнате, которую до сих пор показывают туристам. Хотя Кембридж встретил Эразма весьма гостеприимно, Эразм не чувствовал себя здесь вполне удовлетворенным. Его письма из Кембриджа полны жалобами на слишком малую оплату, на холод, на плохое пиво, на вино, которое, по его мнению, отдает уксусом, на грязь и шум. Не нравились ему и горожане, которые, по его словам, «соединяли исключительную грубость с исключительно плохой верой». Тем не менее, Эразм постоянно возвращался в Кембридж, и здесь он завершил некоторые свои переводы и научные труды.

Эразм занимался переводом Библии с греческого языка. В 1516 году он издал Новый Завет под своей редакцией. Кроме того, Эразм способствовал развитию в Кембридже издательского дела. Он был знаком с издателями, которые приехали сюда из Германии, и помогал им в издании книг на греческом и латыни.

Эразм привнес в Кембридж идеи северного Возрождения. Вслед за ним в Кембридж двинулись студенты и ученые из Германии, Швейцарии и Италии. Пребывание Эразма в Кембридже утвердило европейскую значимость этого университета.

В Кембридже получила развитие английская историческая наука. Правда, история как университетская дисциплина появилась в Кембридже сравнительно недавно. Начало ей положил король Георг I, основавший в 1724 году кафедру новой истории и должность профессора в 400 фунтов в год. Это была настоящая синекура. Чтение лекций первоначально не было обязательным. Эту должность долгое время занимали люди, не имевшие прямого отношения к истории. Одним из первых профессоров был Лоуренс Броскет, который умер, упав пьяным с лошади. Его заменил поэт Томас Грей, также любивший выпить.

Только с начала XIX века история в Кембридже стала предметом серьезного изучения и преподавания. Первым крупным кембриджским историком был Томас Макалей (1800–1859). Он окончил в 1818 году Тринити-колледж, а в 1824 году был избран феллоу этого колледжа. Но колледж не разгадал талант молодого историка, и поэтому Макалей занялся политикой и был избран членом парламента. В 1832 году он получает высокий пост в Индии, дающий ему 10 тысяч фунтов в год, и едет туда, чтобы заняться реформой образования. По возвращении в Лондон, он становится членом Военного офиса. Макалей написал много статей для журналов. В период между 1825 и 1840-ми годами он опубликовал 27 статей. Среди них статьи о Мильтоне, Макиавелли, Байроне. В 1839 году Макалей начинает писать монументальный труд по истории Англии.

В 1849 году из печати появились два первых тома «Истории Англии», и они сразу же стали бестселлером. Макалей начинает свое исследование со «Славной революции» 1688 года. До конца своей жизни Макалей написал еще три тома, которые завершались 1702 годом. В 1855 году вышли третий и четвертый тома, которые молниеносно разошлись. За три месяца было продано более 26 тысяч экземпляров. Пятый том оказался незавер-

шенным. Но даже в незаконченном виде «История Британии» Макалея поразила удачным соединением научной точности и популярности. Она сразу же была переведена на многие европейские языки, в частности, на немецкий, итальянский, французский, испанский, русский. Большинство английских историков принадлежат традиции, основанной Томасом Макалеем. Полное собрание работ Макалея в восьми томах вышло в 1866 под редакцией леди Тревелиан. Джордж Отто Тревелиан написал в 1876 году биографию Макалея — «Жизнь и творения лорда Макалея», которая до сих пор является основным источником для изучения наследия Макалея.

Исторический труд Макалея получил широкую популярность и стимулировал развитие исторической науки в Британии. После его смерти в Англии возникло большое число исторических обществ, архивов, журналов. Однако в Кембридже поначалу получило развитие другое направление в истории. В 1860 году пост профессора новой истории в Кембриджском университете занял Чарльз Кингсли, выпускник Модлен-колледжа. Это был религиозный человек, и его в большей мере интересовала история религии, чем гражданская или политическая история. Кингсли не очень утомлял себя чтением лекций, хотя для принца Уэльского, учившегося в это время в Кембридже, он организовал специальный класс и пользовался поддержкой своего высокородного ученика. Однако в Кембридже готовилась «революция донов», ограничившая роль религии в университете, и поэтому Кингсли вскоре подал в отставку.

Его место в 1869 году занял другой историк и беллетрист Джон Сили (1834–1895). Сили родился в Лондоне, в семье издателя. С самого раннего детства он приобщился к чтению, интересуясь в основном книгами по истории и религии. В 1852 году он поступает в Кембриджский университет, в колледж Крайст Чёрч, и занимается изучением классической литературы. Он завершает обучение в 1857 году, избирается феллоу колледжа и начинает читать лекции по классической литературе.

Работы Сили немногочисленны и в большей мере обращаются к религии, чем к истории. Его первая книга, вы-

шедшая в 1859 году, посвящена религиозной поэзии на темы псалмов Давида, его книга «Ессе Ното» посвящена жизни и учению Иисуса Христа.

В 1869 году он получает приглашение занять пост профессора современной истории. Сили с энтузиазмом читал лекции, которые собирали большую аудиторию. При Сили кафедра истории стала выпускать ежегодно около 25 студентов-историков. Он отказался от традиции английской исторической науки, называя Макалея и Карлейля «шарлатанами». Сили считал историю «строгой наукой». Под историей он понимал не историю биографий, религии, искусства или общества, а историю государства. Поэтому он растворял историю в политике, доказывая, что «история — это политика, ставшая прошлым». Эта идея легла в основу его книги «Развитие британской политики», вышедшей уже после смерти Сили в 1895 году.

Наследником Сили на кафедре был лорд Актон, который привнес в Кембридж влияние немецкой исторической науки. Он мало писал, но после своей смерти подарил университету Кембриджа 70 тысяч томов своей библиотеки.

В начале XX века процесс поисков в кембриджской исторической науке завершается. Из второстепенной и скучной дисциплины история становится здесь важным предметом. Особенное значение приобретает изучение английской истории. Этим предметом занимаются не только профессиональные историки, но и писатели или политики, как, например, Уинстон Черчилль, написавший «Историю англоязычных народов» — работу, которая послужила основанием для присуждения ему Нобелевской премии по литературе.

В Кембридже ведущим историком между двумя мировыми войнами стал Джорж Тревилин (1876–1962). Он был родственником Макалея, его отец приходился Макалею дядей. Тревилин всегда восхищался своим знаменитым родственником и развивал его взгляд на британскую историю. Тревилин родился в Стратфорде, родном городе Шекспира. Учился он в привилегированной школе в Харроу, а затем поступил в Кембриджский университет, став студентом колледжа Тринити. В колледже он нашел интеллектуальное окружение и стал членом элитарного общества «Апостолов». Он с

отличием закончил университет, сдав экзамены по предмету «история», а через два года представил диссертацию «Англия в эпоху Уиклифа» (1898).

Все работы Тревилина отличались антиклерикальной направленностью и либерализмом. Не случайно, он покидает в 1903 году Кембридж и становится преподавателем «Колледжа для рабочих» (Working Men College) в Лондоне. Он путешествует в Италию и здесь увлекается историей Гарибальди. В результате он пишет книгу о нем, которая получила широкий читательский успех и сделала популярным его имя. Вернувшись в Кембридж в 1927 году, он получает должность профессора новой истории, которую занимает до 1940 года. В этот период он пишет вторую свою книгу по английской истории — «Англия в эпоху королевы Анны» в трех томах.

В 1940 году Тревилин избирается мастером колледжа Тринити. Эту высокую должность он получает по рекомендации Уинстона Черчилля, с которым он полемизировал по поводу оценки работ Макалея. По свидетельству современников, Тревилин был хорошим мастером, постоянно общался со студентами и аспирантами. При нем колледж широко открывал двери для иностранных студентов и ученых. Тревилин был мастером в течение 11 лет, пока он не вышел в 1951 году в отставку. К концу жизни он терял зрение, но оставался общительным и гостеприимным. Умер он в Кембридже в возрасте 86 лет.

Работы Тревилина по английской истории многочисленны. Это — «Англия и Стюарты» (1907), «Британская история в XIX веке» (1922), «История Англии» (1926), которая выдержала тираж в двести тысяч экземпляров, «Английская социальная история» тиражом в 0,5 миллиона экземпляров. В 1949 году он опубликовал сборник своих статей с автобиографическим предисловием, в котором, в частности, он излагает свой взгляд на историю. Он называет себя «традиционным историком», отказываясь от претензий быть строгим историком. Главная ценность истории, по его мнению, поэтическая. История тесно связана с литературой и неотделима от литературной традиции. Сам Тревилин написал несколько работ по истории литературы, в том числе «Поэзия и фило-

софия Джорджа Мередита» (1906), издал антологии работ Карлейля (1953) и Мередита (1955).

После Тревила влиятельным историком в Кембридже был Джон Пламб, который стал мастером колледжа Крайст. Он продолжал традицию «литературной истории» Тревила. К числу его учеников относятся историки нового поколения — Джеффри Паркер, Норман Стоун, Саймон Шама и другие.

Современные английские историки широко обращаются к средствам массовой информации, делая историю достоянием миллионов читателей и зрителей. Саймон Шама ведет на втором канале Би-Би-Си программу по истории Англии. Он получил 3 миллиона фунтов на свою серию «Что дали нам Тюдоры». Хотя Шама читает лекции в Колумбийском университете, США, его телевизионные лекции широко известны по всей Великобритании. В его «Истории Британии», изданной Би-Би-Си, охватывается период с 3 тысяч лет до н. э. до 1603 года. Традиции Макалея получают новое развитие, история становится не менее популярной, чем литература и поэзия.

Предпринятый нами краткий обзор научной мысли показывает, что в Кембриджском университете вызревали и развивались многие направления естественнонаучной и гуманитарной мысли. Именно это сделало Кембридж центром мировой науки. В этих условиях возникло то явление, которое получило название «кембриджский ум». Интеллектуальные традиции этого феномена связаны с именами Дарвина, Веджвудов, Кейнса, Рассела и Хаксли.

ГЛАВА 3. ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ ОКСБРИДЖА

Свидетельством высокой роли Оксфорда и Кембриджа в культурной жизни Англии является английская литература и поэзия. Практически ни один крупный английский поэт или писатель не обошел в своем творчестве темы университетской жизни. Быть может, это объяснялось тем, что большинство из них сами были студентами этих университетов. Ведь с XV века поэзия становится одним из престижных предметов обучения в Оксбридже. Поэтому здесь жили и учились Чосер, Кристофер Марлоу, Томас Нэш, Джон Донн, Бен Джонсон, Джон Мильтон, Дэниель Дефо, Сэмюэль Кольридж, Байрон, Альфред Теннисон и многие другие. Естественно, что эти писатели и поэты часто описывали свои университетские годы, и эти описания имеют не меньшее значение, чем университетские матрикулы, содержащие документальные сведения об учебе выдающихся английских писателей и поэтов.

Но литература – это не только документ, но и определенный образ. В английской литературе Оксфорд и Кембридж становится предметом самых разнообразных интерпретаций – сатирических, лирических, ностальгических, пасторальных. Сегодня эти произведения являются одновременно и документальными свидетельствами об истории Кембриджского университета, и произведениями художественной литературы.

Литературные сведения о Кембридже присутствуют уже у средневековых авторов. Поэт Джон Лидгейт (Lydgate) (1370–1451) родился около Ньюмаркета и провел большую часть своей жизни в монастыре Бэри Сент-Эдмундс, крупнейшем религиозном центре близ Кембриджа. Здесь в 1440 году появляются его «Стихотворения на основание Кембриджского университета», быть может, первый литературный текст, связанный с Кембрижем. Лидгейту нельзя отказать в поэтическом вымысле. Он сообщает, что университет был построен в 373 г. до н. э. графом Кантабером на берегу реки Кенте.

Эта легенда повторяется у многих средневековых авторов, вплоть до Джона Фишера, канцлера Кембриджского университета. В 1506 году он озвучивал эту легенду перед Генрихом VII и леди Маргарет, основательницей колледжей. Эту легенду рассказывали и королеве Елизавете в 1564 году при ее посещении Кембриджа. Согласно этой легенде, Кембридж оказывался намного древнее (а потому и значительнее), чем Оксфорд, что послужило началом полемики между сторонниками Оксфорда и Кембриджа.

Но, несомненно, наиболее значительным и ценным художественным источником о Кембридже и его окрестностях являются «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера (1340–1400). Один из этих рассказов посвящен мельнику, который владел мельницей в деревне Трампингтон на реке Кем. Эта мельница разрушилась уже в XVI веке, хотя ее руины видел Эдмунд Картер, описавший их в 1753 году в книге «История окрестностей Кембриджа». Это место на реке долгое время называлось «Старой мельницей», но впоследствии стало называться «Прудом Байрона», ввиду того, что Байрон любил здесь нырять и плавать.

Под Кембрижем, в селеньи Трампингтон,
Стояла мельница, со всех сторон
Ветлой, кустарником укрыта.
Была она ничем не знаменита.
И жил в ней мельник, как павлин, чванлив,
Со всеми груб, надменен и сварлив.

(Перевод И. Кашкина)

Мельник хвастался своей силой, всегда был вооружен мечом и кинжалом. Поэтому в народе его звали Задира Симкин. В описании Чосера Симкин не был чист на руку и утаивал часть зерна, который присылали ему на помол члены колледжей. Эконом университетского колледжа был преклонного возраста и не мог контролировать вороватого мельника. Чосер рассказывает о двух студентах, Джоне и Алане, которые приехали на мельницу, чтобы проследить помол, но мельник обхитрил их и опять утаил часть зерна. Тогда студенты, оставшиеся ночевать, поскольку ночью ворота колледжа запирались, решили отомстить мельнику. Воспользовавшись тем, что мельник на радости напился, они спят, один с дочерью, другой с женой мельника. В ночной потасовке мельнику достается от собственной жены, и он утрачивает свою спесь. Так обман в конце концов оказывается наказуем.

Неизвестно, жил ли сам Чосер в Кембридже, но совершенно очевидно, что он хорошо знал топографию этого города и его обычаи. Он описывает мост через реку Кем, мельницу, которая со времен Чосера стала не только географическим, но и литературным фактом. Некоторую сложность представляет название колледжа Солер Холл, откуда прибыли на мельницу голодающие студенты. Быть может, это литературное название для колледжа Кингз-холл, основанного в 1326 году, который позднее сливается с Тринити-колледжем. А главное, Чосер рассказывает о действительной проблеме, стоящей перед колледжами Кембриджа: они должны были самостоятельно обеспечивать себе еду на протяжении всего года. Поэтому история о том, как зерно посылается на помол на мельницу в Трампингтон, выглядит вполне правдоподобно. Чосер с его жаждой к реальным жизненным фактам может считаться одним из первых жизнеописателей города и университета.

Начиная с XV века, профессия поэта становится традиционной в университете. Обязанность поэтов состояла в написании речей и писем на латинском языке, что оплачивалось двадцатью пенсами. Одним из первых таких поэтов, получивших университетское образование, был поэт-сатирик Джон Скелтон. Матрикулы сообщают, что в 1484 году он получает степень магистра искусств.

После университета Скелтон был придворным поэтом, воспитателем молодого Генриха VIII, а затем получил пост ректора в городе Дисс в Норфолке. Он получил почетное звание «поэта-лауреата» от университета Оксфорда (1488) и Кембриджа (1493). В то время это звание не имело связи с придворным кругом, оно требовало написания латинских стихов для торжественных случаев, происходящих в этих университетах.

Скелтон жил в переходную эпоху, когда новые ренессансные идеи начинают проникать из Италии в Англию, и средневековая система образования, основанная на изучении «тривиума» и «квадривиума», требовала реформ и нововведений. В своей сатирической поэме «Говори, попугай» Скелтон осмеивает старую систему обучения.

Кембридж становится настоящим центром развития поэзии и драматургии в эпоху Возрождения. В это время в университете учатся и работают наиболее выдающиеся представители английской ренессансной литературы. Прежде всего это Эдмунд Спенсер (1552–1599), который в 1569 году поступает в Пембрук-колледж в качестве «сайзерса» — бедного, неоплачиваемого студента. Здесь он, зная французский и итальянский языки, готовит антологию текстов, включающих Петрарку и Дю Белле. Спенсер проводит в колледже семь лет, после чего получает степень магистра искусств в 1567 году.

В Кембридже Спенсер дружил с поэтом Габриэлем Харви. Вместе с Филипом Сидни и Гревиллем они создали литературный кружок «Ареопаг», в котором обсуждали вопросы классической поэтики. Спенсер, правда, вскоре покидает Кембридж, но в своих поздних стихах он ностальгически вспоминает «мою мать-кормилицу Кембридж», которой обязан встречей с музами и знанием. Харви, напротив, остается в Кембридже надолго и занимает весьма престижные посты — сначала публичного оратора, а затем избирается мастером колледжа Тринити Холл.

В этот колледж из Итона приезжает учиться поэт Томас Тассер (1525–1580), автор книги «Пятьсот полезных советов для женатых мужчин». Он удачно передает контраст между Лондоном и Кембриджем:

От лондонской толпы для кембриджской тиши
Приехал я к тебе, о славный Тринити.
Долгому пути пришел теперь конец,
Я счастлив стен твоих коснуться наконец.

Я несказанно рад, в душе бушует май,
Как будто я из ада вознесся прямо в рай.
С учеными людьми, с науками в ладу
Теперь свою я жизнь счастливо проведу.

(Пер. здесь и далее В. Шестакова)¹

К сожалению, эта надежда поэта не оправдалась. Вернувшись в Лондон, он окончил жизнь в долговой тюрьме.

В Кембридже зародилась и развилась ранняя елизаветинская драма. В связи с развитием театра в Англии конца XVI века возникает обильная литература, связанная с драмой и комедией. Характерно, что многие представители этой литературы вышли из Кембриджа, перенося на подмостки английского театра то, что получило название «*university wit*». Среди представителей этой литературы — Томас Нэш, Роберт Грин, Кристофер Марлоу, Томас Хейвуд, Джон Лили. Все они учились в Кембридже и получили кембриджское образование.

Роберт Грин (1560–1592) родился в Нориче. В 1575 году он приезжает в Кембридж и поступает в колледж Сент-Джон. Как и многие студенты в то время, он, получив степень бакалавра (BA), путешествует по Европе, а затем возвращается в колледж и через четыре года получает степень магистра искусств (MA). В Лондоне Грин занимается самыми различными видами литературной деятельности — пишет памфлеты, пьесы, трактаты, которые составили 15 томов его собрания сочинений. Одна из лучших его пьес — «Джемс Четвертый».

Томас Нэш (1567–1601) также учился в Сент-Джонсе, хотя он ограничился только степенью бакалавра. В 1586 году прямо со студенческой скамьи он окунулся в бурную жизнь Лондона, начав писать для лондонских театров, которые

¹ В дальнейшем все необозначенные поэтические переводы принадлежат автору.

нуждались в пьесах. Кстати сказать, ему принадлежит высказывание о том, что наша жизнь — театральные подмости («earth but a player's stage»), предваряющее шекспировское «Весь мир — театр».

Нэш сохранил на всю жизнь воспоминание о колледже, который его воспитал. В предисловие к пьесе «Менафон» он писал: «Сент-Джонс в Кембридже — это самая лучшая школа знаний, сам по себе университет, ни один колледж в городе не может сравниться с ним; в зимнее время до четырех часов утра здесь тратится больше свечей, чем количество ударов, которые отбивают часы до этого времени».

Пожалуй, самым крупным драматургом елизаветинской эпохи до Шекспира был Кристофер Марло (1564–1593), сын шорника из Кентербери. Он не мог претендовать на обучение в Кембридже, но епископ Паркер распознал в мальчике талант и послал его, снабдив стипендией, в колледж «Корпус Кристи», в котором он сам был до того мастером. Марло приехал в Кембридж в 1580 году и стал упорно изучать философию, логику, риторику. В Кембридже он написал свою первую пьесу «Трагедия Дидоны», основанную на Вергилии. Он также перевел на английский язык диалоги Лукиана и поэтический трактат Овидия «О любви».

В отличие от Нэша, Марло, получив степень бакалавра, остался в университете, чтобы получить степень мастера. В это время, очевидно, он знакомится с историческими хрониками и пишет свою раннюю трагедию «Тамерлан» (1587), которая вскоре была поставлена в Лондоне. Трагический характер имела его «История доктора Фауста» (1589).

В 1953 году в лоджии мастера «Корпус Кристи» был обнаружен портрет Марло, который долгое время скрывался за панелями. Марло изображен здесь в богатом костюме, в возрасте 21 года. В верхнем левом углу портрета написан девиз «quod me nutrit me destruit» (то, что меня питает, убьет меня). Марло был зарезан в таверне в Делфорде при загадочных обстоятельствах. Не исключено, что это было политическое убийство.

Из других елизаветинцев, обучавшихся в Кембридже, можно назвать Джона Флетчера (1579–1625), учившегося в том же колледже, что и Марло, Томаса Хейвуда (1574–1641),

Джона Лили (1554–1606). Все они сыграли огромную роль в развитии английского театра и драматургии.

Хотя театр был запрещен в городе, в елизаветинское время театральные представления были часты в колледжах. Есть сведения, что компания лорда Чемберлена, членом которой был Шекспир, дважды приезжала в Кембридж в 1595 и 1602 году, и в последний приезд был, очевидно, представлен шекспировский «Гамлет». В 1564 году при своем посещении Кембриджа королева Елизавета с удовольствием смотрела фестиваль театральные пьес, представленных для нее в капелле Кингз-колледжа. Особенно часто театральные представления демонстрировались на рождество. Классические трагедии и местные комедии ставились почти во всех колледжах.

Смерть Елизаветы и восхождение на престол Джеймса отмечались Кембриджем изданием коммеморативной поэзии. Поэмы печатались на латинском и греческом, но также и на английском языке. В этом принимали участие такие поэты, как Коули, Драйден, Грей, Смарт. Возможно, что в Кембридже обучались два самых крупных поэта этой эпохи — Джон Донн и Бен Джонсон. Во всяком случае, оба они получили здесь почетные степени.

В 1622 году Майкл Драйтон публикует огромный поэтический труд «Поли-Олбион», в которой описывает красоты Британии — реки, города, примечательные места, сопровождая их традиционными легендами. Это сочинение состоит из тридцати книг. 21-я книга посвящена Кембриджу и Или, с подробным описанием географических мест и истории. На титуле своей книги он приводит университетскую эмблему Кембриджа, которую в поэтической форме он описывает следующим образом:

О благородный Кембридж, мой любимый град,
Он славой окружен и мудростью богат.
Его эмблема — женская фигура, что в высоте стоит,
В одной руке сосуд, в другой — огонь горит.

В XVII веке самым крупным писателем, получившим образование в Кембридже, был Джон Мильтон (1609–1674). Мальчиком Мильтон получил образование отчасти дома, от-

части в лондонской школе Сент-Пол. В 16 лет отец посылает его в Кембридж для изучения философии, где он становится студентом-пенсионером Крайст-колледжа. Из-за того, что он носил длинные волосы, обладал светлой кожей, плохим зрением и тихим голосом, он получил от своих коллег прозвище *Domina* — «леди Крайст-колледжа».

Во времена Мильтона программа университетского образования все еще носила средневековый характер, включая в себя обучение ученым диспутам и декламацию на латинском языке. Мильтон ненавидел эти занятия, справедливо полагая, что они не приносят никакой пользы. Мильтон становится поклонником философа Френсиса Бэкона, который незадолго до этого окончил Тринити-колледж.

Мильтон любил совершать длительные прогулки по Кембриджу, наслаждаясь видами города. В стихотворении «*Il Penseroso*» он пишет:

Усталости я никогда не знал,
Бродя по древним площадям,
Я наслаждался видом острых крыш,
И древних статуй в тени ниш,
И окнами с цветными витражами,
Что свету в церкви святость придавали,
Здесь звуки мощного органа
Поддерживали голоса хора.
Во время службы в праздничной капелле
В ушах моих звучало ангельское пенье,
В экстаз я постепенно погружался
И рай перед глазами представлялся.

Несомненно, что творчество Мильтона отличалось демократической направленностью. В его поэзии никогда не было посвящений знатным лицам. Зато известна его эпитафия на смерть Хобсона, кучера, который возил пассажиров из Кембриджа в Лондон и обратно. Причиной его смерти, как говорят, послужило вынужденное безделие, когда в Кембридже разразилась чума и связь с Лондоном прекратилась. Оказавшись без работы, бедный кучер спился и умер.

Здесь Хобсона почтенная могила.
Смерть в грязь его на отдых уложила,

Не то б старик в ней все равно увяз —
Дороги развезло теперь у нас.
Ловчее мир не видел человека,
И ведай смерть, что чуть ли не полвека
Меж Кембриджем и «Буллом» он сновал,
Однако шею так и не сломал.
Возница наш досель бы жив на свете,
Но прервала чума поездки эти,
И, мня, что прикатил наш вояжер
На свой последний постоялый двор,
Коль не спешит в дорогу, как бывало,
Смерть роль служанки для него сыграла,
Свела его туда, где ждал ночлег,
Раздела — и задула свет навек.
Так пусть ответят всем, кому он нужен:
«Наш Хобсон опочил, доев свой ужин».

(Пер. Ю. Б. Корнеева)

Образ Кембриджа часто появляется в поэзии Мильтона. В эпитафии на смерть молодой девушки, маркизы Уинчестер, упоминается река Кем, на которой был основан город и университет Кембридж:

И к месту, где почил ты,
Приносим вешние цветы
Мы с берегов родного Кема,
От безысходной скорби немые.

В элегии, написанной в ответ на письмо от друга детства Карло Диодати, Мильтон упоминает Кембридж:

Крепко прикованный к городу над многоводною Темзой,
Не стокоевался ничуть я по родной стороне,
Не тороплюсь возвратиться на Кем, тростниками
поросший,
В келью мою её прошу доступ мне вновь разрешить.
Скудны там тенью поля, и видеть их нету желанья:
Фебовым худо сынам в этих унылых местах!
Мне постоянным брюзжаньем угрюмый наставник
наскучил,
Больше придирки его я не намерен терпеть.

В другой элегии «Люсидас», написанной на смерть своего университетского товарища Эдварда Кинга, утонувшего при кораблекрушении у берегов Англии, вновь фигурирует Кем, но уже не как река, а как гений-хранитель Кембриджа:

Вот шествует в короне тростниковой
Преданьями воспетый Кем с челом,
Где скорбь запечатлелась, как на том
Цветке, что носит знак ее багровый.

Мильтон провел в Кембридже семь лет и получил здесь степени бакалавра и магистра искусств (1632). Ему предстояла духовная карьера, но Мильтон отказался от нее, целиком посвятив себя поэзии. Следующие шесть лет он живет в поместье отца в Хортоне, где занимается изучением истории, литературы, музыки. Затем он начинает активно заниматься политикой, получает пост латинского секретаря при правительстве Кромвеля. Вершиной его поэтического творчества становится эпическая поэма «Утерянный рай», принесшая ему заслуженную славу великого английского поэта.

Створчеством Мильтона завершается грандиозный период в английской литературе, связанный с традициями средневековья и Возрождения и открывается путь в литературу нового времени, основанную на идеях и идеалах Просвещения. Кембридж чтит память великого поэта. Бюст Мильтона находится в профессорской комнате Крайст-колледжа, а в саду этого колледжа растут «шелковицы Мильтона», хотя нет достоверных свидетельств, что Мильтон сам сажал деревья.

Кембридж, как и Оксфорд, в течение многих веков был не только центром научного знания, но и питомником для политиков, религиозных деятелей, юристов, писателей и поэтов. Практически ни один из крупных английских писателей не обошел стороной Оксбридж. В XVIII веке в Кембридже учились такие писатели, как Даниель Дефо, Лоуренс Стерн, Сэмюэль Кольридж, Томас Грей, дипломат граф Честерфилд.

Филип Стенхоп (1694–1773), граф Честерфилд, получивший известность как автор знаменитых «Писем к сыну», учился в Кембридже в 1712–1713 годах. Он избрал небольшой колледж Тринити Холл, в котором традиционно обучались юристы. В колледже будущий граф Честерфилд изучал

греческий и латинский языки, эту основу средневековой образованности. Однако он интересовался и занятиями правом, философией и анатомией. Он писал своему прежнему наставнику Жуно: «Что же касается анатомии, то мне не придется ее изучать, потому что, хотя в Кембридже в настоящее время и болтается на виселице труп одного бедного повешенного, наш хирург, который обычно читает свои лекции, не пожелал их читать на этот раз, утверждая, что так как висельник — мужчина, студенты не явятся на это зрелище».

В Кембридже всегда циркулировали сатиры и эпиграммы. Чаще всего они были посвящены отдельным людям и их поступкам, но иногда и событиям, связанным с жизнью университета. Сатира и пародия тесно срастались в Кембридже с восторженным панегириком. Молодой поэт Уильям Пэттисон (1706–1727), поступив учиться в Сидни Сассекс, написал восторженную поэму «Жизнь колледжа» (1725). Он описал здесь Кембридж как собрание муз:

Передо мною образы поэтов возникают,
 Что в мир красу внесли, и до сих пор нас развлекают:
 И Кроули, и Спенсер, что писали здесь сонеты,
 И гений Мильтона, прославленный навеки.
 Его сметливый ум, творить не переставая,
 Нарисовал черты потерянного рая.
 И Драйден творческий огонь здесь раздувал,
 И нежный Уэллер нас напевом чаровал.

Правда, Пэттисон, поссорившись с тьютором, вскоре должен был покинуть Кембридж и вернуться в Лондон, где он вскоре умер в бедности в возрасте 21 года.

Эпистолярные описания Кембриджа принадлежат Сэмюэлю Пипсу (так транскрибируется его имя Pepys) (1633–1703). Пипс получил широкую известность благодаря своей уникальной библиотеке, которая находится сегодня в Модлен-колледже, и своим не менее уникальным дневникам, являющимися литературным документом Англии XVII века.

Он родился в бедной семье, его отец был лондонским портным. Обучение в школе св. Павла открывало ему дверь в университет. Пипс поступает сначала в колледж Тринити Холл, специализирующийся на юриспруденции, но затем, очевидно,

в поисках стипендии, переходит в Модлен-колледж. В колледже он имел хорошего тьютора Морланда, изобретателя и экспериментатора. Пипс не утруждал себя занятиями наукой. Много раз он предстал перед феллоуз в пьяном виде. Впрочем, он увлекался занятиями музыкой и стенографией. Пипс провел в колледже 4 года, получив степень бакалавра в 1754 году. Вернувшись в Лондон, он получает службу в Адмиралтействе и очень скоро становится его секретарем. На этой должности Пипс чудовищно разбогател. И хотя в его карьере были трудности, и его даже сажали в тюрьму в Тауэр, Пипс проявлял чудеса предприимчивости.

Надо отдать ему должное, свое богатство Пипс разумно тратил на приобретение книг для своей частной библиотеки. Он покупал средневековые книги, карты, гравюры, ноты. В результате им была собрана коллекция, насчитывающая три тысячи уникальных книг.

Поскольку Пипс не имел детей, он завещал свою библиотеку Джону Джексону, сыну своей сестры, с условием, что после его смерти она будет передана Кембриджскому университету. Джексон, который сам был студентом Модлен-колледжа, выполнил условия завещания. В 1724 году после его смерти *Bibliotheca Pepysiana* открылась в Модлен-колледже в Кембридже, где она существует и по сей день.

Завершив свое образование в Кембридже, Пипс много раз возвращался, чтобы навестить *Alma Mater*. В 1667 году вместе с женой, слугами и клерком из Адмиралтейства он приезжает в Кембридж и посещает Тринити, Кингз и Сен-Джонс колледжи, о чем он подробно рассказывает в своих «Дневниках». В следующем году он совершает подобное же путешествие и вновь делает обход колледжей, о чем также красочно повествует в своих «Дневниках». Эти дневники Пипса являются поэтому ценными историческими источниками, повествующими о колледжах и их донатах.

В XVIII веке с Кембриджем связана группы писателей-сатириков. Это объясняется кризисом старой системы образования, основанной на средневековом тривиуме и квадривиуме. Уже с Ньютоном в Кембридж приходит новая наука, основанная на эксперименте и рациональном знании. Старая система учености, полумонастырский уклад жизни,

старинная готика становились предметом осмеяния. Одним из крупных кембриджских писателей-сатириков был Томас Грей (1716–1771).

Грей был учеником престижной школы Итон, в которой он познакомился с тремя другими друзьями: Хорейшио Уолполом — сыном премьер-министра, Ричардом Уэстом, Томасом Эштоном. После окончания Итона, Уэст поехал учиться в Оксфорд, а трое других — в Кембридж, причем Уолпол и Эштон поступили в Кингс-колледж, а Грей — в Питерхауз. Друзья на протяжении всей своей жизни обменивались письмами. Их содержание представляет интерес.

Поселившись в Питерхаузе в комнате, выходящей окнами на маленькое старинное кладбище у церкви Литтл Сент-Мэри, Грей пишет о своих первых впечатлениях Уолполу. «Это великий древний город, очертания которого напоминают паука, в центре его несколько закопченных фонарей и несколько дюжин шаркающих по мостовой ног. Мастера колледжей — двадцать седоволосых стариков, которые помешались на чувстве собственного достоинства; феллоуз — сонные, пьяные, глупые, безграмотные существа; феллоуз-коммонеры подражают феллоуз; феллоуз-пенсионеры — мрачные, горькие пьяницы, которые слишком стары, чтобы думать. Сайзерсы — бедные дети, которые прибыли сюда за знаниями, в надежде стать архиепископами Кентерберийскими».

Впоследствии Грей жаловался на однообразие кембриджской жизни и мечтал, чтобы в ней появилось какое-то разнообразие. В первые годы он писал латинские стихи по случаю ежегодных экзаменов — трипосов. Но жизнь в колледже казалась ему скучной. В 1738 году он писал Уолполу: «Кембридж безобразен, грязен и скучен, но я как капуста, если меня высадят на грядки, я буду расти; тебе лучше побыстрее вырвать меня из этой почвы, а то я не буду способен для пересадки». Уолпол уважил просьбу Грея и предложил ему поехать на континент для традиционного «образовательного тура». Это путешествие заняло два года, в течении которых Уолпол и Грей разочаровались друг в друге и разошлись. Когда Грей вернулся в Кембридж, он застал здесь другого поэта, в известной мере своего антипода.

Это был Кристофер Смарт (1722–1771), который пришел в Кембридж из Дарема в 1739 году и поступил в качестве сайзера в старейший колледж Питерхауз. В детстве он рос без отца, и графиня Кливленд предоставила ему ежегодную стипендию в 40 фунтов, пока он не окончит университет. Постоянно нуждаясь в деньгах, Смарт активно писал стихи на все случаи университетской жизни, в частности, по случаю ежегодных трипосов.

Если Грей исповедовал меланхолию в качестве своей жизненной философии, то Смарт был энергичной и экстравертной личностью. Он постоянно был окружен молодежью, которая ждала от него сатир и эпиграмм. И он не скупился на них. Представляет интерес его стихотворение по случаю получения степени бакалавра в 1743 году.

Свершилось! Теперь я бакалавр.
Лира моя звонко запела,
Сам Гораций громко так не вещал,
Мой стих выше, чем Кинга капелла.

В летописи ученых людей
Мое славное имя запишут,
Навеки оно останется в ней,
Если не съедят ее мыши.

Смарт написал также комедию «Путешествие в Кембридж», которая была представлена в колледже. Однако Смарт постоянно находился в долгах, пока не был арестован. Друзья спасли его от долговой тюрьмы, но Смарт в конце концов вынужден был покинуть Кембридж. Поскольку он женился, он не мог вернуться в университет даже когда получил стипендию для продолжения учебы. В конце концов, он умер одиноким, покинутым и обездолженным в долговой тюрьме в 1771 году.

Напротив, Грей сделал в Кембридже фантастическую карьеру. Он получил в 1762 году высокооплачиваемую должность (400 фунтов в год) профессора современной истории. Грей написал несколько сатир, в частности, «Гимн безграмотности», «Элегии», в которых присутствуют кембриджские темы. Вместе с тем, у него есть и традиционные восхваления

Кембриджа. Так, в «Оде к музыке», которая в музыкальном сопровождении была представлена в здании Сената в 1769 году, он писал:

Здесь в лугах расцветают цветы,
Кем спокойно несет свои воды,
В тихой келье, вдали от мирской суеты,
Я живу для меланхолии и свободы.

Умер Грей в почете и благополучии, но он только на два месяца пережил Смарта. Оба поэта представляют два разных полюса в спектре поэтического Кембриджа.

XIX век в английской литературе — век романтической поэзии. Романтические писатели и поэты — Вордсворт, Байрон, Теннисон — получают свое образование в Кембридже. В их творчестве *Alma Mater* — постоянная и ностальгическая тема.

В 1787 году в Кембридж приезжает молодой Уильям Вордсворт (1770–1850). Он родился на севере Англии, в живописном Озерном крае. Отец его был довольно состоятельный юрист, но ранняя смерть матери привела к распаду семьи. Сын был отдан на обучение в школу. Через несколько лет умирает и отец, так что за его образованием следили его дяди. В 1787 году Уильям был послан в Кембридж, куда он поступает в качестве бедного студента — сайзерса.

Творчество романтиков автобиографично. В поэме Вордсворта «Прелюды», написанной между 1788 и 1805 годами, подробно рассказывается, как поэт, впервые увидев издали величественную капеллу Кингз-колледжа (о которой позднее напишет замечательную поэму), въезжает в город, минуя замок и переезжая Кем по мосту св. Магдалины. Вордсворт поселяется в колледже Сент-Джонс, в неудобной комнате над кухней, но полный восторга и ожиданий.

Моим патроном был Сент-Джонс
Он был владельцем трех готических дворов,
В одном из них, напротив входа,
Я жил, жилье мое было убого.
Подо мной была столовая и кухня. По утрам
В нем раздавались страшный шум и гам,
Как в улье диких пчел, за исключением того,
Что пчелы были поискусней поваров.

А рядом, за стеной были слышны
Часы на башне в колледже Тринити
Они звонили громко каждый час,
Заглушая толпы людской немолчный глас.
И с высоты моей подушки на постели
Я наблюдал, как звезды по утрам серели,
Из моего окна я видел часть стены церковной,
Статую Ньютона с лицом серьезным и спокойным,
Свидетельство того, что великий ум всегда
Странствует по океану мысли вольно, без труда.

В его школе учителем был выпускник Кембриджа, который заинтересовал его математикой. Поэтому интересы молодого Вордсворта в колледже были связаны с математикой, его кумиром был Ньютон. В Кембридже Вордсворт брал уроки итальянского языка и самостоятельно изучал французский и испанские языки. Он много читал и английских поэтов. В «Прелюдах» он пишет, что у мельницы Трампингтона он наслаждался рассказами Чосера о страстях любви, читал «сладкого Спенсера» и поклонялся Мильтону, поэту с ангельской внешностью и чистой и гордой душой.

В колледже для Вордсворта открывалась жизнь и творчество его предшественников по университету. Но сам он вел одинокую жизнь и остался здесь «неуслышанным и неузнанным» («unheard of and unknown»). В 1789 году Вордсворт совершает пеший тур по Франции и Швейцарии. По возвращении с континента он сдает выпускные экзамены, но не получает диплома с отличием, что страшно разочаровывает его дядюшку.

После окончания университета Вордсворт много путешествовал. Но Кембридж он не забывал. Ему принадлежит замечательное стихотворение, посвященное капелле Кингз-колледжа в Кембридже. Оно было написано в 1820 году при посещении Кембриджа уже в зрелом возрасте:

Не упрекай святых за мотовство,
Ни зодчего, что создал небывалый
Великолепный храм — для горстки малой
Ученых прихожан, — вложив в него
Все, без остатка — мысль и мастерство!

Будь щедрым; чужд взыскательным высотам
Труд, отягченный мелочным расчетом;
Так думал он, вознесший волшебство
Резных колонн и арок невесомых,
Где радуги дрожат в цветных проемах,
Где в полумраке музыка парит,
Блуждая в сотах каменного свода, —
Как мысли, коих сладость и свобода
Нам о бессмертье духа говорит.

(Перевод Г. Кружкова)

Вордсворт получил признание как поэт довольно поздно. Критика долгое время относилась к нему отрицательно. Только после смерти Саути в 1834 году звание поэта-лауреата переходит к нему. Правда, в этом качестве он выступил только однажды, написав «Оду на введение его королевского высочества принца Альберта в должность канцлера Кембриджского университета». Так что Кембридж продолжал сопутствовать Вордсворту не только в студенческие годы, но и в его зрелом возрасте.

Одним из первых на поэзию Вордсворта обратил внимание Сэмюэл Кольридж (1772–1834), который сам в то время был студентом Кембриджа. Впоследствии обеих связывала длительная дружба и литературное сотрудничество. Кольридж, Саути и Вордсворт представляли поэзию Озерной школы.

Кольридж родился десятым ребенком в большой и бедной семье. После смерти отца он был отдан в «Госпиталь Христа», школу для бедных мальчиков. В школе он проявил громадный интерес к литературе и философии, читал Платона, Плотина, Вольтера, Эразма, Дарвина. Позднее Чарльз Лэм в своей статье «Госпиталь Христа тридцать пять лет тому назад» описал впечатление, которое оставил юный Кольридж. «Логист, метафизик, бард! — бывало, помню, случайный прохожий, зашедший под наши аркады, останавливался и недвижимый, замороженный восхищенно внимал тебе. А ты проникновенно и звучно излагал тайны Ямвлиха или Плотина (ибо даже в те годы ты бесстрашно упивался сим философским питьем) или декламировал по-гречески Гомера или Пиндара, — а стены древнего монастыря “Серых

Братьев” отвечали своим эхом на голос вдохновенного приютского мальчика».

Ранняя одаренность Кольриджа открыла ему путь в Кембридж. Он поступил в Джизус-колледж, в котором воспитывались будущие священники. Но он прилежно изучал классическую литературу и сочинял поэмы. Уже на первом году обучения он получил медаль за изучение классики, а на следующий год — премию за латинскую декламацию. Финансовые трудности постоянно преследовали молодого поэта. В 1793 году он совершил скандальный поступок: бросив без разрешения занятия, записался в 15-й драгунский полк легкой кавалерии под вымышленным именем Силас Томкин Комбербега. Но оказалось, что к военной службе он не был приспособлен, и через месяц вынужден был вернуться в колледж.

На летние каникулы Кольридж совершил пешком путешествие в Уэльс. По дороге он остановился в Оксфорде, где встретился с Робертом Саути. Вдвоем они разработали план «Пантисократии» — поселения общины свободных людей на берегах Америки. Вместе с Саути он написал драму в стихах «Падение Робеспьера», которая была издана в Кембридже тиражом в 500 экземпляров. Бенджамен Флоувер, издатель этой пьесы, основал радикальную газету «Кембриджский интеллигент», в которой были опубликованы несколько поэм Кольриджа.

Занятия поэзией и социальной деятельностью отвлекли Кольриджа от учебы, хотя колледж предложил ему стипендию для третьего года обучения. Так и не завершив образования, Кольридж уезжает в Лондон. Он не посещает Кембридж сорок лет и только в июне 1833 года возвращается сюда на заседание «Британской ассоциации». Похоже, что Кольридж не был счастлив в Кембридже. Борьба с нищетой, нежелание заниматься духовной карьерой, постоянное сопротивление университетским правилам и дисциплине помешали поэту насладиться преимуществами студенческой жизни. Только встречи с друзьями и длительные прогулки доставляли ему истинное удовольствие. Но Кольридж искал не гармонии, не спокойствия и созерцания, а разрушения и обличения.

С Кембриджем связано творчество самого крупного представителя английского романтизма Джорджа Гордона Байро-

на (1788–1824). Байрон пребывает в Кембридж в 1805 году, хотя первоначально он намеревался учиться в Оксфорде. Но колледж Крайст Чёрч, единственный колледж, в котором хотел жить Байрон, не мог принять его, и он поселился в не менее крупном кембриджском колледже Тринити.

Байрон принадлежал к тому классу посетителей Кембриджа, которые приезжали сюда не для обучения, а скорее для удовольствия, для развлечения, или для того, чтобы получить уединение от традиционных семейных связей. Байрон принадлежал к аристократическому роду, представители которого испокон веков учились в Кембридже, в Тринити и Квинз-колледже. В Тринити-колледже Байрон обосновался фундаментально, у него был свой слуга и лошадь, что, конечно, выделяло его из числа имущих и малоимущих студентов. В письме к сестре Августе Байрон писал, что он поселился в самой лучшей комнате, как «немецкий принц, у которого полно денег, или как вождь чероков, у которых совсем нет денег, но зато есть нечто более важное — свобода».

Байрон критически описывал ту ситуацию, которую он обнаружил в колледже. Он писал своей сестре, что здесь «мастер ест, пьет и спит, феллоуз пьют, спорят и плавают на лодках, а то, что делает прислуга, вы можете вообразить сами. Я сижу и пытаюсь писать, хотя голова раскалывается от всевозможных предложений, которые я ненавижу, но от которых я не в состоянии отказаться. Со времени приезда в колледж я только три раза обедал у себя дома, мой стол постоянно завален всевозможными приглашениями».

В то время мастером колледжа был Уильям Мэнсел, который был предметом постоянных эпиграмм и карикатур. Другим представителем колледжа, с которым Байрон встречался за обедом, был Ричард Порсон, знаток классической литературы. Как аристократ, Байрон занимал почетное место за столом и надевал академическую мантию, расшитую золотом.

Во время пребывания в колледже Байрон подружился с мальчиком, певшим в церковном хоре, — Джоном Эдlestonом. Говорили, что Байрон спас его, когда тот купался в реке Кем, и был очень добр к нему, дарил богатые подарки. В одном из своих писем Байрон называл его «единственным

живым существом, когда-либо любившим меня искренне и безраздельно». В 1711 году на раннюю смерть Эдлестона Байрон написал элегию «К Тирзе», где, обращаясь, правда, к женщине, он писал:

Когда же от земной печали
Ты отошла в иной приют,
Чьи слезы по щекам бежали,
Как по моим они бегут?

И как не плакать! О, виденья
Тех зал, тех башен, где с тобой
Я знал и слезы умиленья,
Еще не кинут в даль судьбой.

(Перевод В. Левика)

В колледже Байрон много занимался спортом. Он занимался боксом, фехтовал, беря уроки у известного фехтовальщика Генри Анджело, много плавал, нырял в реке Кем у старой мельницы, у места, которое получило позднее название «пруд Байрона», доставая со дна тарелки и монеты. Пользуясь своим положением богатого и знатного студента, Байрон нарушал правила колледжа, в частности, запрет на животных. В частности, он купил в Лондоне медвежонка и некоторое время держал его в колледже. Правда, затем он перевел его в конюшню около «круглой церкви», где он держал свою лошадь. Но присутствие медведя в колледже вызвало настоящий скандал. Студент Кларк из Эммануэл-колледжа сочинил эпиграмму на лорда, который живет с медведем. Байрон посетил Эммануэл, чтобы вызвать обидчика на дуэль, но не застал его в комнате.

Впрочем, развлечения и встречи с друзьями не мешали Байрону заниматься и читать книги. В 1807 году он составил список прочитанных книг. В их числе оказались книги по истории Англии, Шотландии, Греции, Франции, Испании, России, Италии, Америки. Кроме того, он читал книги по философии, географии, праву, поэзии. Правда, Байрон не был высокого мнения о преподавании в университете. Накануне завершения образования он написал пространное письмо писателю Чарльзу Далласу. «Ваше предположение правильно — я студент Кембриджского университета, где

в этом семестре буду держать экзамен на степень магистра искусств; но если искать разума, красноречия и добродетели, то отнюдь не Гранта является их столицей; здесь не Эльдорадо и тем более не Утопия. В умах питомцев Кембриджа та же стоячая вода, что в реке Кем, а стремления ограничены церковью, но только не христовой, а ближайшим вакантным приходом. Что касается моего чтения, я могу сказать не преувеличивая, что в области истории я начитан изрядно. Классиков я знаю настолько, насколько их знает большинство школяров после тринадцати лет учения; о законах страны — достаточно, чтобы не “преступить” их, как выражаются браконьеры. Я изучал и “Дух законов”, и международное право, но, видя, как последнее непрестанно нарушается, я потерял интерес к столь бесполезным познаниям. Из географии я знаю больше по карте, чем хотел бы пройти пешком; из математики — достаточно, чтобы вызвать головную боль, но не прояснить мысли; из философии, астрономии, метафизики — больше, чем способен понять; да здравого смысла мне преподали так мало, что я намерен завещать Байроновскую премию каждой из наших *Alma Mater* за первое открытие в этой области»¹.

Находясь в Кембридже, Байрон написал два сатирических стихотворения на университетские традиции. О своем пребывании в колледже поэт оставил разноречивые суждения. Он назвал Кембридж «темным убежищем нации вандалов», но эта оценка было рефлексией на сообщение историка Гиббона о том, что «император Проб перевозил в окрестности Кембриджа большое число вандалов». Но, очевидно, главная мысль, высказанная Байроном о своем пребывании в Кембридже, была следующая: «пожалуй, это были самые счастливые дни моей жизни».

Байрон возвращался в колледж несколько раз. В октябре 1811 года он приезжал, чтобы посетить своего друга Скропа Дэвиса из Кингз-колледжа. В ноябре 1814 года, уже будучи прославленным автором «Чайльд Гаройда», он приезжает в Кембридж, чтобы поддержать своего друга Уильяма Кларка на выборах в должности профессора анатомии.

¹ Дж. Г. Байрон. Дневники. Письма. М., 1963. С. 17.

Байрон был критически настроен к поэтам «озерной школы», к Саути, который имел звание поэта-лауреата, Кольриджу и Вордсворту. Главная причина его критичности была политическая, он не мог простить этим поэтам измену идеалам Французской революции. Его поэма «Дон Жуан» начинается с сатирического посвящения Саути и высмеивания своих коллег по университету Кольриджа и Вордсворта.

И Кольридж-метафизик тоже тут,
Но колпачок соколику мешает:
Он многое берется объяснять,
Да жаль, что объяснений не понять.

Точно так же достается и Вордсворту за темноту и многословие. Обоим этим поэтам Байрон противопоставляет Мильтона как поэта-тираноборца.

Лишь Мильтон, злоязычьем уязвленный,
Взывал к возмездию Времени — и вот,
Судья нелицемерный, непреклонный,
Поэту Время славу воздает.
Но он не лгал — гонимый, угнетенный,
Не унижал таланта, ибо тот,
Кто не клеветает, кто не льстит, не гнется,
Всю жизнь тираноборцем остается.

После его смерти в Греции скульптор Торвальдсен ваяет полнофигурную скульптуру поэта, которая с 1843 года устанавливается в библиотеке Тринити-колледжа. Каждый, кто работает в библиотеке, находится под сенью этого величественного монумента.

Писатель и эссеист Чарльз Лэм (1775–1834) вышел из самых низов. Он родился в семье бедного чиновника в Лондоне. В восьмилетнем возрасте он поступил в бесплатную школу Христова приюта (Christ's Hospital). Здесь он познакомился со старшим учеником Сэмюэлем Кольриджем, с которым поддерживал дружбу всю жизнь.

Лэм не имел возможности получить университетское образование, о котором мечтал. Но он любил посещать Оксфорд или Кембридж, что компенсировало ему обучение в университете. Еще будучи школьником, он приезжал в Кемб-

ридж, где в это время был студентом его бывший одноклассник по школе, будущий писатель Кольридж. В 1801 году он вновь посещает Кембридж, где знакомится с математиком Томасом Мэннингом, с которым он находит общие гастрономические интересы и посещает кухни колледжей Тринити Холл и Гонвилл и Кэйюс. (Впоследствии Лэм пишет вполне профессиональную кулинарно-историческую статью «Диссертация о жареном поросенке»).

Другим кембриджским приятелем Лэма становится Джордж Дайер, феллоу Эммануэл-колледжа. Это был эксцентричный человек, настоящий книжник, который, как он сам говорил, потерял зрение и здоровье, редактируя 141 том классической литературы. Дайеру принадлежит книга «История университета и колледжей Кембриджа» (1814).

В 1815 году Лэм вместе со своей сестрой Мэри вновь посещает Кэмбридж и совершает обход колледжей, знакомясь с их историей и достопримечательностями. В своей следующий приезд в 1819 он сочиняет сонет «Написано в Кембридже», в котором он изображает свою сокровенную мечту — самого себя в докторской шапочке и академической мантии.

Здесь же, в Кембридже, в 1820 году Лэм пишет замечательное эссе «Оксфорд в каникулы». В нем он продолжает тему своего сонета, воображая себя членом колледжа. «Здесь я могу изображать джентльмена, выдавать себя за студента. Такой, как я, с юных лет отлученный от сладостной пищи академического образования, не найдет ничего приятнее, чем пребывание в течение нескольких праздных недель в одном из наших университетов... Я могу поутру встать с постели с первым ударом церковных колоколов и представить себе, что они звонят исключительно для меня»¹. В этих словах — страстная тяга к университетскому образованию, которого Лэм был лишен, вынужденный влачить жалкое существование лондонского чиновника.

В этой статье, ссылаясь на Дайера, Лэм касается вопроса об отношении университетов Оксфорда и Кембриджа. «Д. рассказывал мне, что уже многие годы прилежно исследует любопытные обстоятельства, связанные с историей

¹ Лэм Ч. Очерки Элии. Л., 1979. С. 13.

двух старейших наших университетов; что совсем недавно ему случилось наткнуться на собрание рукописных хартий, имеющих касательство к Кембриджу, и что благодаря этому он надеется разрешить кое-какие все еще не вполне выясненные вопросы, и в частности извечный спор между обоими нашими университетами, который из них раньше, который позднее. Боюсь, что пыл, который вкладывает Д. в эти бескорыстные изыскания, не встретил поддержки ни здесь, ни в Кембридже»¹.

Хотя Лэму не удалось стать кембриджским студентом или феллоу одного из кембриджских колледжей, о чем он постоянно мечтал, он, тем не менее, стал замечательным эссеистом, отразившим лучшие традиции в английском искусстве и литературе, ощутившим все величие Шекспира и Хогарта как самых замечательных художественных гениев Англии. Его описания Кембриджа сохраняют живость очевидца, документальность и лиричность.

Самым великим, и, по-видимому, последним поэтом романтической эпохи, учившимся в Кембридже, был Альфред Теннисон (1809–1892). Он был младшим сыном в семье. Все трое братьев — Фредерик, Чарльз и Альфред — приезжают учиться в Кембридж, становясь студентами Тринити-колледжа. Поэзию Альфред начинает писать на студенческой скамье, причем большинство его стихов посвящается Кембриджу. Посещая Крайст-колледж, где, по преданию, Мильтон сажал шелковичное дерево, он пишет стихотворение, посвященное Мильтону. Чосеровский рассказ о мельнике стимулирует его написать стихотворение на схожую тему — «Дочери Миллера». «Стихотворение о Кембридже 1830 года» проникнуто ностальгией по старому Кембриджу:

Твои великолепные колледжи и даже древний Кинг,
Порталы статуй знаменитых королей и королей,
Твои библиотеки с миллионом ценных книг,
Твои капеллы с сиянием ярких витражей,
Все прокторы, и дины, и доктора, и доны
Помочь не смогут родному Альбиону
С тех пор как спорт здесь заменил науку...

¹ Лэм Ч. Очерки Элии. С. 15.

Теннисон до поры до времени не был известен в Кембридже. Как и Вордсворт, он отличался застенчивостью. Его популярности в Кембридже способствовало участие в дискуссионном обществе «Апостолов», основанном в 1820 году. Своей поэзией он создал славу Кембриджу как поэтическому и литературному центру.

В XX веке с Кембриджем связано творчество многих писателей и поэтов. Среди них — А. А. Милн, который сотрудничал в популярном кембриджском журнале «Гранта», Сэмюэль Батлер, сатирический писатель, автор утопии «Эреуон», Е. М. Форстер, Алистер Кроули, Ч. П. Сноу, автор романа об университетских интригах «Мастер», драматург Д. Б. Пристли и многие другие. Но, пожалуй, настоящую поэтическую славу Кембриджу принес молодой поэт и драматург Руперт Брук.

Брук родился в 1887 году в семье преподавателя в известной закрытой школе Регби. Изучал классическую литературу в Королевском колледже в Кембридже. Еще на студенческой скамье проявил интерес к социализму, был членом и даже президентом фабианского общества в Кембридже. На одном из его заседаний прочел доклад «Демократия и искусство».

Молодой поэт общался со многими представителями кембриджской интеллигенции, был дружен с внучкой Чарльза Дарвина Френсис, ее мужем, профессором античной философии Френсисом Корнфордом, художниками Аугустусом Джонсом и Равератом, биологом Джеффри Кейнсом, младшим братом экономиста Мейнарда Кейнса. Для всех них он был идеальным героем, поэтом и философом.

В 1909 году молодой студент покинул Кембридж и поселился на его окраине в деревушке Грантчестер, сохранившей старинное название реки Кем — Гранта. В деревенском уединении Руперт Брук писал стихи, прославляющие единение с природой, вечную молодость, вечные ценности. Его окружал кружок единомышленников, купающихся по ночам нагишом в реке Кем, которые с легкой руки Мейнарда Кейнса получили название «новых язычников». Идеалы этой пасторальной поэзии получили отражение в поэме «Дом Викария, Кембридж» (1912).

Эта поэма была написана в Германии, где в то время находился Руперт Брук, в кафе «Вестенс» в мае 1912 года, как

это значит в подзаголовке поэмы. В ней отчетливо слышны ностальгические нотки, воспоминания об утерянном рае, месте, где все еще присутствуют образы античной поэзии и мифологии, которых поэт не находит в Германии.

В Грантчестере, я знаю, в это время года
Лилии цветут у моего порога;
Там в клумбе, где произрастала травка дико,
Теперь алеет красная гвоздика,
А чуть подале, среди скромной кашки,
Краснеют маки и цветут ромашки.
Каштаны рослые хаосу вопреки
Растут вдоль берега извилистой реки,
Туннели создают в глуши кустов
И спят глубоким сном, хотя не видят снов.
Таинственна и зелена река,
Загадочна как смерть, зелена как мечта.

В своей поэме Брук проявляет прекрасное знание кембриджанов, всех тех, кто создавал литературную славу Кембриджу в прошлом.

Здесь Чосер слушал речки зов
И мельничный стук жерновов.
Здесь Теннисон заметил мудрым оком,
Как в Кембридже течет вода по стокам.

В своей поэме, посвященной Грантчестеру, Руперт Брук проявляет замечательное чувство топографии, прекрасное знание всех окрестностей Кембриджа. Воздавая славу Грантчестеру, он не считает с имиджем окрестных мест, доказывая моральное и географическое превосходство Грантчестера.

Кто в Кембридже живет, не любит улыбаться,
Ведь горожане выглядеть смешно боятся.
А те, кто в Ройстоне, на самом юге,
Мрачны и злы, всегда их сжаты губы.
В Овере люди занимаются овсом,
Но хуже те, кто населяют Трампингтон.
Девушки в Диттоне и грубы, и грязны,
А в Харстоне нет никого, кто старше тридцати.

У тех, кто в Шелфорде и рядом, без конца
Дрожат безвольно губы и сердца.
В Бартоне стихи на кокни сочиняются без лени,
А Коттон полон всевозможных преступлений.
Но в то, что происходит в Мадингли на Рождество,
Поверить до конца не в состоянии никто.
И даже сильный человек от ужаса трясется,
Лишь кто-то в Черри Хинтон засмеется,
Он предпочтет убить свою жену,
Чем в Сент-Эйв послать ее одну,
Он зарывает, как ребенок в колыбели,
Когда узнает то, что происходит в Бабрехэме.

Этот критический и далеко не всегда справедливый обзор окрестностей Кембриджа служит Бруку для того, чтобы сфокусировать внимание на Грантчестере. В его восприятии это страна, где по-прежнему жива античная мифология, образы греческих мифов, которые, казалось бы, давно уже исчезли, превратившись в малодостоверные предания:

Здесь некоторые, говорят, видали
Фавнов, выглядывавших из зеленой дали.
Другие слышали наяд волшебных пенье
И верили, что жив еще мир древний.
Здесь раздавался стук козлиных ног,
Но слышать я его уже не мог.

В то же время здесь происходят события, связанные с местной мифологией: в ночное время на реке Кем пляшет сотня викариев, сопровождаемых их строгим наставником.

А пред рассветом видеть я порой могу,
Как сто викариев танцуют на лугу,
Как ловко движется их тленный прах
На легких и следов не оставляющих ногах.
А в ветвях старого платана
Видна тень слабая их строгого декана.
И так отплясывают ночь всю в ритме диком,
А на рассвете исчезают с сатанинским криком.

Античная и новая мифология тесно сплетаются в поэтической мифологии Брука, превращая традиционное место

туристических пикников и пивных возлияний в волшебный, мифологический заповедник. Но главное в поэтической интерпретации Бруком Грантчестера — ощущение поэтической гармонии, связи природы и цивилизации, мифа и современности, воображения и реальности. Руперт Брук в своей поэме удачно совмещает историю и реальность, древние мифологемы и весьма практические потребности — поиски сладостей к традиционному английскому чаепитию.

Эта, казалось бы, незатейливая поэма отразила ментальную связь кембриджского прагматизма с его склонностью к науке и эксперименту, с потребностью в романтизме, в мифологии, с необходимостью увидеть свою связь с природой, которую извечно символизировали ослабевающие, но не умирающие потоки реки Кем.

Руперт Брук был патриотом и пошел добровольцем на фронт. Он погиб в 1915 году, прожив всего 28 лет. В деревне Грантчестер сегодня существует музей, в котором собраны документы о жизни и творчестве поэта.

«Новое язычество» получило отражение и у Френсис Корнфорт, правнучки Дарвина, которая профессионально занималась поэзией. В «Поэмах», изданных в 1910 году, она публикует стихотворение «Толстая женщина, увиденная из поезда», которое, несмотря на некоторую наивность, представляется программным.

О, почему ты в перчатках бредешь по лугу,
Ничего не видя вокруг?
О, бледная, толстая женщина, что не мила никому,
Почему ты в перчатках бредешь через луг?
А трава нежна, как у голубки грудь,
И на ощупь мягка, как пух.
О, почему ты в перчатках бредешь по лугу,
Ничего не видя вокруг?

Очевидно, эта бедная женщина вызывает негативные эмоции не потому, что она лишена изящной фигуры, а потому что она гуляет по лугу в перчатках. Здесь виден наивный антагонизм природы (нежная трава на лугу) и цивилизации.

Впрочем, Френсис Корнфорт принадлежат и стихотворения, в которых отражается проникновенное ощущение исто-

рии, осознание того, что, несмотря на смену поколений, Кембридж — его природа, колледжи — остаются неизменными. В стихотворении «Мимолетность» (1928) она говорит:

Трава, влажная от росы, желтизна листьев несвежих,
Тенистые воды реки, которую Мильтон любил,
Каменные здания знаменитых колледжей,
Горбатые арки мостов, грачи, череда рослых ив.
Все здесь такое, как до моего рожденья, и будут такими,
Когда мои дети вырастут и станут большими.

Двоюродная сестра Френсис Корнфорт, Гвен Раверат, тоже правнучка великого естествоиспытателя, ставшая художницей, написала замечательную автобиографическую книгу «Очерк истории» («Period of Piece») о детстве в Кембридже. Это одновременно документальное и художественное произведение, рассказывающее о семье Дарвинов и о нравах и традициях Кембриджа на грани XIX и XX веков. Книга иллюстрируется графикой самого автора, передающей визуальный образ Кембриджа того времени.

Поэзия «новых язычников» отражала романтическую атмосферу мирного времени. Но вскоре студенты Кембриджа сменили академические мантии на военную одежду цвета хаки. Началась Первая мировая война, и ее первой жертвой стал кембриджский поэт, глава «новых язычников» Руперт Брук, который погиб в августе 1915 года в возрасте 28 лет. Это была не единственная жертва. В том же году на фронте погиб молодой, двадцатилетний поэт Хамильтон Сорли, сын профессора философии, в 22 года погиб поэт Ференс Бекасси, студент Кингз-колледжа. Поэтому в поэзии «новых язычников» меняется тон, из романтического он становится элегическим.

За Первой мировой войной следует война против фашизма в Испании. Многие студенты и выпускники Оксбриджа уезжают воевать на стороне республиканцев. Из молодых поэтов туда едут У. Х. Оден, Джулиан Белл, сын Клайва и Ванессы Белл, Джон Корнфорт, талантливый поэт, сын Френсис Корнфорт, причем последние двое погибают в Испании, а Оден утрачивает там свои коммунистические идеалы.

С Кембриджем связана жизнь многих английских выдающихся ученых и публицистов. Одним из них был Бертран

Рассел (1872–1970). Он прожил долгую жизнь, много путешествовал, побывал во многих странах мира — в Америке, Китае, Австралии, России. Но как ученый и как личность он сложился в Кембридже. «Где бы я ни жил, — писал он в своей «Автобиографии», — я всегда знал, что Кембридж — это единственное место на земле, где я чувствовал себя дома»¹. Эта фраза могла бы стать символом всей его жизни.

В 1890 году Рассел решает для изучения математики поступать в Кембриджский университет. Он приезжает в Кембридж и сдает приемные экзамены. Как он рассказывает, он был настолько стеснительным, что даже боялся пользоваться университетским туалетом, так что ему приходилось бегать по нужде в общественный туалет на вокзале. Экзамены он выдержал удачно. «С того момента, как я прибыл в Кембридж, у меня стало все получаться. Все соседи по Тринити-колледжу вскоре стали моими друзьями. А Уайтхед, который возглавлял приемную комиссию, рекомендовал преподавателям обратить внимание на меня и еще одного поступающего — Санжера»². В университете Рассел слушал лекции по философии Мак-Таггарда, который находился под влиянием неогегельянства. Однако под воздействием скептицизма Дж. Мура Рассел отходит от немецкой метафизики к традиционному английскому эмпиризму.

Интеллектуальная история Кембриджа во второй половине XX века во многом обязана известному ученому и писателю Чарльзу Перси Сноу (1905–1980). С ним связана дискуссия о «двух культурах» — технологической и духовной, которая развернулась в Кембридже в 60-х годах.

Сноу поступил учиться в Кембридж в 1928 году, получив стипендию для учебы в Крайст-колледже. После учебы он некоторое время работал в лаборатории Кавендиша, занимаясь спектрографией инфракрасного излучения. Благодаря успехам в исследовательской работе он был избран в 1930 году феллоу Крайст-колледжа и оставался в этом колледже до 1945 года. В 30-х годах, наряду с карьерой естествоиспытателя, он начинает писать художественные произведения — де-

¹ *Russell B. The Autobiography. London; Boston; Sidney, 1978. P. 71.*

² *Ibid. P. 53.*

тективный роман «Смерть под парусом», роман о молодом ученом «Поиск». С 1940 по 1970 годы он пишет одиннадцать томов в серии «Незнакомцы и братья», которые получили успех и были переведены на несколько языков. Романы этой серии носят во многом автобиографический характер. Роман «Мастер» (1951) посвящен Кембриджу, выбору руководителя одного из колледжей и связанными с этим университетскими интригами. В приложении к этому роману Сноу публикует «Размышления о прошлом колледжей» — краткую историю кембриджских колледжей. Так что в какой-то мере Сноу был историографом Кембриджа.

В конце 50-х годов после работы в правительственных учреждениях Чарльз Сноу возвращается в Кембридж и становится одним из отцов-основателей вновь открывшегося Черчилль-колледжа. С Кембриджем связана история его знаменитой лекции о двух культурах, принесшая ему, с одной стороны, международную известность культуролога, а с другой стороны, резкую полемику из числа кембриджских консерваторов.

7 мая 1959 года Сноу выступает в Сенате кембриджского университета с лекцией «Две культуры и научная революция». Главная идея лекции Сноу состояла в указании на растущую пропасть между представителями естественной науки и «литературными интеллектуалами». Сноу по своим занятиям был представителем обеих культур и прекрасно знал духовную атмосферу, в которой они развивались. По его мнению, незнание современными учеными искусства и литературы — это такое же варварство, как и незнание литературными интеллектуалами современной науки. (В России подобные дискуссии проходили в 60-х годах между «физиками» и «лириками»).

В своей лекции о двух культурах Сноу ставит вопрос о распаде двух культур, гуманитарной и естественнонаучной, мира науки и мира искусства. Он говорил: «Я постоянно соприкасаюсь с двумя разными группами людей, вполне сравнимыми по интеллекту, принадлежащими к одной и той же расе, не слишком различными по социальному происхождению, располагающими примерно одинаковыми средствами к существованию и в то же время почти поте-

равшими возможность общаться друг с другом, живущих разными интересами, в непохожей психологической и моральной атмосфере...»¹. Эти два типа людей разделяет стена непонимания, а иногда даже откровенная антипатия и вражда. Более того, эта пропасть не уменьшается, а растет. Этому способствует специализация образования, которая, по мнению Сноу, особенно характерна для Англии. Сноу говорил об ответственности ученых, которые приобретают новые, невиданные доселе источники энергии, как, например, атомную, но оказываются не в состоянии находить общий язык с окружающими.

Выступление Сноу и дискуссия вокруг него были порождены, главным образом, интеллектуальной обстановкой в Кембридже, борьбой различных социальных направлений в кругах кембриджской научной элиты. Сегодня комментаторы дискуссии отмечают, что в своей лекции Сноу предвидел многие явления, которые появились значительно позднее, в конце XX столетия. Как пишет Стефан Коллини в своем содержательном предисловии к изданию «Двух культур», «лекция Сноу отражала ощущение эры “конца идеологии”, эры, когда политика становится все более и более прагматичной и независимой от конфликтующих идеологий. Сноу оказался прав в своих прогнозах, когда оказалось, что несмотря на конец “холодной войны”, в мире стали играть большую роль такие “несовременные” явления, как национализм, этническая рознь, религиозный фундаментализм»².

Чарльз Сноу сформировался как ученый и писатель в Кембридже, и отсюда он получил главные импульсы для своей общественной и политической деятельности.

В Кембридже учились и работали не только английские, но и русские писатели. В XIX веке многие русские приезжали в Кембридж, в частности, писатель Иван Тургенев. Русский писатель Владимир Набоков учился в Кембридже с 1919 по 1922 год. Правда, он не очень много времени уделял занятиям, предпочитая прогулки по реке Кем, игру в теннис, любов-

¹ Сноу Ч. Две культуры. М., 1973. С. 18.

² Collini S. Introduction // C. P. Snow. The Two Cultures and Scientific Revolution. Cambridge, 1959. P. 69.

ные приключения. Но это был период прощания с юностью, период духовного созревания будущего писателя. (Более подробно об этом см. в следующей главе).

В XX веке к теме Кембриджа обращаются многие выдающиеся английские поэты, в частности, Джон Бетчемен. Он получил образование в Оксфорде, учился там в одно время с Уистеном Оденем. Для его поэзии характерен топографический талант, умение точно, буквально топографически описывать места, которые он посещал. Бетчемен прекрасно знал английскую архитектуру и даже написал о ней несколько книг. Старинные города Англии и их архитектура — одна из тем поэзии Бетчемена. В частности, он, продолжая традицию, начатую еще Вордсвортом, прекрасно описывает такой замечательный архитектурный памятник Кембриджа, как знаменитую капеллу Кингз-колледжа.

ВОСКРЕСНОЕ УТРО, КИНГЗ-КОЛЛЕДЖ, КЕМБРИДЖ

В желтом свете свечей певцов движется ряд
И теряется в темноте ренессансных кулис,
В ярких окнах капелл стекла цветные горят,
Золотые, красные, голубые цвета украшают карниз.
В своде множество каменных арок парят,
Низвергаясь дождем, который никогда не падает вниз.

Вымощенные камнем дворы открыты ветрам,
Парадные ворота украшены серебром,
Желтые вязы растут как отдельные острова,
Вся старая готика заросла плющом.
Здесь сливаются все дарованные богом цвета,
Они заставляют камень сиять жемчугом.

В церкви статуи, руки сжав на груди, лежат,
Покоясь на могильных плитах,
Колонны потолок высоко над собою несут,
Поколенья, сменяя друг друга в веках,
Сливают голоса в громком хоре и песни поют,
Воспевая Вечность, хранимую во Времени и витражах.

Не менее возвышенные стихи Бетчемен писал и о колледжах Оксфорда, которые уже приводились выше.

Из современных кембриджских поэтов следует назвать Николаса Мура (р. 1918), сына известного философа Д. Мура. Окончив Тринити-колледж в 1940 году, он основал журнал «Сэвен», вместе с Алексом Комфортом он издал антологию «Поэзия Кембриджа». Его стихи о Кембридже лишены традиционной пасторальности, в них преобладают критический тон и тревожные предвоенные настроения:

Это теплый город, он не боится зимнего оледенения,
Хорошо зарабатывает на учебе. Здесь живут те,
Кто от процесса мысли получает наслаждение,
И темные торгаши, что торговлей живут.
Здесь любят гулять вдоль реки. Проклинают Гитлера
И надеются, что бомбы сюда не упадут.

Этот малый мир принадлежит им всем.
Круг людей, обладающих властью, узок. Они умеют всегда
Приумножить доходы. Мечты их — свить гнездо себе,
Куда нет входа чужакам и иностранцам. Обожают свои дома.
Но голоса диссидентов звучат порой и в их среде,
Они знают историю и видят, кто, где и когда.

Здесь слушают внимательно политиков слова,
Хотя каждый недоволен тем, как он живет.
Кем покоен, его воды мирно текут в никуда.
Это гостеприимный и дьявольский город.
Каждый заботится лишь о себе всегда,
Всюду царят запреты, и протест здесь недолог.

Довольно остроумно писал о Кембридже Гэвин Юворт (р. 1916). Он поступил в 1934 году в колледж Крайст, где два года изучал античную литературу, а затем занялся английской литературой. В 1939 году он издает свой первый поэтический сборник «Поэмы и песни», в котором часто обращается к тематике, связанной с кембриджской жизнью. Он воспевает радости студенческой жизни:

Хочешь послушать мелодии танца,
Пройдись по городу, по траве погуляй,
Почувствуй себя свободным, как птица,
Или Одена публике почитай.

Вместе с тем в поэме «Кембридж» он удачно передает настроение, связанное с расставанием с университетом.

Прощайте, прически, подобные гриве,
Прощайте, тропинки, где гулял я с друзьями,
Прощай, гребной клуб, утопающий в море пива,
Прощайте, студенты, замученные профессорами.

Прощайте, цветы и плоды познаний,
Прощайте, все окрестные пабы и бардаки,
Прощайте, лекции на зорьке ранней,
Прощайте, свиданья, застолья и пикники.

В современной поэзии, посвященной Кембриджу и Оксфорду, можно найти два противоположных взгляда на старейший университет — критический и апологетический. Критические ноты звучат в стихотворении А. Манби «Мысли по прочтении стихов Беллока о донах». В нем говорится о том, что власть университетских профессоров и членов колледжей, т. н. донов, которая прежде была безраздельной и безусловной, сегодня утрачена.

Великие доны, доны на все времена,
Куда ушли вы, вернетесь назад когда?
Доны в колледжах, доны во власти,
Доны, рассуждающие о женской напасти,
Доны, критикующие Конституцию,
Доны, возводящие в идеал проституцию,
Доны, входящие в столичный бомонд,
Доны, контролирующие инвестиционный фонд,
Доны, колдующие на уик-энд у барбекю,
Доны, измеряющие ваше IQ,
Доны, сидящие за столом, проходящие мимо,
Доны, вернувшиеся из России иль Рима,
Доны — профессора, доны — бригадиры,
Доны, внимающие звукам уличной лиры,
Доны, громко кричащие в пивных барах,
Доны, командующие на новогодних базарах,
Великие доны, доны на все времена,
Куда вы ушли, вернетесь назад когда?

Другой, апологетический, взгляд на Оксбридж представлен в стихотворении Томаса Торуюэлли «Кем и Айзис» (1939),

посвященном двум рекам, протекающим в Кембридже и Оксфорде.

Тем, кто полагает на самом деле,
Что Кем и Айзис сегодня устарели,
Что здесь студенты заняты лишь спортивными делами,
А доны учат их ненужной мудрости, завещанной отцами,
Могу сказать одно — придите и посмотрите сами.

Литературная история Оксбриджа имеет глубокие корни, она связана с замечательными традициями, с именами великих английских писателей, поэтов и публицистов. Но эта история далеко еще не исчерпана, она продолжается и сегодня.

ГЛАВА 4.

РУССКИЕ В БРИТАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ В XVII–XIX ВЕКАХ

Первые русские в Кембридже

Кембридж и Россия имеют давние отношения, которые начинаются еще в XVI веке. Причем эти отношения были двухсторонними, и общение представляло взаимный интерес. Правда, можно сказать, что пальма первенства поначалу принадлежала англичанам, которые с огромной охотой посещали Россию. Не случайно Мильтон писал, что «открытие России через Северный океан было впервые сделано среди всех известных наций англичанами». Можно только добавить, что большой процент среди них составляли люди из Кембриджа, включая и самого Мильтона, выпускника Кембриджского университета.

Россия привлекала англичан обилием естественных ресурсов, выгодной, часто свободной от налогов, торговлей. Поэтому в Россию из Англии хлынул поток купцов, которые, помимо торговли, составляли карты, давали описания природы, государственного устройства и национальных особенностей России.

Одна из первых английских книг о России принадлежит Гилю Флетчеру, который в 1591 году публикует книгу «О государстве Российском, или о правлении Русской империей

(называемой обычно Московией) с описанием традиций и привычек этой страны». Выпускник Итона, Флетчер приезжает в Кембридж в 1565 году и становится здесь феллоу Кингз-колледжа. Он занимал различные посты в университете, сначала лектора по греческому языку, а затем декана искусств. В 1581 году он получает в Кембридже степень доктора по гражданскому праву. Очевидно, он был тесно связан с сэром Томасом Рэндолфом, английским послом в Москве. Королева Елизавета посылала его с миссией в Московию, где он находился около года, пытаясь получить аудиенцию у царя Федора, и встречался с будущим царем Борисом Годуновым.

В своей книге, рукопись которой до сих пор хранится в Квинз-колледже, Флетчер подробно анализирует структуру государственной власти Российской империи, включая суд, организацию армии, деятельность церкви и даже заметки о привычках и поведении русского царя. Эту книгу Флетчер посвящает Елизавете со следующими замечаниями: «Мое намерение состоит в том, чтобы описать мой собственный опыт скорее для пользы, чем для удовольствия, скорее в целях истины, чем для показа странностей. В способе их правления Ваше величество увидит одновременно истинное и необычное лицо тиранического государства (совершенно отличное от Вашего), которое не обладает истинным знанием о Господе, не имеет писаного права, системы юриспруденции, так что все основывается на “устном законе”, благодаря чему магистрат называет законом свое собственное беззаконие. Жизнь этого бедного и задавленного народа, который населяет эту страну, дает мне и всем другим подданным Вашего величества счастливое убеждение в том, что мы живем при благородном и совершенном правлении, при котором все мы благородные подданные, а не рабы, и руководствуемся не страхом, а долгом любви».

Эта книга положила начало серии книг, посвященных Московии. Среди них была книга Ричарда Хэклута «Навигация, путешествия и открытия английской нации» (1589), в которой описывалась Московия при правлении Ивана Грозного, книга Сэмюэля Пуршаса «Паломничество Пуршаса» (1625). Любопытно, что великий драматург Мильтон

также написал книгу о России — «Краткая история Московии» (1632). В отличие от других авторов, Мильтон не был в России, и его книга не является путевой книгой, очерком путешественника. Она была написана по материалам книг Хэклута, Пуршаса и Флетчера. И хотя эти первые сведения о Московии рисовали в общем негативный образ страны, страны тираннии и рабства, страны, в которой отсутствуют право и знание, они, тем не менее, отражали растущий интерес к России, который получил отражение даже в английской поэзии и драматургии, начиная с Шекспира.

Установление торговых и дипломатических связей между Россией и Англией приводит к созданию посольств в Москве и Лондоне. Многие выпускники Кембриджа приезжают в Москву, где служат в качестве священников, врачей или дипломатов. Среди них феллоу Тринити-колледжа Ричард Рейнольдс, врач Марк Ридли из Клер-Холла, Ральф Стендиш из Тринити, который служил врачом при Иване VI, и многие другие. О судьбе людей из Кембриджа, посещавших Россию в XVII и XVIII веках, подробно рассказывает Энтони Кросс в своей инаугурационной лекции, опубликованной под заголовком «Кембридж — связи с Россией»¹.

С другой стороны, и русские довольно часто приезжали в Европу за знаниями. Уже это опровергало установившийся среди некоторых английских путешественников стереотип о том, что русские равнодушны к знанию. Русские цари нуждались в образованных людях — мореходах, врачах, купцах, архитекторах. Но в России не было таких крупных образовательных центров, как Оксфорд и Кембридж. Поэтому русское самодержавие планировало решить проблему образования служилых людей путем посылки их за границу. Англия представлялась самым подходящим местом для этого. Тем более что с Германией с самого начала ничего не получилось.

В 1603 году в Москву прибыло посольство ганзейских городов. Оно заключило удачный торговый договор. Царь Борис Годунов решил воспользоваться случаем. Он уговорил послов взять с собой пять молодых дворян для обучения

¹ Cross A. Cambridge — some Russian Connections. An Inaugural Lecture. Cambridge, 1987.

их немецкому и латинскому языкам, чтобы по возвращении они могли служить в Посольском приказе. Послы не могли отказать русскому царю. Уже 30 октября магистрат Любека сообщает о прибытии московских студентов. Магистрат оказывал москвитам свое покровительство. Но дело почему-то не заладилось. В 1606 году из Любека Василию Шуйскому пришло письмо, в котором сообщалось, что русские студенты «непоседливы в учении, а иные двое из них от нас сбежали». Таким образом, обучение в Германии не удалось, а судьба неудачливых студентов оказалась неизвестной. Во всяком случае, нет никаких сведений, что кто-нибудь из них вернулся в Россию.

Гораздо удачнее начиналось с учебой в Англии. Для получения образования в город «Лундун» были отправлены четверо: «Микифор Олферьев сын Григорьев, да Софон Михайлов сын Кожухов, да Казарин Давыдов, да Федька Костомаров для отвоза в аглинскую землю для науки латинскому и аглинскому и иных разных немецких государств языков и грамоте»¹.

Все четверо были «боярские дети», то есть принадлежали к высшему сословию. Борис Годунов надеялся, что, получив западное образование, и прежде всего знание иностранных языков, отобранные им молодые люди станут квалифицированными чиновниками при дворе. Это был смелый эксперимент. До этого никто из русских не учился за границей, а потребность в знающих и образованных людях была насущной. Торговля с Англией расширялась, Англо-Московская торговая компания набирала силу. Поэтому для царского двора образованные люди из числа русских были чрезвычайно нужны.

Патронаж над русскими студентами взял на себя Джон Меррик, который был агентом компании и часто бывал в России. Это был образованный и влиятельный человек. Он был переводчиком и дипломатом при королеве Елизавете и, по сути дела, выполнял в России функции посла. Но, беря на себя опеку над московскими студентами, Меррик не знал, какую тяжелую ношу он возлагает на себя.

¹ Арсеньев А.В. История посылки первых русских студентов за границу при Борисе Годунове. СПб. 1887. С.9

30 июля 1602 года английский корабль с будущими студентами на борту и обильным провиантом отчалил из Архангельска. В сентябре они счастливо прибывают к английским берегам, и Джон Меррик представляет их королеве Елизавете. Было решено определить их в разные университеты: Итон, Винчестер, Оксфорд и Кембридж. Из всех четверых на академическую стезю встал Григорьев, который адаптировался в Англии под именем Микипер Алфери (Alphery). Остальные трое, освоив английский язык, избрали довольно авантюрный образ жизни.

Софон Кожухов решил попытаться счастья как путешественник и плантатор. В марте 1609 года появилась запись в журнале английской Ост-Индской компании о том, что «Софони, русский, получил сумму денег в 20 фунтов». Это было оплатой за контракт на семь лет, который Кожухов заключил для пребывания на фактории на Яве. Очевидно, что этому довольно смелому предпринятию способствовал Джон Меррик, который, помимо Московской компании, был членом Ост-Индской компании. Именно он мог порекомендовать русского юношу компании. Вместо того чтобы зубрить латынь, Кожухов отправился в путешествие, чтобы закупать для компании шелк, индиго, сандаловое дерево и опиум. Через год его решили отправить на Борнео, где открылась новая фактория, торгующая алмазами. Но перед его отъездом на Яву прибыл новый корабль, и с его борта сошел еще один член «четверки» — Казарин. Он, как и Кожухов, заключил контракт с компанией. Но, в отличие от авантюрного приятеля, он обладал более спокойным характером. Торговле с аборигенами и поискам алмазов он предпочитал уединение и занятия эпистолярным жанром. Его письма в компанию отличались рассуждениями на религиозную тему и полны библейскими сюжетами. Похоже, что на Борнео Казарин, или, как его называли англичане, — Дэвид Кассариан, нашел себя.

Оба русских стали истинными джентльменами, их уважали друзья и коллеги. Но их жизнь закончилась трагически. Английские колонии начали воевать с датчанами за торговые территории. Оба русских погибли в войне за британскую корону. Кожухов был убит на корабле, когда ядро датской пушки попало прямо в него, разорвав его на мелкие куски.

Это случилось в феврале 1617 года. А Казарин на следующий год попал в плен к датчанам. Сначала компания получала от него письма с описанием тяжелого положения пленника, а затем письма перестали приходить. В конце концов, английские пленники вернулись на родину, но среди них не было Казарина. По-видимому, он погиб в плену из-за болезни или голода.

Третий из русских студентов был Федор Костомаров. Он тоже не окончил учебу, а отправился в Ирландию в качестве «королевского секретаря». О его жизни в Ирландии не осталось никаких сведений, за исключением того, что он женился здесь в 1618 году. После этого о нем не было никаких известий.

Зато о Микифоре Ольферове, или Микипере Алфери, в Англии сохранилось много документальных сведений. О нем как «страдающем священнике» упоминается в книге, вышедшей в 1714 году. Она принадлежит Джону Уокеру, который собрал все сведения о жизни самого младшего из четырех русских, посланных на учебу¹. Кроме того, о нем сообщается в Биографическом словаре, в Словаре национальных биографий².

Чем же объясняется популярность Алфери (будем называть его английским именем)? Прежде всего тем, что он был первым русским, получившим образование в Кембридже. Алфери приезжает в Кембридж и поступает в колледж Сен-Джонс, о чем свидетельствует запись его имени в матрикулах колледжа 1609 года. Затем он переходит в Клэр-колледж, где получает в 1612 году степень бакалавра, а затем и мастера (1615). Это был первый дипломированный русский, который успешно окончил полную программу в Кембридже.

Следует сказать, что годы учебы прошли для него без всякой поддержки из России. Это было трудное время для страны. Бориса Годунова, автора педагогического эксперимента,

¹ Walker J. An attempt towards recovering an account on the suffering of the clergy of the Church of England in the late times of the Great Rebellion. London, 1714.

² Biographia Britannica on the Lives of the Most Eminent Persons who have flourished in Great Britain and Ireland. Vol.1. London, 1747. P. 129

сменил Василий Шуйский. Затем наступило Смутное время. На московском престоле появилось несколько Лжедмитриев, затем царем был провозглашен малолетний Михаил Романов. Поэтому о русских студентах в Англии совершенно забыли. Не до них было.

Тем не менее, учеба и жизнь в Кембридже требовала средств. Вряд ли Алфери смог бы выполнить царский наказ обучиться языкам и грамоте, если бы не поддержка со стороны английских друзей. В Кембридже русский студент подружился с Джоном Биделлом, младшим сыном сквайра из Хантингдоншира, который со временем становится богатым купцом, торгующим с Москвой. Биделл оплачивал учебу своего русского друга, тем более что его богатство шло из России.

О русских студентах в Англии вспомнили только через 11 лет. В октябре 1613 года в Англию прибывает первый русский посол Алексей Иванович Зюзин с объявлением о вступлении на престол нового царя Михаила Романова. Но помимо этого посол запросил Тайный Совет о судьбе четырех студентов, которым было бы пора возвращаться на родину. Ему сообщили, что один из четырех находится в Ирландии, двое – в Восточной Индии. Все они были вдалеке, в пределах досягаемости остался только Микипер Алфери. В начале 1614 года посол призвал кембриджского студента на аудиенцию, но с удивлением узнал, что тот не собирается возвращаться на родину. Микипер не хотел слушать никаких увещаний и вернулся в Кембридж.

Здесь он выбрал себе карьеру. Получив степень мастера, он становится англиканским священником. Следует сказать, что это был не простой выбор. Во-первых, Микипер раз и навсегда порывал с православием. А во-вторых, он сделал свой выбор в тот момент, когда в Англии приходили к власти пуритане. Когда Алфери учился в Клэр-колледже, в нескольких кварталах от него, в колледже Сидни Сассекс, учился молодой Оливер Кромвель, будущий глава пуританской революции.

Между тем родина настойчиво требовала возвращения своих студентов, полагая, что в Англии их задерживают насильно. «Подлинно ведомо, что те дети боярские Никифор Олферьев сын Григорьев, да Софонко Кожухов с товарищи четыре человека аглинской земле задержаны неволею, а Ни-

кифорко Олферьев и веры наша православная отступил и неведомо по какой прелести в попы стал»¹. В 1615 году дипломат Иван Грязев появился в Англии и опять запросил Тайный Совет о выдаче четырех русских. Ему было сказано то же, что и Зюзину. Опять был вызван на аудиенцию Алфери, но разговор между ними не получился. Оба вспылили, и Алфери демонстративно покинул дипломата, заявив, что не хочет возвращаться домой.

На этом дело не кончилось. Через несколько лет новый посол Исаак Погожев появился в Лондоне с письмом царя, в котором утверждалось, что четыре русских насильно удерживаются в Англии. На это ему было сказано, что двое погибли в Восточной Индии, третий исчез в Ирландии, а четвертый стал англиканским священником и не желает возвращаться домой. Тогда Погожев прямо обратился к королю Якову I с просьбой насильно выслать Алфери в Россию. Но король решительно отказался сделать это. На этом кончились попытки вернуть русских студентов домой.

Но к тому времени Алфери получил приход в маленькой церкви св. Марии в селенье Вулли в Хантингдоншире, рядом с именем своего друга Джона Биделла. Хантингдоншир был графством, соседним с Кембриджширом. Это был тихий сельскохозяйственный район со старинной архитектурой. Церковь св. Марии была построена в XII веке и сохранилась до XX века.

Вскоре Алфери женился на дочери местного пастора. У него родилось восемь детей. Нельзя сказать, что его жизнь была безмятежной. Во время Гражданской войны солдаты Кромвеля выгнали его вместе с семьей из дома. Ему пришлось жить в построенной на скорую руку хижине, затем ему пришлось переехать на окраину Лондона. Но в период Реставрации Алфери вернулся в свой прежний дом в Вулли и встретил там спокойную старость. Дети его стали англичанами, и каждый нашел себе профессию. Умер он в 1668 году в возрасте 86 лет.

Так завершилась жизнь первого русского выпускника Кембриджа. Алфери выбрал свой путь в жизни и добился

¹ Biographia Britannica... С. 20

того, чего он хотел, несмотря на все препятствия, которые стояли на его пути.

Несмотря на неудачу с четырьмя студентами, царь Михаил решает послать еще одного русского на учебу в Кембридж. Это был Иван Иванович Алмазенев, сын переводчика из Иностранного приказа. В Англии он превратился в Джона Элмсона. Он прибывает в Кембридж в 1617 году, где изучает английский язык, латынь и греческий. В 1629 году он продолжает занятия медициной уже во Франции и Италии. Неизвестно, вернулся ли он обратно в Россию, или остался, как он рассчитывал, в Кембридже.

Так, сравнительно неудачно для русской администрации окончилась первая попытка наладить образование русских в Англии. А они были нужны – переводчики, врачи, мореходы. Приходилось приглашать ко двору иностранных врачей, чаще всего английских. И переводчики были часто из «немцев». Неудача не остановила последующих попыток. Но они были предприняты гораздо позднее, при Петре I. Тем не менее, можно признать, что путь в английские университеты был открыт русскими уже в XVII веке. К сожалению, история сохранила далеко не все документы о пребывании русских в английских университетах. Русские не всегда записывались в университетских матрикулах и редко писали воспоминания о своих поездках. Но именно это делает чрезвычайно ценными те сравнительно немногочисленные сведения, которые мы имеем о первых русских студентах в Кембридже.¹

Англо-русские связи при Петре I и Екатерине II

В середине XVII века англо-русские дипломатические отношения разладились, что было связано с революцией Кромвеля и казнью короля. Царь Алексей Михайлович издал указ, в котором говорилось: «Англичане всю землю учинили

¹ См. об этом: Кузнецов Б. Первые русские студенты за границей // Родина. № 10, 2000; Szulinski C. The First Russian Students in England (электронная версия).

большое злое дело, государя своего, Карлуса короля, убили до смерти: и за такое злое дело в Московском государстве вам быть не довелось».

Новый этап в развитии отношений между Россией и Англией начался в период царствования Петра I. Петр широко открыл двери иностранцам, в том числе английским послам и путешественникам. Но главное — он сам совершил путешествие в Англию в 1698 году, что стало поворотным моментом в отношениях между странами.

Петр приехал в Англию учиться, и от своих приближенных он требовал того же. В своей поездке он интересовался главным образом кораблестроительством и устройством верфей. Петр не собирался посылать русских студентов в Кембридж или Оксфорд, ему нужны были не ученые, а кораблестроители и мореходы. Но сам Петр совершил поездку из Лондона в Оксфорд. И хотя эта поездка была краткой, всего два дня, она была знаменательной. Она свидетельствовала о признании Петром роли науки, значения университета.

В Оксфорде Петр посетил книжную лавку, затем издательство, музей Эшмолиен и часовню Тринити-колледжа. Он отправился в Оксфорд инкогнито, но когда публика узнала в нем русского царя и стала собираться толпа, Петр решил вернуться в Лондон, не осмотрев всего того, что он собирался увидеть.

В поездке в Англию Петра I сопровождал Петр Васильевич Постников. За три года до поездки Петра он получил степень доктора в Падуе — это был первый русский, получивший иностранный медицинский диплом. Петр I поручил Постникову остаться в Англии и познакомиться с английскими школами и университетами. Он приехал в Оксфорд, где внимательно осмотрел университетскую Бодлеанскую библиотеку и приобрел каталог книг, чтобы послать его Петру.

В регистрационной книге Бодлеанской библиотеки есть еще два имени, относящихся к приближенным Петра. Это Петр Миллер и Лаврентий Блюментрост, создатели Российской Академии наук.

Через несколько лет эту же библиотеку посетил еще один соратник Петра, дипломат Борис Иванович Куракин. Он много путешествовал по Европе, был послом в Риме. В 1711 году,

оказавшись в Англии, он посетил колледж в Итоне, где заметил, что студенты занимаются здесь изучением современных и классических языков, но не занимаются физическими упражнениями. Затем он по примеру Петра приехал в Оксфорд и посетил Бодлеанскую библиотеку, заметив, правда, что она уступает римской.

Любопытно, что в XVIII веке центром притяжения для русских был Оксфорд, а не Кембридж. Именно в Оксфорд отправлялись учиться студенты, именно туда отправлялись ученые и дипломаты. Быть может, это было следствием поездки Петра I, выбравшего Оксфорд целью своего визита.

В период между смертью Петра и восхождением на трон Екатерины русские студенты вновь появляются в английских университетах.

В 1742 году, в царствование Елизаветы, в Кембридж были посланы на обучение двое молодых людей — барон Александр Черкасов и его брат Иван. Они провели несколько лет в Кембридже, изучая английский язык и набираясь опыта. По-видимому, Александр тяготел к гуманитарным наукам, и когда он в 1747 году вернулся в Россию, он владел пятью языками — помимо английского, греческим, латынью, французским и итальянским. В 1752 году он вновь приехал в Англию. На этот раз он направился в Эдинбург, чтобы изучать там медицину и, очевидно, добился успеха и в этой области. Оба брата окончательно вернулись в Россию только в 1756, проведя в Англии четырнадцать лет. Во времена царствования Екатерины они получили заслуженное признание и возможность применять свои знания на практике. Александр возглавил здесь Медицинскую коллегию и пытался реформировать медицинскую службу в России, а его брат дослужился до вице-адмирала.

Конечно, главной целью для многих русских студентов был Оксфорд. В период между смертью Петра и восхождением на престол Екатерины в Оксфорд были направлены три студента из Морской академии. На этот шаг Морскую академию толкала жестокая необходимость. Русский флот нуждался в квалифицированных мореходах, умеющих читать карты и другие морские документы. По этой причине в 1745 году в Лондоне оказались трое русских моряков: преподаватель

Алексей Кривов и двое кадетов — Михаил Четвериков и Петр Костюрин. Они должны были стажироваться в Англии три года. Им было положено содержание в 400 рублей в год.

Первоначально они остановились в Лондоне, где, по-видимому, занимались совершенствованием английского языка. После этого они оказались в Оксфорде, где слушали курс лекций профессора астрономии Джеймса Брэдди. В журнале занятий знаменитого астронома 1747–1749 годов сохранились имена «Кревофф» и «Челверикофф». Кривов и Четвериков получили прекрасную возможность познакомиться на этих лекциях с новейшими достижениями в области навигационной теории. Кроме того, оба они прослушали курс лекций по астрономии в Оксфорде у профессора Брэдди, который вскоре был избран почетным членом Российской академии.

После трех лет занятий студенты просили у Академии остаться еще на некоторое время, чтобы совершить поездку в Америку, но им разрешили продлить свое пребывание за границей еще только на один год, после чего они вернулись в Россию. Обучение оказалось успешным. Все они представили переводы по практической астрономии, а Четвериков, ставший к тому времени преподавателем, издал свой труд по исчислению широт, который потом неоднократно переиздавался. Вскоре студенты подготовили переводы английских книг по навигации и отправили их для проверки в Академию наук, где с ними знакомились Ломоносов и Миллер. Вернувшись в Россию в начале 50-х годов, все трое стали преподавать в Морской академии, опираясь на знания, почерпнутые в Лондоне и Оксфорде.

Реформы Петра, его личность, строительство Петербурга, победы русского флота создали новый имидж России, отличающийся от того, который господствовал в Англии в XVII веке. В Англии было написано большое количество книг о Петре и его деяниях. Одна из них принадлежит кембриджскому священнику Томасу Консетту, который приехал в Россию в 1717 году и провел здесь около десяти лет, находясь здесь в кругах, близких Петру. Она называется «Современное состояние и устройство церкви в России». Консетт издал ее в 1729 году после возвращения в Англию. В ней

поддерживаются реформы Петра, а сам он оценивается как выдающийся правитель. Петру уделяли внимание писатель Д. Дефо, журналисты Аддисон и Стиль. Д. Дефо написал целый роман из жизни Петра — «Царственная история жизни и деяний Петра Алексеевича, царя Московии» (1723). А Стиль публикует вымышленные мемуары одного английского офицера, участвовавшего в Полтавской войне.

Золотой век русско-английских научных контактов относится к периоду царствования Екатерины II. Екатерина унаследовала идею Петра о необходимости превратить Россию в великую и просвещенную державу, расширить ее территорию, усилить армию и флот. Для реализации этих задач она ориентировалась на Англию, считая, что союз с Англией является самым естественным и полезным для России. Не случайно английский посол Кэткорт писал, что под влиянием Екатерины Россия выходит из-под влияния Франции и склоняется на сторону Англии. С этим была связана вся дипломатическая политика царицы. Естественно, что все это не могло не повлиять на развитие русских научных контактов с английскими университетами. При Екатерине они намного расширились. Как пишет Э. Кросс, слабый ручеек, текущий из России в британские университеты, превращается в мощный и полноводный поток после восхождения ее на престол.

С первых шагов правления Екатерины в Англии учились Михаил Плещеев в Оксфорде, а в Глазго — Семен Десницкий и Иван Третьяков.

Плещеев долгое время служил советником русского посольства в Лондоне. Поэтому он уже хорошо знал английский и время учебы потратил на знакомство с английской литературой. В частности, он публикует свой перевод диалога Гамлета «Быть или не быть», а также еще несколько переводов, озаглавленных «Стихи, писанные одним оксфордским студентом, смотря на Локков портрет». Несомненно, Плещеев гордился тем, что был студентом Оксфорда, хотя в матрикулах колледжей его имя не значится. Быть может, он посещал лекции и занятия частным образом.

Постепенно поток набирал силу. В 1765 году Екатерина дает предписание послать в Англию десять студентов ду-

ховных семинарий, «чтобы они в университетах Оксфордском и Кембриджском могли научиться высшим наукам на пользу государства». Екатерина планировала в отдаленном будущем открыть в университете богословский факультет, и для этого ей нужны были образованные, знакомые с европейской теологией люди. Спешно были отобраны шестнадцать кандидатов, но Синод решил разбить их на три группы, чтобы отправить не только в Оксфорд, но в Лейден и Геттинген. В результате в Лондон была направлена группа только в шесть человек. Это был руководитель группы Василий Никитин, секретарь личной канцелярии Екатерины Александр Буховецкий и четверо семинаристов: Прохор Суворов, Семен Матвиевский, Михаил Быков и Алексей Левшинов. В 1766 году они прибыли в Лондон и через несколько месяцев переехали в Оксфорд.

Группе были представлены подробные инструкции, в которых значилось, как одеваться, как себя вести, какие предметы изучать и как молиться. Здесь выяснилось, что ни один из новоявленных студентов не знал английского языка, и поэтому об изучении каких-либо предметов не могло быть и речи. Два года ушло на языковую подготовку и, очевидно, все это время студенты жили по частным квартирам. Только в 1768 году студенты поступили в колледжи: Быков и Суворов — в Квинз-колледж, Матвиевский — в Мертон-колледж, Левшинов с Никитиным — в Сент-Мэри Холл.

С этого момента возникли серьезные трудности. Переход в колледж требовал денег, денег требовали одежда, портные, врачи. В результате в 1771 году общий долг составлял 1242 фунта. Это была огромная сумма, грозящая заключением в долговую тюрьму. Некоторых из русских студентов одолевали болезни, и они не могли заниматься. В результате троем из них пришлось вернуться в Россию уже через два года, так и не осилив программы. Остались Никитин, Суворов и Буховецкий, но и их одолевали кредиторы, судебные тяжбы по неоплаченным долгам.

Тем не менее, студенты изучали обширный курс предметов — историю, философию, богословие, древние языки, право, математику. Особенно выделялся своим прилежанием Никитин, который к тому же помогал профессору Томасу

Хорнсби наблюдать прохождение Венеры, за что получил в университетской прессе одобрение. В результате в 1775 году, после девятилетнего пребывания в Оксфорде, Суворов и Никитин получили магистерскую степень, хотя при голосовании на Совете университета некоторые члены Совета голосовали против. Это было результатом свойственной Оксфорду неприязни к иностранцам, хотя, с другой стороны, Никитин во время учебы заручился дружбой с математиком Джемсом Уильямсоном.

В 1755 году Суворов и Никитин вернулись в Россию. Здесь они написали по-русски и по-английски работу «Начала обычной и сферической тригонометрии» с посвящением Оксфордскому университету. Эта работа была опубликована в Лондоне в 1878 году, в том же году вышло и ее русское издание. Так что положительный результат их пребывания в Оксфорде сказался.

По возвращению на родину, оба были приписаны к Морскому кадетскому корпусу, в котором преподавали математику и экспериментальную физику, а также латынь, античную мифологию, английскую литературу. В 1783 году они были избраны в Российскую Академию наук и пожалованы орденами. И хотя Екатерина II так и не смогла создать богословский факультет из числа посланных за рубеж студентов, ее надежды на то, что такие поездки полезны, оправдались.

Во время учебы Никитина и Суворова в Оксфорде там появился еще один студент — Николай Иванович Корсаков (1749–1788). Он прибыл в Лондон в 1775 году и пробыл там два года, очевидно, для занятия языком. После этого он год проучился в Оксфорде, а затем на три месяца направился в Шотландию. В Оксфорде он слушал лекции по высшей математике и экспериментальной физике. В своем дневнике он сделал запись, в которой высоко оценивал профессоров Оксфорда Хорнсби и Уильямсона. О Хорнсби он писал как о самом тонком математике в Англии, и высоко оценивал лекции Уильямсона по астрономии. По профессии Корсаков был инженером, его интересовало в Англии строительство каналов, сталелитейные заводы, постройка мостов, изготовление оружия и т. д. Все это Корсаков тщательно зарисовывал, описывал в надежде применить это в России.

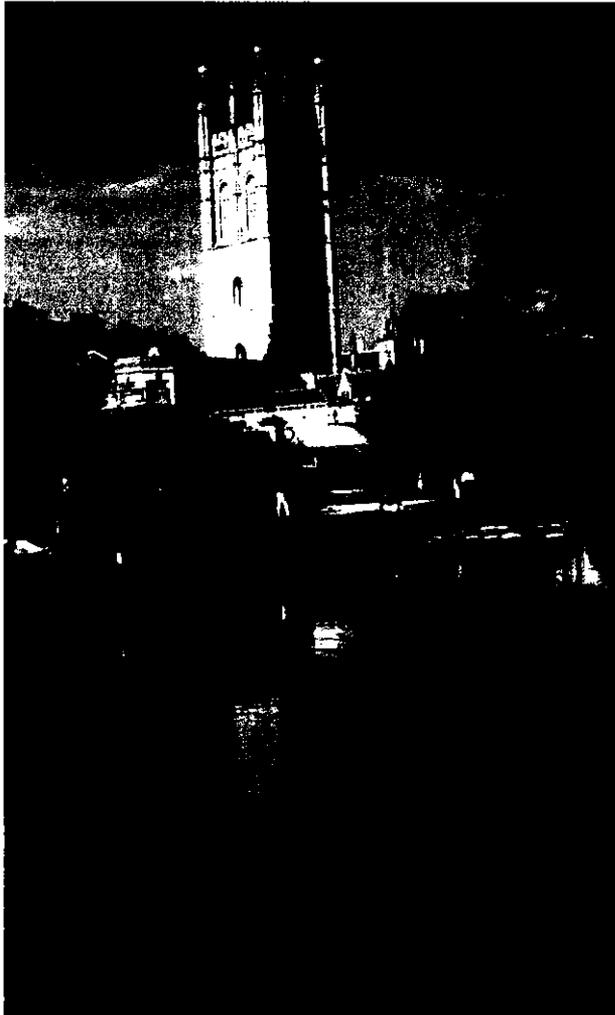

ОКСФОРДА

Здание издательства «Оксфорд Юниверсити Пресс»

«Камера Радклифа» — часть Бодлеанской библиотеки в Оксфорде

Колокольная башня Модлен-колледжа в Оксфорде

Здание музея «Эшмолиен»

«Театр Шеддона» —
здание для официальных мероприятий в Оксфорде

Ворота в парк Нью-колледжа
в Оксфорде

Вход в Бодлеанскую библиотеку со скульптурой графа Пембрука

Маргарет Бофорт — основательница колледжей Крайст и Сент-Джонс в Кембридже

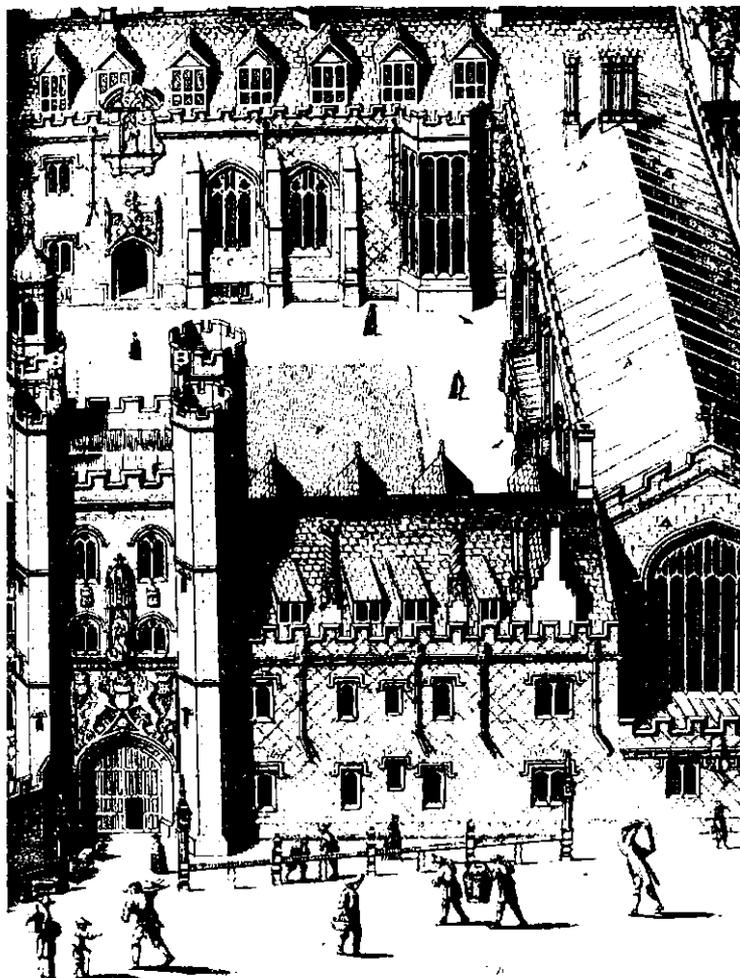
Ганс Гольбейн.
Портрет Джона Фишера, президента университета Кембриджа

Столкновение студентов и горожан (gown and town).
Гравюра из книги "Gradus ad Cantabrigiam". 1824 г.

Продавец книг Джон Николсон. Картина художника
Филипа Рейнагеля. Университетская библиотека Кембриджа

Доставка продуктов в колледж Сент-Джонс
в Кембридже

Одежда студентов и преподавателей Кембриджа. Гравюра 1690 г.

РУССКИЕ

Д. Маклиз. Петр I в Депфорде. 1698 г.

Владимир Набоков — студент Тринити-колледжа в Кембридже

Мейнард Кейнс с женой Лидией Лопуховой в загородном доме в Тилтоне

Профессор математики в Кембридже А. С. Безикович

П. А. Капица после избрания в члены
Королевского общества. 1929 г.

Элизабет Хилл — основательница
факультета славяноведения в Оксфорде

Н. М. Зернов — профессор теологии в Оксфорде

Русская студентка в Британии

Как отмечает Энтони Кросс, который посвятил Корсакову специальную работу,¹ «пожалуй, проблемы образования занимали его больше всего остального. Корсаков находил, “что науки в Англии весьма развиты, как о том знает весь свет, и наверно, в англичанах больше таланта, и среди них больше настоящих ученых, чем в любом другом народе Европы...” Его очень интересовали и английские, и шотландские университеты»².

О своей поездке в Англию Корсаков оставил дневник, написанный на французском языке. В нем дается интересное и весьма компетентное сравнение системы российского и английского образования, как оно складывалось в XVIII веке. Корсаков записывал в своем дневнике: «Вероятно, в России нет недостатка в талантливых людях для всех видов наук, но нет почти никаких средств обучать их знаниям. У нас есть только кадетский корпус для военных, а для литературы и других искусств почти нет училищ. Московский университет, где дают лишь начатки образования, нельзя даже сравнивать со школами, которые находятся в Англии, но даже если привести его в гораздо лучшее состояние, чем сейчас, все равно этого будет слишком мало для такой обширной страны, как Россия, где почти тридцать миллионов жителей, и где даже десять таких крупных университетов, как Оксфорд, едва ли удовлетворят нужды государства. Скольких образованных людей не хватает нам для министерств, для гражданских судов, для церквей! Но, глядя на теперешние наши успехи, мы поистине должны признать, что русские, должно быть, вообще наделены многими природными дарованиями, и что этот народ достоин особой милости Всевышнего, потому что мы никогда не достигли бы такого величия, как сейчас, имея соперниками на всем нашем пути такое множество цивилизованных и воинственных стран. Но в нынешнее правление нашей августейшей государыни возможно осуществление всех надежд. Она уже сделала многое, чтобы насадить науки

¹ Cross A. G. A Russian Engineer in Eighteenth-Century Britain: The Journal of N. I. Korsakov, 1776–1777 // Slavonic and East European Review, 1987. LV. P. 1–20.

² Кросс Э. Г. У темзских берегов. СПб., 1996. С. 206.

в своей империи и просветить ее народы, и она не преминет довести свой замысел до конца, основав несколько университетов в разных провинциях своих владений, дабы облегчить подданным средство снискать такую же славу ученостью, какую они уже добыли оружием»¹.

После отъезда из Оксфорда Суворова и Никитина там появляются новые студенты. Это был секретарь посольства Иван Кошелев, который слушал лекции Хорнсби по экспериментальной философии. В 1777 году в Оксфорд прибывает и Иван Комов, который оставил запись о своем посещении в Бодлеанской библиотеке.

При Екатерине русские студенты прибывают и в Кембридж. В это столетие российская аристократия посылала учиться своих детей в оба университета. Правда, Оксфорд считался более модным местом для русских аристократов, а Кембридж — менее престижным. Тем не менее, в 1771 году сюда приезжают дети знаменитых русских фамилий — Кукаркиных, Гагариных, Шереметьевых.

Во времена Екатерины Великой граф Алексей Орлов, фаворит императрицы, посылает своего незаконного сына Александра Чесменского (1763–1808) учиться в Англию под покровительство лорда Пембрука. Лорд решил, что лучшим местом для его образования является Кембридж. В 1779 году Александр приезжает в Кембридж, но не поступает в колледж, а живет в частном доме. Его берет под свою опеку священник Уильям Кокс, недавно вернувшийся из России. Кокс был членом Кингз-колледжа. Оставаясь слушателем, Чесменский совершенствует английский язык и делает успехи в математике. В 1780 году Кокс пишет, что «он всем нравится и все его хорошо принимают. Он очень старается и удивительно хорошо говорит по-английски». После Кембриджа Александр Чесменский вернулся в Россию, где посвятил себя военной карьере, добившись на этом поприще больших успехов. Выйдя в отставку, он культивировал в имении отца все английское и открыл фабрику с мастерами-англичанами.

В 1786 году в Кембридж для изучения «философии Ньютона» приезжает преподаватель математики из Кадетской

¹ Кросс Э. Г. У темзских берегов. СПб., 1996. С. 206.

морской школы Иван Иванович Гребенщиков. Он поступает вольнослушателем Крайст-колледжа, где слушал лекции Томаса Паркинсона по математике и механике. Он возвращается в 1789 году в Петербург и становится одним из ведущих преподавателей в Морской школе.

Примечательно, что при Екатерине расширилось число университетов, куда приезжали русские студенты. Помимо Оксфорда и Кембриджа, двери для русских студентов открыли университеты Шотландии — Эдинбургский, Абердинский, Глазго. В 1761 году в Англию направились на учебу два студента — Семен Десницкий и Иван Третьяков. Они должны были прибыть в Оксфорд, но российский посол князь А. М. Голиков рассудил, что гораздо дешевле им обойдется обучение в Глазго. Впрочем, дело было не только в финансовых соображениях, но и в научных достоинствах шотландских университетов. В Глазго в то время преподавал Фрэнсис Хатчисон, автор двухтомной «Системы моральной философии». После его смерти профессорский пост занял Адам Смит, готовивший к изданию свою «Теорию нравственного чувства». Медицину преподавал профессор Джозеф Блэк, а гражданское право — Джеймс Миллар. В общем, Глазго не выглядел провинциальным университетом. Тем более что в нем учились и англичане, и ирландцы. Так что, быть может, выбор был сделан правильный.

Десницкий и Третьяков были выбраны как лучшие студенты Московского университета. Десницкий до этого окончил Троице-Сергиеву лавру и университетскую гимназию, а Третьяков — местную гимназию в Твери. Английского языка они не знали, но знание латыни помогло им на первых порах общаться с преподавателями в Глазго. Главная проблема, которая встала перед русскими студентами, была финансовая. Московский университет не прислал им обещанной суммы, и поэтому совет университета Глазго решил выдавать им по 40 фунтов, пока не придут обещанные деньги. Деньги пришли, но новый советник университета сообщил, что не знает ничего о финансовых обязательствах перед этими студентами, и предложил им поскорее вернуться в Москву.

Тем не менее, Десницкий и Третьяков провели в Глазго около пяти лет. Они слушали широкий круг лекций, включая

этику, право и медицину. Основной курс они слушали у Адама Смита, совмещая римское право и британское законодательство. В результате уже в 1765 году они успешно защитили степени магистров. Несмотря на требование Московского университета вернуться, Десницкий и Третьяков решили продолжить занятия и в 1766 году представили диссертации по римскому праву. В апреле 1767 года им были присвоены звания докторов права.

В Московском университете новоявленных докторов встретили с явным недоверием и нескрываемой враждебностью. Профессура, состоявшая в основном из немцев, предлагала экзаменовать их. Третьяков согласился на экзамен по математике и с треском провалился. И поделом, ведь они изучали право. Зато Десницкому удалось продемонстрировать свои знания. Он представил свой труд «Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи». Он был передан Екатерине, и она использовала его в приложении к своему «Наказу». Таким образом, Екатерина, сама того не ведая, использовала идеи Адама Смита, которые содержались в «Представлении» Десницкого.

В дальнейшем Десницкий читал лекции по праву в Московском университете, перевел сочинение английского автора Уильяма Блэкстоуна «Истолкование Английских законов», которым заинтересовалась императрица. Он заслужил звание «отца русской юриспруденции» и в 1783 году был избран членом Российской Академии наук. В его трудах отразились передовые идеи в области правоведения, почерпнутые у Адама Смита и других шотландских ученых. Таков был результат стажировки русских ученых в Шотландии.

Следующая группа студентов, прибывших в Шотландию, остановила свой выбор на Эдинбургском университете. Это был один из старейших в Великобритании университетов, созданный вслед за Оксфордом и Кембриджем. В XVIII веке здесь преподавал цвет шотландской науки, представляющий почти все области знания: медицину, физику, биологию, математику, ботанику, историю и риторику.

Тесной связи России с Эдинбургским университетом способствовала поездка профессора физики из Глазго Джо-

на Робинсона в Россию. В 1766 году он отправился в Петербург в качестве личного секретаря адмирала Чарльза Ноусла, приглашенного Екатериной для укрепления русского флота. Через несколько лет он был приглашен в качестве профессора математики Морского кадетского корпуса в Кронштадте. В это время он получил известие об избрании в Эдинбургский университет. Возвращаясь в Шотландию, он взял с собой трех русских кадетов, которые были записаны студентами университета. Это были Степан Рачинский, Николай Беляев и Иван Шишуков. Они быстро освоили английский язык, который преподавался в кадетском корпусе. В Эдинбургском университете они слушали курсы физики, математики, а Беляев оказался еще и слушателем профессора этики Адама Фергюсона. Кадеты обучались в Эдинбурге три года, а затем вернулись в Россию и стали преподавателями английского языка в Кадетском корпусе. Один из них, Шишуков, даже издал «Словарь российско-английский», вышедший в двух томах в 1808–1811 годах.

Grand Tour Екатерины Дашковой по Англии и Шотландии

В 1766 году к студентам Эдинбургского университета присоединился еще один студент, сын княгини Екатерины Дашковой — Павел Михайлович Дашков. Это стало поводом для Дашковой дважды посетить Англию и Шотландию. Фактически Дашкова осуществила то, о чем мечтала другая англофилка, императрица Екатерина, которая не могла осуществить свою мечту ввиду своего монаршего положения. Она могла совершить только государственный визит, но не частную поездку.

Дашкова совершила по Англии грандиозное образовательное путешествие, то, что англичане называют Grand Tour. Уже в XVII веке англичане нашли для себя этот новый и эффективный метод воспитания. «Grand Tour» означает «грандиозная» поездка, «величественный», «великолепный» вояж. Термин этот возник еще в XVII веке, когда в Италию

направлялись студенты, ученые и монахи, а в последующем художники, поэты и знатоки искусства.

Это название было связано с длительным и, можно сказать, грандиозным путешествием из Англии или с Севера Европы в Италию. Грандиозной была и цель путешествия, связанная с посещением величественных памятников искусства и архитектуры эпохи Возрождения. Grand Tour отличался от простого туризма или официального визита тем, что он имел, чаще всего, *образовательные* цели и завершался литературным или художественным описанием путешествия. Именно такое путешествие входило в систему образования состоятельного англичанина, точнее, было его завершением, итогом.

К своей поездке Дашкова тщательно готовилась. Она устанавливала связи с англичанами, знакомилась с английской литературой. Ее поездке содействовали ее братья Александр и Семен Воронцовы, которые были русскими послами в Англии.

Екатерина Дашкова совершила, фактически, две поездки в Англию. Одну — в 1770, другую — в 1776 году. Первый визит Дашковой в Англию не был официальным. Более того, она путешествовала инкогнито, под именем мадам Михалковой. Из Лондона она направилась в Гилдфорд, Портсмут, Саутхэмптон, Солсбери и Бат, а оттуда через Вудсток, Оксфорд, Виндзор и Хэмптон-корт опять в Лондон. Из этих разнообразных городов она уделила внимание двум — курортному городу Бату, где собиралось общество и где можно было встретить нужных людей, и Оксфорду — ведь графиня думала о месте, где будут учиться ее дети.

Поездка в Бат тоже дала свои результаты. Английское высшее общество заговорило о ней. Хорас Уолпол, автор популярного в то время романа «Отранто», записал свое впечатление о княгине: «Я видел княгиню Дашкоф, на нее стоит посмотреть — не из-за наружности, внешне она совершенно татарка, но, несмотря на это, очень мила; у нее приятная улыбка, но в глазах поистине кошачья свирепость. Она держится необычайно открыто и непринужденно, с готовностью беседует на любые темы, легко и без педантизма, отличается смышленостью и живостью характера. Она немного говорит

по-английски и неплохо понимает; более привычен для нее французский, и она знает также латынь». И завершает он свой портрет Дашковой заключением: «Она весьма незаурядная особа». Нет сомнения, о лучшем имидже Дашкова и не могла мечтать.

Вторая поездка Дашковой относится к 1776 году, когда она привозит своего сына для поступления в Эдинбургский университет. В письме ректору университета Уильяму Робертсону она наметила программу, которую ее сын должен бы освоить в течение двух лет:

1-й семестр: языки, риторика, изящная словесность, история и основы государственного управления, математика, логика.

2-й семестр: языки, риторика, история и государственное управление, математика, рационалистическая философия, экспериментальная физика, фортификация, рисование.

3-й семестр: изящная словесность, история и государственное управление, фортификация, естественное и публичное право всеобщее и опытное, математика, физика и естественная история, рисование.

4-й семестр: этика, математика, фортификация, права человека всеобщие и позитивные, основы юриспруденции, гражданская архитектура.

5-й семестр: этика, повторение физики, начала химии, затем общее повторение и логика.

К этому добавлялось фехтование, верховая езда и занятия танцами, для чего Дашкова постоянно устраивала у себя балы.

Эта обширная и честолюбивая программа могла бы поразить воображение даже гуманистов Возрождения, стремившихся к воспитанию «универсального человека». Сомнительно, что молодой князь был в состоянии осилить ее целиком. Но он был прилежным учеником, старательным и вежливым, хотя и «не хватал звезд с неба». Павел записался на курс профессора Блэра, Робинсона, Фергюсона и старался приобрести познания во многих дисциплинах, даже и в химии.

В марте 1779 года князь подвергся публичным испытаниям, которые, если верить Дашковой, блестяще выдержал

и даже вызывал у публики аплодисменты своими ответами. Тем самым он стал магистром гуманитарных наук. Мэр города Эдинбурга сделал его почетным гражданином города.

Перед тем как покинуть Эдинбург, Дашкова подарила университету коллекцию российских медалей, которая и до сих пор сохраняется там. В 1782 году семья Дашковых вернулась в Россию, и Екатерина Дашкова, вернув хорошие отношения с императрицей, была назначена президентом Российской академии. Учителя сына не были забыты, профессора Робертсон и Джозеф Блэк были избраны почетными членами академии. Что касается сына, то, несмотря на то, что он тоже был избран членом Королевского общества, он не оправдал честолюбивых надежд своей матери. Он попал в фавориты Екатерины II, женился на провинциальной женщине из Украины, дослужился до генеральского звания, попал в опалу при царе Александре и внезапно умер в возрасте сорока трех лет.

Помимо опеки над своим сыном, Дашкова помогала и другим русским студентам, приехавшим в Эдинбург. В числе студентов, учившихся вместе с Павлом Дашковым, был Иван Шешковский, сын начальника Тайной экспедиции Екатерины II. Он пробыл в Эдинбурге три года, но на занятия не ходил, промотал все деньги, отпущенные на учебу и, в конце концов, попал в долговую тюрьму. Из этого мрачного места он писал слезные письма с просьбой об освобождении. После освобождения он в 1780 году немедленно вернулся в Россию, где его следы затерялись.

Более достойной оказалась стажировка Ефставия Зверева, который попал в Англию в 1776 году с группой агрономов. Но Зверев решил заняться любимой профессией — медициной, и для этого перебрался в Эдинбург. Лишенный финансовой поддержки из России, он испытывал невероятные лишения, пока Дашкова не взяла его в свой дом и не предоставила ему сносное существование. Зверев прослушал курс лекций в Эдинбургской медицинской школе. В 1779 году он получил без экзаменов степень доктора медицины в университете Сент-Эндрю. В России Зверев получил медицинскую практику и три года был директором Медицинской канцелярии в Петербурге, пока не переехал в Николаев, а затем в Кишинев.

Без поддержки Екатерины Дашковой он вряд ли бы смог получить медицинское образование в Эдинбурге.

Хотя ее главным интересом было образование, Дашкова посещала литературные салоны Англии и Шотландии, встречалась с поэтами и писателями. Дашкова переписывалась со многими англичанами, касаясь в своих письмах вопросов литературы, поэзии, театра. Примечательно, что знаменитый актер Гаррик писал ей: «Я боюсь, что сбудется пророчество одного из наших поэтов о том, что Россия будет наставницей в искусстве для британских островов». Это пророчество сбылось менее чем через сто лет. В середине XIX века русская литература станет предметом самого пристального внимания англичан.

Самым важным итогом путешествия Екатерины Дашковой в Англию и Шотландию было не столько воспитание сына, которого она слишком опекала и, как показала жизнь, сделала довольно безвольным существом с определенными комплексами, сколько ее дневники обоих путешествий. Это были первые в России путевые очерки по Англии, в которых она дала описания различных сторон английской жизни, различных городов, различных слоев общества, включая и систему университетского образования Эдинбургского и Оксфордского университетов.

О своей поездке Дашкова написала воспоминания «Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым Аглинским провинциям». В них она не скрывает своего восторга относительно увиденного. «Англия мне более других государств понравилась. Правление их, воспитание, публичная и приватная их жизнь, механика, строение и сады, все занимает от устройства первого, и превосходит усильственные опыты других народов в подобных предприятиях»¹.

Описывая свое путешествие по стране из Эдинбурга до Лондона, Дашкова подробно рассказывает о своем посещении Оксфорда, где она встречалась с шестью русскими студентами, которые обучались в то время в университете. Она посещает колледжи Крайст Чёрч, Тринити, Олл Соулз. Она насчитывает здесь 19 колледжей, называя их коллегиями. «Все коллегии

¹ Русские писатели об Англии. 1646–1945 / Сост. О. Казнина, А. Николоюкин. М., 2001. С. 31.

независимы одна от другой, и доходы каждая имеет особливые, установленные разными частными людьми; при каждой из оных несколько профессоров и чиновных людей и не менее ста студентов. Таковых коллегий девятнадцать. Они все вместе составляют славный Университет Оксфордской...»¹

Кроме этого Дашкова посетила музей Эшмолиен, в котором она находит всего несколько картин, но зато большое собрание окаменелости, животных, «как в спиртах, так и в чучелах». Посещает она и Кларендон, где располагалось университетское издательство, знаменитую Бодлеанскую библиотеку, где знакомится с русскими рукописями. Причем Дашкова подробно описывает стиль и историю каждого знания, проявляя огромный любознательный интерес. В целом Дашкова превратила свою частную поездку с образовательными целями в своеобразное посольство с широкими исследованиями в области культуры Англии и Шотландии, включая сюда архитектуру, литературу, живопись. Несомненно, эта поездка была самым крупным событием в русско-британских культурных связях XVIII века.

Русские медики в Эдинбурге

Эдинбургская медицинская школа имела в XVIII веке международную славу. Туда приезжали на учебу студенты из Европы и Америки. Если в 1750 году в ней насчитывалось всего 60 человек, то к 1800 году их численность возросла до 600 человек. Здесь преподавали выдающиеся теоретики медицины. Поэтому русские студенты стремились сюда на учебу.

Одним из них был Андрей Яковлевич Италинский, который учился первоначально в Лейдене. Получив в 1774 году степень по медицине, он приехал завершать свое медицинское образование в Шотландию. Доктор медицины Сайлас Невилл называл его «весьма разумным и хорошим человеком, который говорит на 5 или 6 языках и знает очень много в медицине. Правда, дальнейшая его судьба была связана не с меди-

¹ Русские писатели об Англии. 1646–1945. С. 41.

циной, а с дипломатией. Он стал русским послом в Неаполе, а затем в Константинополе. Его связь с английскими учеными завершилась избранием в Королевское общество в 1814 году.

Общество естественной истории избрало в качестве президента Юрия Бахметьева, который после образования в Московском университете четыре года провел в Лондоне, а в 1780 году отправился в Эдинбург. Здесь Бахметев работал над диссертацией, посвященной оспопрививанию. В 1786 году он, защитив диссертацию, получил степень магистра университета Сент-Эндрю, а затем был избран членом Королевского общества врачей.

В Шотландию приехал учиться и Данило Писчеков (1758–1825). В молодости он изучал медицину и служил в Санкт-Петербургском адмиралтейском госпитале. В 1782 году, после пребывания в Стокгольме, он приехал в Эдинбургскую медицинскую школу. Через два года он получает степень доктора медицины в Абердинском университете, защитив диссертацию на тему о чесотке. Он предлагал лечить эту болезнь растительными эссенциями. Эта идея была поддержана английскими врачами и получила широкое распространение.

По возвращении из Эдинбурга Писчекова назначили профессором агрономии, к которой он не испытывал никакой склонности. Выйдя в отставку, он в 1790 издал «Карманный учебник», используя со своими добавлениями книгу Джона Эллиотта на эту тему. Следующей его публикацией была книга о лечении цинги, которая получила одобрение Медицинской коллегии.

Таким образом, Эдинбургская медицинская школа способствовала развитию в России не только теоретической, но и практической медицины.

Образовательные одиссеи российских художников в Англии

Большую роль в художественной жизни Англии сыграла Королевская академия художеств, которая, помимо всего прочего, была своеобразным художественным универси-

тетом. В ее художественной школе получило образование множество художников, включая и русских. Академия была основана в 1768 году в Лондоне специальным указом короля Георга III. В короткое время она превратилась в центр художественной и преподавательской деятельности. Проект такой академии разработала группа художников, близкая ко двору. В их числе был приехавший из США художник Бенджамен Уэст, англичанин Мозер, гравер и королевский библиотекарь Ричард Далтон. В результате 10 декабря 1768 года король Георг III подписал «Акт об основании», который положил начало Королевской академии художеств.

Как было записано в этом документе, главной целью академии должно было стать создание «общества поощрения живописного искусства», причем сам король объявлял себя «патроном, защитником и союзником» академии. Он даже дал указание оплачивать издержки академии из личных королевских фондов, но это указание исполнялось всего несколько лет.

«Акт об основании» содержал 27 пунктов, в которых детально описывались структура и функции будущей Академии. В нем говорилось: «Академия должна состоять не более чем из сорока членов, которые должны называться членами Королевской академии. Ко времени избрания все они должны быть людьми искусства, то есть живописцами, скульпторами или архитекторами, людьми благородных моральных качеств, высокой профессиональной репутации. Их возраст должен быть не менее 25 лет, они должны быть жителями Великобритании и не состоять членами других художественных организаций Лондона»¹.

Первых 36 академиков король назначал своим актом. Среди них были Джошуа Рейнольдс, Томас и Пол Сэндби, Бенджамен Уэст, Томас Гейнсборо, Эдвард Пенни, Фрэнсис Зикарелли, Джордж Дэнс, Анджелика Кауфманн, Френсис Хейман и другие. В дальнейшем вакантные места предполагалось заполнять путем выборов, в которых должны принимать участие все члены Академии. Чтобы удостовериться свой

¹ Abstract of the Constitution and Laws of the London Academy of Arts. London, 1909.

профессиональный уровень, каждый кандидат должен был представлять на суд Совета академии хотя бы одно свое произведение. В свою очередь, каждый вновь избранный академик должен был приносить в дар Академии какое-либо изделие из серебра, что в течение десятилетий создало довольно солидную коллекцию серебряных украшений.

Деятельность Академии должна была осуществляться Советом, избираемым на два года в количестве 8 членов. Из числа Совета избирались четыре руководящих лица — президент, который должен был осуществлять общее руководство Академией и ежегодно выступать с речью перед ее членами, секретарь, который должен был заниматься перепиской, регистрацией постановлений Совета, организацией выставок и каталогов. Тайным голосованием избирался смотритель, который должен был отвечать за занятия в художественной школе. И, наконец, четвертым руководящим лицом в Академии должен был быть казначей, в обязанности которого входили регистрация всех расходов и доходов и вообще все дела, связанные с финансами.

Хотя все изменения в уставе и назначение руководящих лиц должны были утверждаться самим королем, Академия обладала достаточными самостоятельными правами, решая спорные вопросы на общем собрании членов. Поскольку финансовая поддержка со стороны королевской власти оказалась кратковременной, Королевская академия оказалась первой художественной организацией с финансовым и административным самоуправлением.

Одной из главных задач Академии было создание художественной школы, отбор наиболее одаренных студентов и преподавание широкого круга художественных дисциплин. Среди преподаваемых предметов были рисунок, теория перспективы, анатомия и архитектура. Позднее к ним прибавилось преподавание древней истории, литературы, юриспруденции, истории древностей.

Другая сфера деятельности Академии была связана с организацией выставок. Ежегодно в помещении Академии должны были выставляться работы студентов и членов Академии. Последние могли представлять не более шести произведений, тогда как другим участникам разрешалось выстав-

лять не более трех. Все академики, пока они не достигали 60-летнего возраста, должны были представлять на ежегодную выставку хотя бы одну работу, иначе они должны были платить штраф в пять фунтов. Начиная с 1769 года, Академия вот уже более 200 лет ежегодно проводит свои выставки.

Уже первая выставка работ Королевской академии была успешной. На ней было выставлено 136 работ, среди которых были полотна Рейнольдса, Гейнсборо, Уэста, Пола и Томаса Сэндби. Академик Джордж Дэнс не представил ни одной работы и был первым нарушителем регламента, оштрафованным на 5 фунтов.

В последующем число выставок Академии постоянно росло, так что приходилось отбирать наиболее представительные работы. Уже в 1779 году на академической выставке было представлено 4000 работ, в 1795 году — 886, в 1800 году — 1100.

Первым президентом Академии, ее основателем, руководителем и теоретиком стал Джошуа Рейнольдс (1723–1792). Он начал свою деятельность с набора преподавателей художественной школы. Первым профессором живописи стал Эдвард Пенни, перспективы — Сэмюел Уэйл, архитектуры — Томас Сэндби. Особую популярность имели лекции по анатомии Уильяма Хантера, который демонстрировал на своих занятиях не только живую модель, но и анатомированные трупы повешенных преступников. На занятия живописью приглашались натурщики, хотя для рисования женской обнаженной натуры допускались лишь те студенты, которым исполнилось 20 лет.

К концу 1769 года в Академии было уже 77 студентов, из них 35 занимались живописью, 10 — скульптурой, 3 — архитектурой, 4 — резьбой и 25 не имели никакой определенной специализации. Занятия были бесплатными, и студенты были полны энтузиазма. Ежегодные выставки позволяли им демонстрировать свои достижения в области мастерства, тем более что лучшие работы отмечались золотыми и серебряными медалями.

Можно считать, что президентство Рейнольдса было удачным. Он оставался президентом чуть ли не четверть века, до самой своей смерти в 1792 году. Рейнольдс проис-

ходил из состоятельной семьи. Его отец был преподавателем престижного колледжа Бэлиолл в Оксфорде, возглавлял здесь грамматическую школу. С 1739 по 1743 годы Джошуа занимался в мастерской Томаса Хадсона. У него он научился писать сентиментальные портреты детей или молодых девушек, держащих в руках цветы или играющих с барашками. В 1749 году он совершает образовательную поездку в Италию, где знакомится с произведениями великих итальянских мастеров, которым он стремился подражать в своем творчестве. Вернувшись в Лондон, Рейнольдс избирается президентом Академии. Согласно установившейся традиции, Рейнольдс выступал с ежегодными речами перед всем составом Академии. Всего с 1769 по 1790 годы он прочел 15 речей сначала ежегодно, а затем раз в два года. Позднее они были изданы отдельно под названием «Рассуждения об искусстве». Несмотря на то, что они читались на протяжении 20 лет, они отличаются литературным и идейным единством. В целом они представляют документ, выражающий эстетическую и художественную программу Академии, направления ее деятельности, принципы образования.

Членами академии становились не только английские художники, но и многие художники из других стран — Америки, Швейцарии, Германии. Постепенно устанавливались контакты Королевской академии с Российской академией художеств. Созданная в 1758 году по предложению Ивана Шувалова, эта академия, как и другие европейские академии, имела практику посылать на стажировку лучших учеников. По этому поводу в уставе академии было записано:

«Академии разрешается также посылать за границу каждые три года для дальнейшего совершенствования их искусства двенадцать художников, удостоенных наград, и передавать их под опеку русского посла в месте их пребывания, с тем, чтобы он рекомендовал их лицам, способным содействовать им в их начинаниях.

Этим художникам вменяется в обязанность вести и передавать в Академию журнал своих занятий и приобретений, и информировать Академию раз в четыре месяца о своем местопребывании, занятиях, и о предметах, наиболее их заинтересовавших, В конце срока, назначенного для

их путешествий, они должны прислать в Академию одно из своих произведений, после чего смогут получить сумму на покрытие расходов на обратный путь, и такой же патент, как упоминавшийся выше, на право заниматься своим ремеслом».

Первые русские пенсионеры из Академии художеств направились во Францию. В 1760 году туда поехали художник А. П. Лосенко и архитектор В. И. Баженов. К ним вскоре присоединился скульптор Ф. И. Шубин. Со временем главным местом для совершенствования художественного образования стала Италия, где образовалась колония русских художников. Но Италия не была единственным местом, куда приезжали русские художники в образовательных целях. Англия тоже была страной, куда Российская академия художеств посылала своих художников для приобретения опыта. Соответственным образом, и английские художники, выпускники Британской академии художеств, посещали Россию и получали возможность здесь работать.

В Англию на обучение в Британскую академию были посланы Г. И. Скородумов (1755–1792) и М. И. Бельский (1753–1794). Оба они в 1772 году закончили с золотыми медалями свое образование в Академии и получили право на трехлетнюю стажировку. Речь шла о поездке в Париж или Италию. Но поскольку Скородумов занимался гравюрой, руководство Академии изменило привычные планы и направило молодых художников в Англию. В 1773 году оба они прибывают в Лондон и становятся студентами Британской академии художеств. Их стажировка продолжалась два года. Судя по отчетам Скородумова, он усердно занимался не только гравированием, но и рисованием с натуры. Очевидно, русские художники хорошо прижились в классах Академии. Поэтому, когда из Российской академии пришло распоряжение переехать для продолжения занятий в Париж, Скородумов категорически отказался, ссылаясь на ревматизм. Но в отчете 1777 года совершенно отчетливо были им высказаны другие мотивы — его желание остаться в Лондоне. «Наилучшие граверы в Европе находятся в Лондоне, а именно Ф. Бартолоцци для исторического рода, Воллет для ландшафтов, так же и Виварес и несколько прочих искусных мастеров в этом роде

художества, работы которых находятся во всех государствах. Для живописи господин де Лоутребург наилучший в Европе пейзажист и баталист; госпожа Анжелика Кауфман в историческом роде чрезвычайно искусная женщина. Славный королевский портретный живописец шевалье Рейнольдс, господин Уэст, господин Мортимер, Дэнс и Чиприане — лучшие английские художники. Здесь художества процветают, а художники в великом почтении и одобряют их чрезвычайно. Английские господа великие любители и имеют у себя кабинеты, наполненные древних мастеров работами. Кроме Королевской академии, великое множество школ, где обучают рисовать и прочим художествам»¹.

Это письмо наглядно демонстрирует, что Скородумов хорошо разбирался в составе Королевской академии и достаточно точно характеризовал атмосферу, царящую в ней: «здесь художества процветают». Скородумов следовал в своей технике пунктирной гравюры за стилем итальянского гравера Франческо Бартолоцци. Используя эту технику, он сделал большое количество гравированных копий Анжелики Кауфман, швейцарской художницы, обосновавшейся в Лондоне. Ее работы представляют образец классицизма, основанного на классической мифологии, с широким применением аллегории и символики. Скородумов сделал около пятидесяти копий с ее картин, также с картин Рейнольдса, Уэста, Гвидо Рени и других. Его работы были отмечены положительными рецензиями, в них отмечались «яркость и законченность». В результате у него появилось большое количество заказов, как от английских, так и от русских любителей живописи. Его посетила даже княгиня Дашкова, которая заказала ему свой семейный портрет.

Несмотря на то, что срок его пенсионерства закончился в 1777 году, Скородумов не собирался возвращаться в Россию. Его положение в Лондоне было прочным и он, несомненно, добился большого успеха в своей работе. Для отчета о своем пенсионерстве Скородумов собрал ряд своих гравюр в виде альбома и послал его Екатерине. Очевидно, императрице

¹ Приводится по изданию: *Трубников А. А. Гравер Скородумов, пенсионер Академии // Русский библиофил. 1916. № 3. С. 81.*

его работы понравились. Не случайно в 1782 году его пригласили на очень хороших условиях, с окладом 1200 рублей в год, приехать в Петербург для изготовления гравюр с картин Эрмитажа. От этого предложения Скородумов не смог отказаться и в 1782 году он вернулся на родину. С собой он вез мастерство и опыт, приобретенный в Англии, а также английскую жену Мэри, которая сама занималась искусством и была хорошей помощницей художнику.

Хотя Скородумов был принят в члены Академии художеств через несколько лет, в 1785 году, в России его карьера оказалась менее успешной, чем в Англии. Очевидно, Екатерина предъявляла художнику свои определенные требования, что ограничивало его творческую работу. В Петербурге Скородумов сделал немного: он выполнил несколько гравированных портретов вельмож, а задуманные им несколько живописных полотен оказались незавершенными ввиду скоропостижной смерти художника. Он прожил всего 47 лет. Но в целом его судьба как художника показала, что первый опыт сотрудничества Российской и Королевской академий оказался успешным. За время пребывания в Лондоне Скородумов превратился в художника с международной известностью, быть может, даже более известного за рубежом, чем у себя на родине. Что касается товарища Скородумова по пенсионерству Михаила Бельского, то он, подчинившись предписанию Академии, покинул Англию в 1776 году и переехал в Париж, где учился у известного художника Греза. В 1787 году его избирают в Российскую академию, и он пишет несколько портретов, в том числе президента Академии И. И. Бецкого.

Скородумов и Бельский не были единственными русскими стажерами в Королевской академии художеств в XVIII веке. В 1774 году в Лондон приезжает художник Филитер Степанов (Fileter Stephanoff — так транскрибируют его имя в Англии). О нем как о художнике известно только из английских источников. Сомнительно, что он был пенсионером Российской академии. Во всяком случае, в документах этой академии он не значится. По одной из версий, он был простым крепостным, который сбежал от своего хозяина и решил остаться в Англии на всю жизнь. В 1778–1781 годах

он учится в школе Королевской академии художеств, получая уроки графического искусства у Франческо Бартолоцци, у которого учился и Скородумов. Очевидно, Степанов испытывал нужду и вынужден был заниматься раскрашиванием потолков, декораций для цирков и другими декорационными работами. «Словарь художников английской школы» Самюэля Редгрейва сообщает, что в 1790 году Филитер Степанов покончил жизнь самоубийством. О причинах этого трагического события нет никаких сведений. Во всяком случае, в словаре на этот счет не высказывается никакого мнения. Но если Степанов не оставил после себя большого художественного наследия, то он оставил Англии самое ценное, что у него было — свою семью, и как мы знаем, все ее члены занимались искусством.

Степанов был женат на англичанке Гертруде, которая тоже была художницей, рисовала цветы и выставлялась в Академии в 1805 и 1806 годах. Ее дочь унаследовала профессию матери и также рисовала цветы. Двое сыновей Степанова стали профессиональными художниками, хотя они уже не были связаны с Россией, и от нее у них осталось только несколько экзотическое для Англии имя. Френсис Филип Степанов родился в 1788 году в Лондоне и стал хорошим акварелистом. Его работы «The Poor Relation», «Reconciliation» — были в свое время популярными. В 1841 году он стал членом Королевской Академии художеств. Френсису было поручено изготовление серии костюмов для коронации Георга IV (эти работы сохранились в Кенсингтонском музее). Он также много работал в области книжной иллюстрации. Френсис прожил долгую жизнь и умер в 1860 году.

Старший сын Джеймс родился в 1787 году. Он также учился в Королевской академии художеств, но бросил ее, окончив курса. Тем не менее, он сделал успешную художественную карьеру. Джеймс был членом Общества акварелистов и одним из основоположников Общества рисунка. Он занимался декорированием Палаты общин и изображением таких важных событий, как выход или коронация королевы. Он иллюстрировал несколько книг, посвященных придворным церемониям. В Иельской коллекции английского искусства Пола Меллона находится картина Джеймса на шекспи-

ровскую тему «Фальстаф у волшебного дуба Херна». Умер Джеймс в Бристоле в 1874 году.

Таким образом, вся семья Степановых внесла известный вклад в развитие английского искусства. И это не был единственный случай прямого участия русского художника в художественной жизни Великобритании. Но приезд Степанова в Англию был, очевидно, скорее актом личной инициативы, чем результатом межакадемических контактов.

С Англией связана судьба еще одного семейства художников, на этот раз связанных с садовой архитектурой. Это были Василий Иванович Неелов (1722–1782) и его двое сыновей — Петр и Илья. Их художественная одиссея была связана с эволюцией художественных вкусов Екатерины, которые все более и более устранились от французского рационализма, подчиняющего природу геометрии, и ориентировались на художественный опыт Англии. Об этом она сама признавалась в письме к Вольтеру в 1772 году: «Я страстно теперь люблю сады в английском вкусе, кривые линии, скаты, пруды в форме озер, архипелаги на твердой земле, и глубоко презираю прямые линии и аллеи с бордюрами. Ненавижу фонтаны, которые мучат воду, давая ей течение, противное ее природе; статуи сосланы в галереи, в передние и т. п.; словом, англomania преобладает в моей плантомании». Екатерина распорядилась разбить английский парк в Царском Селе. Но ее английские увлечения требовали точного знания английской парковой эстетики. Для этого она посылает в Англию Василия Неелова и его старшего сына Петра.

Василий Неелов пробыл в Англии всего шесть месяцев. После этого он возвращается на родину, оставляя в Англии для занятий парковой архитектурой своего сына Петра. Неизвестно, какие английские парки мог посетить Василий Неелов за полгода. Во всяком случае, у него были большие возможности увидеть многое. По возвращению он вспоминает Никитина, инспектора русских студентов в Оксфорде. Это позволяет предположить, что он посещал Оксфорд. И он мог бы увидеть хотя бы парки близ Лондона: Хэмптон-корт, Виндзор или Кью.

По возвращению на родину, Василий Неелов построил в Царском Селе многое в английском стиле, который так нра-

вился Екатерине. В этих начинаниях ему помогал младший сын Илья, который, кончив Академию, стажировался в Риме. Старший же сын Петр влюбился в английскую леди и не собирался возвращаться на родину. Тем не менее, его имя появляется в документах 1794 года, в которых он назначается архитектором в Царское Село.

Таким образом, семья Нееловых сделала многое для изучения опыта английской парковой архитектуры и его использования на русской почве.

Итог русскому восприятию Англии в XVIII веке подводит русский историк Н. М. Карамзин. В 1790 году он побывал в Англии, о чем подробно рассказал в «Письмах русского путешественника». Это блестящее описание в стиле путевых очерков, живое, наблюдательное, лишенное традиционного для подобного рода литературы описания бытовых деталей. Карамзин подробно описывает Лондон и совершает поездку вдоль Темзы, посещая королевские владения — дворцы Виндзора, Кью, Хэмптон-корта. Главное, что делает привлекательным описание Англии Карамзиным, — это постоянное стремление оценить английский характер. Быть может, нельзя во всем согласиться с Карамзиным, когда он называет англичан слишком серьезными и даже угрюмыми, и критически относится к британскому чувству юмора, предпочитая его французской «веселости». «Взглядывал и на англичан, которых лица можно разделить на три рода: на угрюмые, добродушные и зверские. Клянусь вам, что нигде не случилось мне видеть столько последних, как здесь. Я уверился, что Гогард писал с натуры». Это критическое замечание об английском характере не помешало Карамзину высоко оценить английское «просвещение», любовь к родине, уважение к знаниям и образованию. Писатель увидел в Англии много верного и характерного. К сожалению, он не добрался ни до Оксфорда, ни до Кембриджа, поэтому, в отличие от Дашковой, не был знаком с британской системой высшего образования. Тем не менее, его книга — одна из лучших русских описаний путешествия в стиле Grand Tour.

Можно сказать, что в XVIII веке Россия и Британия много узнали друг о друге. Дипломатические отношения, путевые очерки, учеба в университетах позволяли русским лучше

узнать культуру Британии и установить с этой страной прочные контакты.

Главным итогом развития русско-английских отношений в XVIII веке можно считать распространение английского языка, который был необходимым ключом для понимания и освоения британской культуры во всем ее многообразии. По этому поводу Энтони Кросс пишет: «Английский язык никогда не был широко распространен в России в XVIII веке и уступал первенство сначала немецкому, а потом, при Екатерине, французскому. Французский язык и культура царили в высшем свете еще долго, но и медленное внедрение английского языка также не лишено интереса и значения... Помимо собственно британской колонии в России, в течение всего столетия главным хранилищем английского языка был русский флот. Морской кадетский корпус сначала в Петербурге, а потом в Кронштадте, был одним из немногих учебных заведений, где преподавали английский язык и в различное время там работали люди, ездившие в Англию. Суворов и Никитин, выпускники Оксфорда, преподавали английский и другие предметы в Кронштадте. В корпусе были и учителя других предметов, посетившие Англию, — Кривов и Четвериков при Елизавете Петровне, Гребенщиков в конце столетия, после Кембриджа. В 90-е годы с Кронштадтом как с оплотом английского языка соперничал Николаев — там кадетов Морской школы учил английскому Суворов... После флотских учреждений единственным крупным центром, где преподавался английский, был Московский университет, и здесь снова преподавание вел русский, побывавший в Англии, — Десницкий. В 1784 году курс английского языка и литературы перешел к англичанину Джону Бейли, который за три года до этого отрабатывал английское произношение Данилы Писчекова, собиравшегося ехать в Эдинбургский университет»¹.

Свободное знание английского языка открывало двери не только в английские университеты. Кроме этого, оно способствовало переводу английских книг на русский язык, что, в свою очередь, непосредственным образом влияло на рус-

¹ Кросс Э. У темзских берегов. С. 295–296.

скую художественную и научную литературу. Происходило знакомство с английским сельским хозяйством, индустрией, медициной, кораблестроительством. Английский опыт все глубже входил в культуру и жизнь России. Поэтому, как пишет Э. Кросс, в век Екатерины речь шла уже о цветении, а не корнях, и не о широко распространенной англomanии, а об англофильстве, в значительной мере проистекавшем из личного опыта людей¹.

Русские в Англии в XIX веке

В XIX веке продолжались те процессы в русско-английских культурных связях, которые наметились в прошлом столетии. Но вместе с тем многое и изменилось, в особенности в формах и средствах общения. Этот век явился временем открытия для Англии русской культуры, в особенности русской литературы. В соответствии с этим, в Кембридж и Оксфорд стали приезжать не мореходы и математики, а русские писатели и деятели культуры. Они не поступали в университеты, не записывались в колледжи, не слушали лекции о писательском мастерстве. Да и лекций таких в то время еще не существовало. Но писателям нужен был литературный опыт, встречи с коллегами. Поэтому многие деятели русской культуры отправились в Оксбридж в Grand Tour.

В XIX веке в Англии побывало большое количество писателей, описавших опыт своего посещения. В 1814–1815 году в Англии побывал П. П. Свиньин, опубликовавший очерк лондонской жизни в журнале «Сын Отечества».

В 1823 году в Англии побывал П. Я. Чаадаев. Замечания об Англии и англичанах вошли в его философические письма. В это время в Англии начала формироваться русская политическая эмиграция. Участник декабристского восстания Н. И. Тургенев прожил в Англии с 1826 по 1833 год, и его заметки об Англии появились в статье «Сопоставление Англии и Франции» (1819). Его брат А. И. Тургенев приезжал

¹ Кросс Э. У темзских берегов. С. 299.

в Англию навестить брата и тоже написал заметки о стране. А. И. Герцен (1812–1870) жил в Лондоне как политический эмигрант и издавал здесь журнал «Колокол». В эмиграции находился и Михаил Бакунин (1814–1876), и теоретик анархизма, геолог и географ Петр Кропоткин (1842–1921), который, после заключения в Петропавловской крепости, в 1876 году эмигрировал за границу и провел там без малого 40 лет. Только в 1917 году он вернулся в Россию и поселился в г. Дмитрове Московской области¹. Это было начало процесса, который бурно распространился в начале XX века после Февральской революции. Политические эмигранты, к которым относились выдающиеся мыслители, могли наблюдать Англию изнутри и информировать о ее событиях русскую публику.

Высокую оценку английской культуре и ее традициям дал славянофил А. С. Хомяков в своих «Письмах об Англии». В них он весьма компетентно пишет о системе образования в Оксфорде и Кембридже и сравнивает Оксфорд с Венецией: «Все великие рассадники в Англии восходят до глубокой древности: оба университета, Кембридж и Оксфорд, были свидетелями почти всей истории английской, в особенности же Оксфордский, которого начало едва ли не связывало с учреждениями саксонской эпохи. Их отдельная и строгая организация, их совершенная независимость от временных перемен, их самостоятельность, основанная на предании и хранящая предание, служат постоянным оплотом духу исторической жизни против произвола личного рационализма. Кому неизвестно, что Англия не уступает почти никакой стране в отдельных отраслях наук, а в общности их превосходит все остальные земли Европы?... Наука цветет свободно в Англии, но она не ведет к раздору с жизнью. Я тебе не стану рассказывать о плане преподавания: он не важен, важен общий характер самых коллегий и университетов. Сперва поражает тебя величие и архитектурная роскошь, потом та глубокая тишина, которая их окружает... Ничто не может сравниться с величавою тишиною университетских городов.

¹ *Тюрин С. П.* Отъезд П. А. Кропоткина из Англии в Россию и его письма // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1924. № 4. С. 216–238.

В тихий летний день, когда садящееся солнце освещает румяным светом все двадцать две коллегии старого Оксфорда с их готическими стрелками, с их стрельчатыми окнами и прозрачными аркадами, когда длинные тени старых дубов и каштанов ложатся на зеленые лужайки парка, и стада оленей резвятся по освещенному лугу и по теням, и сами мелькают как тени и доверчиво подбегают к университетским зданиям и келиям студентов, — тогда, поверь мне, Оксфорд волшебнее самой Венеции. В Венеции роскошь и нега; над Оксфордом носится какая-то строгая и светлая дума»¹.

Самый известный из русских писателей, побывавших в Англии и ее университетских центрах, был Иван Тургенев. В первый раз он приезжает в Кембридж в 1871 году в сопровождении переводчика его произведений Уильяма Рэлстона. Очевидно, Тургенев был так поражен существованием в Кембридже традиционного, устойчивого уклада жизни, что он, по свидетельству Рэлстона, произнес символическую фразу: «Теперь я понимаю, почему англичане не боятся революции». В 1878 году Тургенев вновь посещает Кембридж. В его честь в колледже Тринити-холл был организован прием, на котором он познакомился со многими кембриджскими донами, включая Генри Сидгвика и его жену, суфражистку Миллисент. Тургенев посещает также женский колледж Ньюэем. Правда, несмотря на устроенное ему паблисити, Тургенев не получил почетной степени доктора по литературе в Кембридже, его опередил Оксфорд, который избрал Тургенева почетным доктором в 1879 году.

С другой стороны, внимание русской публики, наконец, привлекла деятельность Королевской академии художеств. В 1823 году в русском журнале «Вестник Европы» (№ 15) появилась анонимная статья «О художествах в Англии», в которой рассказывалось об обосновании Академии и ее истории. Контакты между художниками России и Англии продолжали развиваться, и, как мы знаем, они становились двусторонними. Английские архитекторы помогали строить Петербург, английские художники все чаще появлялись в России. В этом

¹ Тюрин С. П. Отъезд П. А. Кропоткина из Англии в Россию и его письма // На чужой стороне. Берлин; Прага, 1924. № 4. С. 233–234.

смысле наиболее убедительным примером этого может служить творчество английского художника Джорджа Доу.

Доу родился в 1781 году в семье гравера и поэтому с детских лет был знаком с граверным искусством, помогая отцу в его мастерской. В 1794 году его отдают на обучение в Королевскую Академию художеств, которую он заканчивает в 1801 году, проучившись в ней 7 лет. Его дипломной работой была картина на мифологический сюжет «Ахилл и Фетида», за которую он получил золотую медаль. Из ранних его работ известна картина «Одержимый», написанная для лондонского сумасшедшего дома, «Негр и буйвол», «Мать, спасающая своего ребенка из орлиного гнезда».

Однако вскоре Доу бросает занятия «исторической живописью» и начинает заниматься исключительно портретным искусством. Он пишет портрет доктора Парра, актрисы О'Нейл в роли Джульетты. Талант Доу-портретиста постепенно получает признание. В 1814 году он избирается в академики. Его имя становится широко известным за пределами Англии. В 1818 году во время конгресса в Аахене Доу пишет портрет Веллингтона, многих военных и дипломатов. В результате император Александр I приглашает Доу для работы в Эрмитаже над созданием серии портретов участников Отечественной войны.

Доу прибывает в Россию в 1819 году и вскоре начинает работу над портретами для Военной галереи. Его работоспособность была поразительной. Уже в октябре 1820 года он выставил в Академии 80 портретов, а всего за 10 лет работы им было написано 329 портретов героев 1812 года, среди которых были Кутузов, Барклай де Толли, Денис Давыдов, Платов.

Новый русский император Николай I присвоил Доу звание «первого портретного живописца». Однако за возвышением вскоре последовала и опала. В мае 1826 года Доу вынужден был покинуть Россию, так и не закончив работу над Военной галереей. Причиной высылки Доу послужила, по видимому, жалоба Общества поощрения художников, вызванная монарший гнев¹.

¹ Более подробно о судьбе Доу в России см. *Макаров В. К. Джордж Доу в России // Государственный Эрмитаж. Труды Отдела западноевропейского искусства. Т. 1. М., 1940. С. 179–181.*

В этот момент судьба столкнула английского художника с А. С. Пушкиным. В то время морские суда выходили в заграничное плавание из Кронштадта. 3 мая 1826 года на пиро-скафе, плывущем в Кронштадт, Доу встретился с Пушкиным, сопровождающим семью Олениных. При этой встрече Доу сделал карандашный набросок Пушкина, а тот — стихотворный экспромт с посвящением Доу. К сожалению, набросок портрета Пушкина не сохранился, но стихотворение было напечатано в 1829 году в альманахе «Северные цветы»:

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль,
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.

Рисуй Олениной черты
В жару сердечных вдохновений
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

Зимой 1828 года Доу возвращается в Петербург для завершения незаконченных работ. После этого он едет в Варшаву, а затем возвращается на родину, где умирает 10 октября 1829 года.

Как бы ни сложилась судьба Доу в России, какими бы сложными ни оказались его отношения с царем Николаем I, который то возвышал его, то ниспровергал, несомненно положительное влияние Доу на русскую живопись. Фактически Доу перенес в Россию, где уже хорошо знали творчество Хогарта, традиции английской портретной живописи, идущие от Рейнольдса и Гейнсборо. Даже его противник П. П. Свиньин, выступавший в печати с критическими статьями против Доу, вынужден был признать его «гибкую и сильную кисть».

Доу приоткрыл дверь в Россию для английских художников. Вслед за ним в Петербург приехал его зять, гравер Томас Райт, который также сделал набросок портрета Пушкина, а затем младший брат Генри Доу, тоже гравер. В России широкую известность получили портреты русских дипломатов, выполненные английским художником, тоже членом Королевской академии Томасом Лоуренсом. Лучшие черты

английского романтического портрета не могли не оказать влияния на русскую школу портретной живописи, в особенности на творчество Кипренского и Брюллова.

В XIX веке пенсионерство Академии продолжалось. Основной адрес, куда ехали художники из академии, была Италия. Но бывали и исключения из общего правила. Таково было довольно длительное пенсионерство в Англии русского гравера, выпускника Российской Академии художеств Федора Ивановича Иордана, будущего президента Академии. Оно продолжалось с 1830 по 1835 годы. Характерно, что первоначально Совет Академии планировал учебу Иордана во Франции, но затем художник получил от президента предписание покинуть Париж и направиться в Лондон для работы в мастерской гравера Авраама Раймбаха. В этом решении, очевидно, не последнюю роль сыграла известность английской граверной школы. За годы пребывания в Англии Иордан тщательно изучал традиции английской гравюры, сделал копии серии Хогарта «Прилежание и леность»¹.

Русские художники часто обращались в своих работах к темам, навеянным английской поэзией и литературой. Так, широкую известность получил выполненный А. П. Брюлловым портрет Вальтера Скотта. Известно, что Вальтер Скотт посещал мастерскую Брюллова в Риме и восхищался его картиной «Последний день Помпеи», назвав ее «истинной поэмой».

Так в середине XIX века происходило взаимодействие английской и русской живописи, в процессе которого совершались контакты между представителями Академий обеих стран. В этой области происходили те же процессы, что и между английской и русской литературой этого времени. Правда, эти контакты в области изобразительного искусства изучены намного хуже, чем литературные контакты. Тем не менее, они существовали и, как мы видим на примере Дону и Иордана, они были весьма плодотворными.

¹ См. *Верижникова Т. Ф.* Из истории русско-английских художественных связей (Пенсионерство Ф. И. Иордана в Англии) // Проблемы развития русского искусства XVIII – первой половины XIX века. Л., 1986.

В конце XIX – начале XX века многие русские приезжали в Кембридж для получения почетных званий. Среди них биолог Илья Мечников, получивший в 1908 году Нобелевскую премию по медицине, Дмитрий Менделеев, получивший почетную степень в 1894 году, биолог Александр Ковалевский (1899), историк Александр Виноградов (1907), биолог Климент Тимирязев (1909), физиолог Иван Павлов (1912). В 1916 году сразу три известных русских ученых получили почетные степени в Кембридже – историки Александр Лаппо-Данилевский и Павел Милюков, а также экономист Петр Струве, издатель «Русской мысли».

Кембридж высоко оценил заслуги русских композиторов и музыкантов. Почетные степени докторов музыки здесь получили Петр Чайковский, Александр Глазунов. Эта традиция продолжается на протяжении нескольких веков, вплоть до XX века.

В XIX веке в Англии сформировался еще один феномен – русская политическая эмиграция. В Англии жили многие русские, которые эмигрировали из России по политическим соображениям. Об этом существует большое количество исследований. Мы не будем касаться этой области. Но дети политических эмигрантов поступали в британские университеты и очень часто становились писателями или учеными. Так что «перекачка мозгов» из России в Англию началась задолго до прихода советской власти.

Таким образом, в течение трех веков между Кембриджем и Россией существовали прочные научные и культурные контакты, которые поддерживали нормальный культурный баланс между странами. Более продуктивный результат учеба русских в британских университетах дает в XX веке. В это время русские не только знакомятся с английским опытом во всех областях знания и культуры, но они вносят в английскую культуру свой вклад, свое знание и свой творческий опыт.

ГЛАВА 5.

ВЫДАЮЩИЕСЯ РУССКИЕ В БРИТАНСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ В XX ВЕКЕ

На рубеже XIX – начала XX многие русские приезжают учиться в Кембридж и Оксфорд. Среди студентов Кембриджа и Оксфорда было много русских, судьба которых плохо известна. Университетские матрикулы содержат сведения о том, что в Тринити-колледже учились Аксель Берг из Петербурга, который поступил в Кембриджский университет в 1903, Григорий Бродский из Киева (с 1906), Иван Хрущев из Петербурга (с 1909), Михаил Калашников (с 1919), Алексей Хомяков (поступил в университет в 1913), Борис Комаровский (степень мастера в 1915), Владимир Мросовский (степень бакалавра в 1922, мастера – в 1928 году), Александр Пашков, который вместе с братом Василием получил в Кембридже степень бакалавра в 1911 и др. В 1911 году в Кембридж приезжает учиться Георгий Тимашев, который до этого окончил в Петербурге Пажеский корпус. Правда, никаких экзаменов он не сдал и никаких степеней не получил. К сожалению, об их дальнейшей судьбе не имеется достаточных сведений.

В самом древнем колледже Питерхауз также учились многие русские. Василий Качкаров родился в 1891 году в Евпатории. Окончив гимназию, он проучился один год в Московском университете, а в 1910 году поступил в Кембриджский университет (сведений о сдаче экзаменов нет). В Кембридже

он приезжает в 1920 году и занимается здесь экономикой, получив в 1922 году степень бакалавра. В 1937 году он получает здесь же степень мастера. Владимир Набоков дружил в Кембридже с Михаилом Лубржинским, который родился в Варшаве, учился в Петроградском университете, а в 1919 году стал студентом Питерхауза (на следующий год он перешел в Крайст-колледж).

В XX веке поток русских в английские университеты усилился, что было связано с эмиграцией после революции. Ленин отправил на «философском пароходе» цвет русской интеллигенции. Большинство из них осело в Париже и Берлине. Но немало выдающихся русских ученых и мыслителей оказались в Оксфорде, Кембридже, Манчестере, Ливерпуле, Бирмингеме, Эдинбурге не по своей воле. Вынужденные покинуть родину или высланные из России, они нуждались в английском образовании, получали его и часто становились активными учеными и преподавателями английских университетов.

Об этом говорит статистика. Если в 1871 году в Англии и Уэльсе насчитывалось 2517 русских, в 1881 — 3789, то в 1922 году их было уже более 15 тысяч. Английские суда вывезли из Архангельска и Мурманска в одном только 1920 году двенадцать тысяч человек. Большой процент из этих эмигрантов составляла академическая публика — ученые и преподаватели. Они представляли широкий спектр гуманитарных и естественнонаучных дисциплин: математик А. С. Безикович, биохимик Л. Л. Пастернак-Слейтер, физиологи Г. В. Анреп и Б. П. Бабкин, энтомолог Б. П. Уваров, гистолог Н. К. Кульчицкий, экономисты С. П. Тюрин и Ю. А. Павловский, журналист И. В. Шкловский (Дионео), историки П. Г. Виноградов, С. А. Коновалов, М. И. Ростовцев, поэт и литературный критик Н. М. Бахтин, Д. П. Святополк-Мирский, писатель, будущий лауреат Нобелевской премии В. В. Набоков, художники Л. О. Пастернак, Б. В. Анреп, Н. Л. Бенуа-Устинова, режиссер Ф. Ф. Комиссаржевский. Этот список можно было бы продолжить, если бы не бояться, что наш обзор может превратиться в адресную книгу. Многие из этих людей становились преподавателями, другие — студентами. Некоторые получали заслуженные степени, становились, как Г. В. Анреп, А. С. Безикович, М. Н. Ростовцев и Б. П. Уваров, членами Лондонского

Королевского общества. Другие мигрировали, переезжали из города в город в поисках работы или образования.

Историк Павел Гаврилович Виноградов в 1903 году занял кафедру юриспруденции в Оксфорде. Он долго преподавал здесь, сочетая работу в Оксфорде с работой в Московском университете. Предметом его исследований было английское средневековье. Он написал в Англии две книги «Средневековые поместья в Англии» (1905) и «Английское общество в XI столетии».

На учебу в Англию приезжают люди разных сословий, но чаще всего представители русской аристократии. Например, в 1939 году из Германии в Кембридж, в Тринити-колледж приезжает учиться барон Анатолий фон Пален, в 1931 году сюда же из Франции приезжает граф Николай Соллогуб, который получает здесь степень бакалавра (1934) и мастера (1938). Граф Дмитрий Толстой-Милославский также поступил в Тринити-колледж для изучения юриспруденции. Получив степень бакалавра в 1934 году, он занялся адвокатской практикой, читал лекции для юристов по законам о разводе (1952–68), написал книгу «Толстой о разводе».

Другие же, как, например, Н. Д. Городецкая, зарабатывали на учебу частными уроками или пением в кафе. Большинство русских студентов и преподавателей с трудом сводило концы с концами. Некоторые из них, как Глеб Струве, уезжали в Америку, где преподавание оплачивалось выше.

Возникала еще одна проблема: как сохранить в условиях чужой культуры национальную идентичность, не утратить русского языка и русских корней. Эта проблема беспокоила комитет по образованию при Русско-Британском братстве, которым руководил историк М. И. Ростовцев. Ростовцев, проведший в Оксфорде два года и получивший там в 1919 году степень доктора, писал в Париж своему другу М. М. Винаверу: «Сейчас, мне кажется, помимо политических дел, очень остро стоит вопрос о нашей молодежи за границей. Конечно, они учатся в разных учебных заведениях, и это хорошо. Но они теряют связь с Россией и о России ничего не знают. Я имею в виду специальные русские предметы: русскую историю, литературу, язык, право». Эту связь с русской культурой брала на себя Русская православная церковь, в особенности

в Лондоне и Оксфорде. И, конечно, знание русского языка поддерживалось кафедрами славистики, открывшимися в нескольких университетах.

Большую роль в развитии двусторонних англо-русских отношений в XX веке сыграло основание в Кембридже кафедры славянских исследований. У ее начала стояла Элизабет Хилл (1900–1996). Она родилась в Петербурге в семье состоятельного английского бизнесмена, который занимался экспортом угля из России в Великобританию. В детстве она воспитывалась на русском языке и восприняла любовь к русской культуре, литературе, поэзии. О себе она говорила как о «англо-русском гибриде». В 1917 году семья возвращается в Англию, потеряв все источники своего бывшего благосостояния. Элизабет поступает в Лондонский университет, где слушает лекции по русской истории и литературе, в частности, графа Д. Мирского и Феликса Мейендорфа. После окончания университета перебивается случайными заработками, переводами, чтением лекций в Женском институте. В 1936 году она получает работу преподавателя русского языка в Кембридже и становится феллоу женского колледжа Гиртон. У нее начинал свою карьеру слависта Д. Д. Оболенский. Во время войны она открывает курсы русского языка для военных специалистов. В 1946 она подготовила на курсах интенсивного изучения русского языка около 200 человек. В 1947 году в университете создается кафедра славянских исследований, цель которой – изучение языка, литературы и истории Болгарии, Чехословакии, России, Польши и Югославии, а Элизабет Хилл, как заведующая кафедрой, получает звание профессора (1948). В этой должности она проработала с 1946 по 1948 год. Но Элизабет Хилл мало занималась академической работой, увлекаясь в большой мере преподаванием языка, театральными постановками русской классики в кембриджском театре АДС и распевала со студентами русские песни.

О своей жизни и преподавательской деятельности она рассказывает в вышедшей посмертно книге воспоминаний «Глазами ума. Мемуары дамы Элизабет Хилл» (1999)¹. В ней есть

¹ Hill E. In the Mind's Eye. The Memoirs of Dame Elizabeth Hill. Lewes, 1999.

упоминания о многих русских ученых-филологах — Дмитрие Святополке-Мирском, Дмитрие Оболенском, Николае Соллогуе. В 1987 году она уходит на пенсию, и заведующим кафедры славистики становится на один год профессор из Черчилль-колледжа Питер Сквайр, а затем уже Энтони Кросс, автор многих ценных работ по русской истории XVIII века¹.

Кафедра славянских языков существовала и в Оксфорде. Здесь ее основателем и руководителем был С. А. Коновалов. Кроме него, здесь учились и преподавали Г. Струве, Д. Оболенский, Н. Зернов, Н. Городецкая. Русский язык и литература преподавались также в Лондонском университете, Ливерпуле и Бирмингеме². Таким образом, в 20-х годах XX столетия в Англии существовало пять центров изучения и преподавания русской истории, литературы и религии.

Мы не собираемся анализировать историю всех русских эмигрантов, кто оказался в Англии после Октябрьской революции. Это слишком большая и, быть может, невыполнимая задача, хотя попытки решить ее довольно часто предпринимаются в наше время³. Мы будем ограничивать себя только теми русскими, кто получил в Англии образование и внес весомый вклад в науку и культуру.

Но как выглядела Англия в глазах русских в конце XIX — начале XX века? Эмигрантская литература с интересом опи-

¹ N.M. Karamzin: A Study of His Literary Career 1783–1801 (1971); By the Banks of the Thames: Russians in Eighteenth-Century Britain (1980) (Рус.пер. 2006); The Russian Theme in English Literature from the Sixteenth Century to 1980 (1985); Anglo-Russica: Aspects of Anglo-Russian Relations in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries (1993); By the Banks of the Neva: Chapters from the Lives and Careers of the British in Eighteenth-Century Russia (1996). Catharine the Great and the British: A Pot-Pourri of Essays. (2001)

² О последнем см. *Smith R. E. A. Novelty: Russian at Birmingham University. Birmingham, 1987.*

³ Очерк деятельности русской академической группы в Великобритании // Труды русских ученых за границей / Под ред. А. И. Калинин. Берлин: «Слово». Т. 1; Ульякина Т. И. Опыт изгнания: русские ученые в Великобритании в 1917–1940 годах // Русский Мирь. 2000. № 1; From the other shore. Russian Political Emigrants in Britain, 1880–1919 / Ed. by John Slatter. London, 1984.

сывает Англию XX века. Об Англии пишет историк искусства, автор замечательных книг по Италии П. П. Муратов, переселившийся в Англию, Д. Святополк-Мирский, В. В. Вейдле, Н. М. Зернов, Г. П. Струве, С. А. Коновалов. Их волнует отношение англичан к России, к русской революции, условия жизни русских в Англии, русская и советская литература.

Англию XX века описывают и журналисты, прибывающие из СССР. Приехавший в командировку вместе с Пильняком Н. Н. Никитин в «Английских зеркалах» (1924) дает пространный обзор современной английской жизни. Он пытается сохранить наглядность, достоверность и объективность, но требования идеологии постоянно заставляют его переходить на обличения. В пятой главе этой книги он касается и вопросов университетского образования. «Англия, — пишет он, — классическая страна университетов — колледжей, некоторые насчитывают за собою вторую тысячу лет»¹. Причем он не ограничивается только описаниями Оксфорда и Кембриджа, а рассказывает о лондонских университетах. «Присутствие их в центре Англии, среди шума такси, подземок, надземок, среди банков, бирж и спекуляций, в самом купеческом пекле современной Финикии — значительно выветривает в них тот аромат старины, который носят колледжи. Здесь колледжи — здания современные, земля не пахнет традицией. Здесь настоящая деловая атмосфера, здесь вы скорее встретите бедного студента, потому что здесь учатся жизни, делу, наукам, а не умению завязывать аристократические связи. Программы занятий — практичны. Из лондонских университетов выходят лингвисты, химики, механики, историки, ботаники, инженеры, врачи. Программа нагнетена специальностью, потому что Лондон торговый и биржевой хочет получить не парламентских болтунов, а людей практики, умеющих работать в лаборатории, в школе, на заводе...»² При этом, Никитин отмечает в лондонском университете интерес к русскому языку, к изучению быта и литературы славянских народов. Несомненно, Никитин прав в характеристике практической ориентации «краснокирпичных» университетов.

¹ Русские писатели об Англии. С. 487.

² Там же. С. 488.

Что же касается Оксфорда и Кембриджа, которые Никитин посетил, то он видит их скорее глазами, замутненными идеологией, а может быть, и простой завистью. По его словам — это «царство английской готики. Она особенно прекрасна в утренние, тихие часы, когда поют колокольни. Это старое царство средневековой романтики поет колокольными какую-то древнюю музейную песню. Кажется, что попал в хранилище, где века, как фолианты на полках, что здесь нельзя жить, что дома зашиты паутинами, что на вещах лежит толстая пыль времени»¹.

В этом псевдоромантическом взгляде на Оксфорд и Кембридж Никитин, несомненно, ошибался. На самом деле в старинных зданиях Оксбриджа велась огромная созидательная работа, которая приводила к расщеплению атома, к открытиям в области физики и астрономии. Здесь работали Резерфорд, Капица, Эйнштейн и многие другие ученые, революционизировавшие научное знание. И также ошибался Никитин, когда считал, что каждый студент в Оксфорде — богач или аристократ, что это «блестящий виван, оживающий только на гребных гонках или на теннисе, веселый с женщиной, ленивый с книгами»². История Оксфорда и Кембриджа показывает, что из этих университетов вышла плеяда блестящих ученых, и теннис с гребными гонками не мешали их учебе. Об этом свидетельствует хотя бы судьба русских студентов, учившихся и работавших в этих университетах.

В XX веке Кембриджский университет превратился в международный научный центр, возглавляющий исследования в области современного естественнонаучного знания. В это время русская научная мысль сыграла роль важного катализатора и во многом содействовала расцвету научной мысли в этом старейшем университете Европы.

Прежде всего, это касается такой области знания, как математика. Русские ученые оказали серьезное влияние на кембриджскую математическую науку. Примером может быть Абрам Самойлович Безикович. Вслед за этим появи-

¹ Русские писатели об Англии. С. 490.

² Там же. С.492.

лись физики: 20-е годы — это эра Петра Капицы и его учеников. Помимо строгой науки, с Кембриджем связано образование и творчество ряда русских писателей, филологов, деятелей искусства, того, что принято относить к гуманитарной области знания.

В Кембридже получили образование выдающиеся представители гуманитарной науки, в частности, филолог и философ Николай Бахтин, писатель Владимир Набоков. Об их судьбе и их связи с Кембриджем мы расскажем подробнее.

В Оксфорде получили образование религиозный мыслитель Николай Зернов, византинист Дмитрий Оболенский, литературовед Сергей Коновалов, экономист Роберт Скидельски. Здесь долгое время работал художник Леонид Пастернак.

Конечно, можно было бы описать русское присутствие в Великобритании языком цифр, документами о поступлении, сведениями об учебе и т. д. Но мне кажется, что это довольно скучное занятие. Постараемся описать русских, учившихся в Великобритании, в портретах, дать живое описание биографии, личности и занятий каждого из них. Тем более, что все это — необычайно талантливые, яркие личности, с необыкновенной судьбой, порой трагической, порой вполне успешной и счастливой.

В. В. НАБОКОВ

Русский писатель Владимир Владимирович Набоков (1899–1977) жил в Кембридже сравнительно недолгое время, с 1919 по 1922 год. Правда, его встреча с Англией произошла гораздо раньше. Семья Набоковых была англоманами. Английские вещи, английские книги, английские бонны и шотландские учителя окружали маленького Володю с самого детства. По его признанию, он научился читать по-английски раньше, чем по-русски. «Первыми моими английскими друзьями были незамысловатые герои грамматики — коричневой книжки с синяком кляксы во всю обложку: Ben, Dan, Sam и Ned. Много было смутной возни с установлением их лич-

ности и местопребывания. "Who is Ben?", "He is Dan", "Sam is in bed", "Is Ned in bed?" и тому подобное»¹.

Бэрнес, «крупного сложения, светлоглазый шотландец с прямыми желтыми волосами и с лицом цвета сырой ветчины», учил будущего писателя английской письменности и после очередного урока читал ему лимерик о lady from Russia, которая кричала, когда ее сдавливали, «crushed her». Впоследствии Набоков узнал, что его скучный преподаватель, мучавший ребенка диктантами, оказался превосходным переводчиком русской поэзии на английский язык. В памяти Набокова остался тихий, сутулый мистер Куммингс, который учил его рисунку и живописи, открывая тайны перспективы и наложения красок.

Отец писателя, будучи членом первой русской Думы, в 1916 году вместе с Алексеем Толстым и Николаем Чуковским ездил в Англию и написал о своей поездке в Лондон небольшую книгу путевых очерков.

Поэтому Кембридж не был началом, а скорее продолжением приобщения Владимира Набокова к английской культуре. Путь к Кембриджу был не простым. 17 апреля 1919 года семья Набоковых на корабле «Надежда» прибыла в афинский порт Пирей. Затем на корабле «Паннония» Набоковы приплыли в Англию. В Лондоне они поселились в большом доме в Кенсингтоне, недалеко от Музея естественной истории. Деньги на оплату квартиры и на обучение детей были получены от продажи драгоценностей матери.

В Лондоне встал вопрос о том, куда лучше поступить учиться Владимиру Набокову. Первоначально речь шла об Оксфорде, но Петр Струве, который взял на себя роль консультанта, рекомендовал Кембридж, как наиболее престижный с точки зрения науки университет.

1 октября 1919 года Владимир Набоков поступает в «Тринити-колледж» как «студент-пенсионер». Здесь он поселился в комнате Р-6, маленькой и строгой, как все студенческие комнаты. «Мимо моего окна шел к службам пяти-сотлетний переулочек, вдоль которого серела глухая стена.

¹ Набоков В. Другие берега // Сочинения в 4-х томах. Т. 4. М., 1990. С. 174.

В спальне не полагалось топить. Из всех щелей дуло, постель была как глетчер, не было ни ванны, ни даже проточной воды; приходилось поэтому по утрам совершать унылое паломничество в ванное заведение при колледже, идти по моему переулочку среди туманной стужи, в тонком халате пижамы»¹.

Первое, что ему пришлось сделать, — купить черную академическую мантию и квадратный головной убор с кисточкой. Сохранилась фотография Набокова в таком одеянии. В своих воспоминаниях он рассказывает, как, облачившись в мантию, он посещает своего тьютора мистера Эрнста Гаррисона. На свою беду, в полутемной квартире своего тьютора он наступил на оставленный на полу поднос с чайной посудой. По его словам, это посещение открывает «серию неуклюжестей, ошибок и всякого рода неудач и глупостей, включая романтические, которые меня преследовали на протяжении трех-четырёх последовавших лет»².

В задачи тьютора не входило обучение подопечного студента, он должен был только следить, чтобы тот исправно посещал лекции, носил академическую мантию и не возвращался домой после 12 ночи, когда ворота колледжа наглухо закрывались. Впоследствии Набоков писал о своем тьюторе как об «исключительно глупом человеке».

Знания английского языка, полученного в детстве, явно не хватало для общения с английскими однокурсниками, и Набоков поддерживал дружеские связи с русскими, учившимися в Кембридже, — с Михаилом Калашниковым, с которым он делил жилье, Михаилом Лубржинским, который был студентом в Питерхаузе, Петром Мросовским, который изучал химию и жил в Тринити.

Расхождения с англичанами шли не только из-за языка, но и по политическим вопросам. Владимир Набоков радикально относился к большевикам и революции в России, но большинство англичан были осторожны в своих суждениях и не поддерживали идею интервенции в Россию, которую высказывал Набоков. Поэтому он вскоре бросил политические дискуссии и занялся литературой и учебными занятиями.

¹ Набоков В. Другие берега. С. 274.

² Там же. С. 273.

Учеба в Кембридже предполагала т. н. *tripos* — экзамен по нескольким предметам. Помимо изучения литературы, Набоков выбрал изучение зоологии и ихтиологии, посещая занятия профессора Стэнли Гардинера, который читал лекции о «жизни моря». Занятия зоологией помогли Набокову в изучении бабочек, — страсть, которая не покидала его на протяжении всей его жизни. На втором году обучения он опубликовал свою первую статью «О бабочках Крыма».

В Кембридже Набоков испытывал сильную тоску по России. На рыночной площади он купил Толковый словарь Даля в 4-х томах. «Я приобрел его за полкроны и читал его, по несколько страниц, ежевечерне, отмечая прелестные слова и выраженья... Страх забыть или засорить единственное, что успел я выцарапать, довольно, впрочем, сильными когтями, из России, стал прямо болезнью. Окруженный не то романтическими развалинами, не то донкихотскими нагромождениями томов (тут был и Мельников-Печерский, и старые русские журналы в мраморных переплетах), я мастерил и лакировал мертвые русские стихи, которые вырастали и отвердевали, как блестящие опухоли, вокруг какого-нибудь словесного образа... Но, Боже мой, как я работал над своими ямбами, как пестовал их пеоны — и как я радуюсь теперь, что так мало из своих кембриджских стихов напечатал»¹.

Что касается «романтических глупостей», то представление о них дает его «Университетская поэма», написанная гораздо позднее, в 1929 году, но отражающая опыт его жизни в Кембридже. В ней рассказывается о встречах с англичанкой Виолеттой, о романтической любовной истории, которая, впрочем, ни к чему серьезному не привела.

Шумит фонтан, цветет ограда.
Лаун-теннис — белая отрада —
Сменяет буйственный футбол:
В штанах фланелевых пошел
Весь мир играть. В те дни кончался
Последний курс — девятый вал,
И с Виолеттой я встречался
И Виолетту целовал.

¹ Набоков В. Другие берега. С. 277.

Как в первый раз она метнулась
в моих объятьях, — ужаснулась,
мне руки в плечи уперев,
и как безумно и уныло
глаза глядели! Это было
не удивленье и не гнев,
не девичий испуг условный.
Но я не понял... Помню ровный,
остриженный по моде сад,
шесть белых мячиков и ряд
больших кустов рододендрона;
я помню, пламенный игрок,
площадку твердого газона
в чертах и с сеткой поперек.

«Университетская поэма» носит иронический характер. Гораздо серьезнее он относился к тем спортивным занятиям, которые в Кембридже считались почти что обязательными для молодых людей: к боксу, футболу и теннису. Он играл в футбол почти каждый день и был голкипером в футбольной команде колледжа, хотя, по его собственному признанию, играл он не очень удачно. Что касается тенниса, то здесь Набоков был более удачлив. Он много играл со своим братом Сергеем, который был первоначально послан в Оксфорд, но вскоре перебрался в Кембридж, но в другой колледж — Крайст. Он даже подрабатывал, давая уроки тенниса. Сохранились его фотографии с ракеткой после игры. Прелесть тенниса, которую Набоков называл «юности белой игра», он хорошо ощущал и великолепно описывал. Теннису Набоков посвятил замечательные описания, которые содержатся в его стихотворениях, воспоминаниях и в американском романе «Лолита». В «Университетской поэме» есть замечательные строчки:

Ах, признаюсь, люблю я, други,
На всем разбеге взмах упругий
Богини в платье до колен!
Подбросить мяч, назад согнуться,
Молниеносно развернуться,
И струнной плоскостью плеча
Скользнуть по темени мяча,

И, ринувшись, ответ свистящий
Уничтожительно прервать,
На свете нет забавы слаще...
В раю мы будем в мяч играть.

Одним из любимых занятий в Кембридже у Набокова были поездки на лодке по реке Кем. Такие поездки с приятелями или подружками завершались кемпингом у деревни Гранчестер. Сохранились фотографии этих поездок.

Но спорт и романтические встречи с девушками, как русскими, так и англичанками, не вытесняли его занятия литературой и первые поэтические опыты. Он упорно изучал французский язык и переводил поэму «Кола Брюньон», печатался в русском журнале «Руль».

Набоков успешно выдержал экзамены первого года и даже получил поощрительную премию в два фунта. Его занятия прерываются смертью отца. 28 марта 1922 года в берлинском кафе монархист-фанатик убивает из пистолета В. Д. Набокова. Это трагическое событие вызывает сочувствие у русских эмигрантов. На похоронах присутствовал цвет русской эмиграции — Бунин, Мережковский, Куприн.

Владимир Набоков возвращается в Кембридж для продолжения учебного курса. На втором году обучения он вместе с Михаилом Калашниковым поселяется в маленькой квартирке на улице Тринити Лейн № 2, где хозяйкой была сердобольная Алис Ньюмен. Здесь он продолжает свои литературные занятия и готовится к выпускным экзаменам, которые состоялись в мае 1922 года. Предметами на экзамене были русская литература и история, французская литература до 1495 года, французская литература и история 1688–1870 годов. Набоков успешно выдерживает эти экзамены и 17 июня получает почетный диплом второго класса и степень бакалавра по литературе. На фотографии он позирует в мантии и шапочке перед входом в Сенат — традиционном месте для инаугурации.

21 июня Набоков покидает Кембридж и едет в Берлин. С этого времени начинаются его странствия по Германии, Франции, Америке, пока он не поселяется в Швейцарии.

Но через 17 лет после получения кембриджского диплома Набоков возвращается в Кембридж. Здесь мало что изменилось. Он посещает своего тьютора м-ра Гаррисона. Он опять попадает в полутемную квартиру и спрашивает своего бывшего наставника, помнит ли он его. В это время он наступает на поднос с чайной посудой. И тогда Гаррисон ответил: «Да, конечно, я вас помню».

Кембридж завершает период духовного созревания начинающего писателя. С ним связано время поисков, литературных и поэтических проб. Вспоминая об этом времени, Набоков писал в «Других берегах»: «Что-то было такое в Кембридже... Не футбол, не крики газетчиков в сгущающейся темноте, не крепкий чай с розовыми и зелеными пирожными — словом, не преходящая мода, а тонкая сущность, которую теперь я определил бы как приволье времени и простор веков. На что ни посмотришь кругом, ничто не было стеснено или занавешено по отношению к стихии времени; напротив, всюду зияли отверстия в его сизую стихию... Из-за того, что в физическом пространстве это было не так, т. е. тело стесняли уклады и узкие арки, душа особенно живо воспринимала свободные дали времени и веков. У меня не было не малейшего интереса к истории Кембриджа или Англии, и я был уверен, что Кембридж никак не действует на мою душу; однако именно Кембридж снабжал меня и мое русское раздумье не только рамой, но и ритмом»¹.

Здесь Набоков высказывает замечательную мысль — о диспропорции пространственного и временного параметров Кембриджа. Пространственная малость, по его словам, позволяла заглянуть в глубину времени, причем как в прошлое, так и в будущее. Но, конечно, Кембридж более всего приоткрывает завесу в стихию прошлой истории.

Поэтому Кембридж помог Набокову увидеть правильную историческую перспективу во времени. Замкнутость пространства, его малость парадоксально способствовали ощущению времени. Пожалуй, ни одна из стран, в которых пришлось побывать Набокову, не дала ему того, что в этом смысле дал ему Кембридж.

¹ Набоков В. Другие берега. С. 279–280.

Несмотря на то, что Набоков в Кембридже много времени уделял всем увлечениям юности — футболу, теннису, романтическим приключениям, здесь он начал активную литературную деятельность. За три года пребывания в Кембридже он написал и напечатал статью по этимологии, написал на английском языке две поэмы, большое число поэтических произведений, которые он печатал в русских периодических журналах под псевдонимом «Сирин», делал переводы из английской поэзии, написал первый рассказ на русском языке и первую драму в стихах. Именно в Кембридже Набоков распрощался со своей юностью и стал серьезным писателем. Как пишет Брайан Бойд в своей книге о жизни Набокова, «в Кембридже Набоков, распроставшись со своей юностью, с любовными приключениями, направил всю свою энергию не для того, чтобы стать бакалавром Владимиром Набоковым, а для того, чтобы превратиться во Владимира Сирина»¹.

Кембридж был для Набокова не только школой, но и нескончаемой темой для воспоминаний и реминисценций, которые вновь и вновь появлялись на страницах его романов — «Подвиг» (1931), «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» (1939), в его мемуарных повестях. Эти кембриджские метаморфозы блестяще прослежены О. А. Казниной в ее содержательной книге «Русские в Англии» (с. 296–310).

П. А. КАПИЦА

С Кембриджем связана судьба талантливого русского ученого-физика Петра Леонидовича Капицы (1894–1984). В какой-то мере творческие судьбы Набокова и Капицы общи: хотя они представляют собой разные полюса культуры, оба приезжают в Кембридж в начале своего творческого пути, оба они формируются, один — как писатель, другой — как ученый, в кембриджском университете, отсюда оба они получают существенный толчок для их дальнейшего развития.

¹ *Boyd B. Vladimir Nabokov. The Russian Years. London, 1990. P. 195.*

Капица родился в 1894 году в Кронштадте в семье военного инженера, который строил Кронштадскую крепость. После окончания школы поступил в Петербургский политехнический институт. Первая мировая война застает его в Глазго, куда он приезжает для изучения английского языка. После 1918 года он поступает во вновь открывшийся Физико-технический институт, где под руководством Иоффе формировался кружок молодых энтузиастов, в числе которых были Н. Семенов, Я. Френкель, Я. Дорфман и другие. Здесь Капица начинает заниматься проблемами магнетизма.

В начале 1921 года советское правительство решает закупить на иностранную валюту научное оборудование. Для этой цели Иоффе и Капица едут в Англию и в июне месяце они посещают Резерфорда в Кембридже. Капица пользуется случаем и спрашивает у Резерфорда разрешения вернуться и поработать в лаборатории Кавендиша. Резерфорд сначала отказывает, ссылаясь на то, что в лаборатории тесно. Но Капица проявил находчивость. Он спросил, какой процент погрешности допускается в лаборатории Кавендиша при научных исследованиях. «Три процента», — ответил Резерфорд. Но я также не составляю более трех процентов лаборатории — сказал Капица. Восхищенный его находчивостью, Резерфорд соглашается. В результате в июле месяце Капица приезжает в Кембридж, рассчитывая поработать здесь до весны, но на самом деле он остается здесь на 13 лет, с 1921 по 1934 год, и покидает Кембридж, как выясняется, отнюдь не по собственному желанию.

Капица быстро вошел в коллектив лаборатории Кавендиша. Он избрал темой своего исследования отклонение α -частиц в магнитном поле. Резерфорд апробировал эту тему исследования, и с этого момента Капица имел все возможности для самостоятельной работы.

Между Капицей и Резерфордом с самого начала сложились доверительные и неформальные отношения. Капица с уважением относился к английскому ученому, который был старше его на 23 года и который с 1919 года возглавлял лабораторию Кавендиша. Как пишет Марк Олифант, один из сотрудников лаборатории, «наиболее колоритной фигурой в Кавендише, когда я туда прибыл, был Петр Капица... Он был

настолько энергичен, так начинен плодотворными идеями, что очень скоро добился впечатляющего успеха»¹.

Капица изобрел для Резерфорда кличку, он назвал его «Крокодилом», и эта кличка скоро утвердилась среди сотрудников лаборатории. Существует несколько объяснений того, откуда возникла эта кличка. Как объяснял сам Капица, «в России крокодил связан с чувством благоговейного страха и поклонения, потому что он имеет негнувшийся затылок и не может повернуться назад. Он движется только вперед с распахнутыми челюстями, так, как движется наука, как движется Резерфорд». Другие аллитерации связаны с историей о Питере Пэне, в которой крокодил проглатывает будильник и поэтому все знают о его приближении. Такая аллегория была вполне актуальна, когда все знали по походке и голосу о приближении Резерфорда. Капица, куривший трубку, успевал ее спрятать, избегая возможного скандала. Возможны связи и с известным стихотворением Корнея Чуковского о крокодиле. Так или иначе, но со временем все стали называть Резерфорда крокодилом. Впоследствии безобидная кличка послужила предметом грандиозного публичного скандала, в который включилась большая часть университетской общественности.

При подготовке экспериментов Капице большую техническую помощь оказывал эстонец Эмиль Янович Лаурманн, который был специалистом в работе с электричеством и тонкими механизмами. С его помощью Капица провел несколько удачных экспериментов, после чего он получил средства для новых экспериментов. Его положение в Кембридже становилось все более стабильными. В 1923 году он защищает тезисы диссертации и получает степень доктора наук. В этом же году он получает стипендию Максвелла, которая обеспечивает возможность его дальнейшей работы в лаборатории. В 1925 году он получает постоянные позиции в университете в качестве помощника директора магнитных исследований. Он избирается феллоу Тринити-колледжа. Позднее, в 1929 году, он избирается членом Королевского общества.

¹ *Oliphant M. Rutherford. Recollections of the Cambridge Days. Amsterdam; London; New York, 1972. P. 90–91.*

Вместе с Капицей в лаборатории Кавендиша работали выдающиеся ученые — Нильс Бор, Джеймс Чедвик, Джон Кокрофт, Эрнст Уолтон. Сюда приезжали ученые со всего мира — из США, Германии, Дании, Японии, Китая, Австралии. Это был международный центр по изучению физических проблем, и прежде всего по расщеплению атома.

Капица имел привычку после завершения рабочего дня пить чай с сотрудниками лаборатории и подводить итоги дня. Постепенно это чаепитие превратилось в семинар, который получил название «Клуб Капицы». В него входили студенты и молодые сотрудники, которые обсуждали любые вопросы, даже те, что не были связаны с физикой.

Очевидно, что Капица был склонен к преподавательской деятельности. Он прочитал серию лекций по магнетизму, которые привлекли слушателей, хотя, по признанию некоторых очевидцев, не все в этих лекциях было до конца понятно. Но, как признавался сам Капица, он полагал, что если 95% лекций будет абсолютно понятными, то остальные 5% заинтригуют слушателей и заставят их думать.

Для проведения своих исследований, связанных с прохождением α -частиц в магнитном поле, Капица нуждался в большом электромагнитном генераторе, который стоил больших денег. Подобный генератор в Париже обошелся в несколько миллионов франков. Капица нашел способ создания более эффективного и более дешевого генератора. Большую помощь в этом деле оказал Капице Кокрофт. Капица уделял большое внимание научным исследованиям, с 1924 по 1933 годы он опубликовал более 20 научных работ в различных физических журналах мира.

Быстрые успехи Капицы в Кембридже объясняются его способностью соединять научный эксперимент с техническим его обеспечением. Как отмечает Дэвид Шёнберг, один из английских учеников Капицы, «в Кембридже Капица оставил свой след в нескольких аспектах. Он был один из первых, кто начал переводить Кавендишскую лабораторию из века сургуча и веревочки в век машин. Он был зачинателем физики твердого тела и физики низких температур в Кембридже. И последнее, но немаловажное: он начал традицию живого, неформального семинара, получившего название “Клуб Ка-

пицы”, внесшего что-то от русского темперамента в более флегматичную английскую жизнь»¹.

Капица обладал своеобразным чувством юмора, который отличался от традиционного английского юмора. Он любил анекдоты и розыгрыши, умел хорошо рассказывать истории и был остр на слово. За обедом в Тринити-колледже, когда священник спросил его о сидящем напротив астрономе А. С. Эдисоне, Капица ответил: «Это астроном, он знает о небесах больше, чем вы». Премьер-министру Болдуину он не постеснялся сказать: «Верьте нам, мы не обманываем, здесь ученые, а не политики».

Капицу отличала также способность к верной и долгой дружбе. Среди англичан, с которыми он дружил, помимо Резерфорда, были П. Дирак, Д. Кокрофт, Д. Шёнберг. Все они побывали у него в гостях в Москве.

Огромным событием в деятельности лаборатории Капицы было строительство магнитной лаборатории. О необходимости такой лаборатории Капица начал говорить с Резерфордом в 1930 году. Университет не обладал средствами для ее строительства, но Резерфорд обратился к Королевскому обществу с просьбой выделить необходимые для этого средства. Сумма в размере 150 тыс. фунтов была получена из средств, подаренных Королевскому обществу промышленным магнатом Людвигом Мондом, и поэтому магнитная лаборатория получила название лаборатории Монда. Строительством лаборатории занялся архитектор Х. Хью. 3 февраля 1933 года в присутствии премьер-министра Стэнли Болдуина и Уильяма Спенса, вице-канцлера Университета, состоялось открытие этой лаборатории.

Капица осознавал, что строительство лаборатории — это заслуга Резерфорда, результат его инициативы и организаторского таланта. Это обстоятельство он стремился подчеркнуть, обращаясь к элементам декорации, украшающим здание лаборатории. Капица обратился за помощью к известному художнику и скульптору Эрику Гиллу.

Эрик Гилл известен прежде всего как график. Однако художественное образование он получил как скульптор у Эд-

¹ Капица, Тамм, Семенов в очерках и письмах. М., 1998. С. 73.

варда Джонстона в Центральной школе искусств. В известной мере Гилл был учеником и продолжателем Уильяма Морриса. Вместе с ним он разделял веру в то, что посредством художественного ремесла можно возродить радость и интерес к труду, утрачиваемые в индустриальном обществе. Поэтому темы, почерпнутые из средневекового искусства, составляли главное содержание его графических работ по дереву. Это сцены из жизни Иисуса Христа, картины библейской истории. Большое место в его графике занимают эмблемы и символы. Эти работы, выполненные в черно-белой манере, отличались выразительной, четкой линией, простотой и лаконизмом раннехристианского искусства.

Из скульптурных работ Эрика Гилла известно «Установление креста» в Вестминстерском соборе. По просьбе Капицы Гилл изображает на стене лаборатории Монда рельеф крокодила, выполненный в экспрессионистической манере. Крокодил стоит на задних лапах, подняв вверх раскрытую пасть. Это изображение должно было символизировать Резерфорда. Оно и поныне красуется на стене здания, хотя лаборатория Кавендиша в 1972 году переехала в другое, более просторное место¹.

- По-другому обстояло дело с другим рельефом — профильным портретом Резерфорда. Он был помещен внутри здания, в приемном холле. Эрик Гилл не стремился к точному фотографическому изображению и стилизовал его, используя контраст гладкой поверхности бюста и лица с волнистой линией волос и усов. Этот замечательный портрет неожиданно вызвал острую дискуссию. Некоторые из влиятельных в университете персон, в том числе физик Ф. Астон, утверждали, что портрет не похож на его оригинал. Более того, они утверждали, что Эрик Гилл придал Ре-

¹ Поразительно, что английские авторы, рассказывая о достопримечательностях Кембриджа, приводят рельеф Э. Гилла в качестве биологической картинки, как нечто вроде иллюстрации к Зоологическому музею. Символический смысл «Крокодила» и вся история его создания уже забывается, хотя, можно сказать, это русский дар Кембриджу. Во всяком случае, идея целиком принадлежит П. Л. Капице.

зерфорду еврейский нос, что было отзвуком антисемитской пропаганды, которая в то время развертывалась в Германии. Страсти разгорелись не на шутку. Наиболее консервативные члены университета требовали, чтобы портрет Резерфорда был снят.

В этих обстоятельствах Капица должен был проявить все свои дипломатические способности, чтобы спасти произведения Эрика Гилла. Об этом свидетельствует переписка между Капицей и Гиллом. В письме Гиллу от 21 марта 1933 года Капица писал: «Дорогой Гилл. Я уверен, вы одобрите то, как я сражался за ваш рельеф. Очевидно, он так не понравился некоторым влиятельным людям в университете, что они потребовали, чтобы рельеф был снят. В результате возникла острая дискуссия, и мне пришлось сражаться изо всех сил, я даже прочел им лекцию о современном искусстве, пытаюсь объяснить им такую элементарную идею, как различие между фотографом и художником. Я не думаю, что заставил их мыслить по-иному, но мне удалось спасти произведение искусства, которое я так высоко ценю.

Я надеюсь, что сейчас все уже в порядке, но я все еще удивлен тому исключительно формальному отношению к искусству, которое распространено среди многих людей в этой стране. Раньше мне не приходилось сталкиваться с такой ограниченностью, но вам, по-видимому, приходится встречаться с ней часто. Я слышал, они хотят устроить шум вокруг вашей картины на Би-Би-Си, и я очень симпатизирую вам за то, что вы подвергаетесь нападкам за то, что остаетесь индивидуалистом в вашем творчестве».

В ответ Эрик Гилл писал Капице:

«Дорогой Капица.

На прошлой неделе к нам приезжал Хьюдж и рассказал о скандале вокруг портрета Резерфорда. Я очень сожалел об этом, в особенности потому, что это принесло вам неприятности. Хьюдж сказал мне, что это произошло потому, что некоторые, зараженные гитлеровским антисемитизмом, подумали, что я пририсовал Резерфорду еврейский нос. Конечно, это глупость. Особенность еврейского носа в том, что он выглядит не горбатым, а крючковатым. Горбатый нос — это

особенность не евреев, а римлян, и такие носы обычно изображаются на классических портретах.

Я очень сожалею, что лорду Резерфорду пришлось пережить такое неприятное время. Пожалуйста, передайте ему мои сожаления и извинения. Шум на Би-Би-Си закончился. Старый идиот, который посчитал мой рельеф неприличным, получил афронт, так сказал мне по телефону один из репортеров.

Ваш навсегда, Эрик Г.» (22 мая 1933)

Характерно, что сам Резерфорд не был против рельефа Гилла. Он только пошутил, сказав, что если он выглядит таким образом, то его имя должно быть не Резерфорд, а «Резермонд», обыгрывая имя спонсора лаборатории — Монда. Но чтобы разрешить затянувшиеся споры, он порекомендовал Капице обратиться к Нильсу Бору как к третейскому судье, поскольку тот слыл знатоком современного искусства. Капица так и сделал. Он послал Нильсу Бору в Копенгаген фотографию рельефа и объяснил в письме ситуацию, которая создавалась вокруг работы Гилла. В ответ Бор написал Капице:

«Я знаю, что невозможно судить о произведении искусства по фотографии и без того, чтобы не видеть его окружения. Однако, при всех этих оговорках, рельеф с портретом Резерфорда представляется мне чрезвычайно глубокомысленным и сильным. Поэтому я не поддержал бы критиков портрета. Если Резерфорд не возражает против него и если вам он нравится, то он оправдывает все ожидания. Я надеюсь, что портрет останется на своем месте на много лет и будет свидетельством той хорошей работы, которую вы делаете в вашей новой лаборатории. Я еще не получу буклета, посвященного лаборатории, но я уверен, что получу его позже после того, как я вернусь из лыжной поездки, в которой я нуждаюсь для восстановления сил.

С уважением ваш,
Н. Бор».

В результате рельеф остался на месте. Можно сказать, что только благодаря Капице он не был снят и не попал в запасники какого-нибудь музея, где бы он в конце концов

затерялся навсегда. Но помимо всего, вся эта история свидетельствует об отношении Капицы к искусству, его неприимности ко всякого рода консерватизму, где бы он с ним ни сталкивался.

В письме к матери Капица, описывая историю с портретом Резерфорда, отмечает: «Забавный народ англичане — то, что я построил модернистское здание среди старинной готики и ее подражаний, им очень понравилось, а то, что я модернистски изобразил Резерфорда, их бесит».

Работая в Кембридже, Капица несколько раз приезжал в Россию и вновь возвращался. В 1934 году он приехал в Москву на конференцию, посвященную Менделееву. Когда он собрался возвращаться в Кембридж, то получил извещение, что он должен остаться и работать в Москве. Иными словами, клетка захлопнулась. Капице больше не позволялось вернуться в Кембридж и вообще выезжать куда-нибудь за границу.

Научный мир был потрясен. 9 апреля 1934 года в газете «Таймс» появилась статья Резерфорда, который писал: «И хотя никто не оспаривает законного права советских властей претендовать на услуги профессора Капицы, их внезапная акция на реквизицию этих услуг, без всякого предварительного уведомления, потрясла университет и весь научный мир. Капице даже не было позволено вернуться в Англию для обсуждения с руководством университета и Королевским обществом вопросов, касающихся дальнейшей работы лаборатории, директором которой он является. Не нужно большого воображения, чтобы понять, насколько мучительно для профессора Капицы его нынешнее положение: в Кембридже его ждали решающие эксперименты, которые он так долго готовил и от которых с полным основанием ожидал результатов, способных пролить новый свет на свойства материи... Можем ли мы надеяться, что советское правительство, столько раз уже доказывавшее свою заинтересованность в развитии науки, будет проводить великодушную и дальновидную политику и найдет возможным пойти навстречу желаниям ученых не только Великобритании, но и всего мира, предоставив Капице самому выбирать среду, в которой он полнее всего реализует творческие за-

датки, которыми одарила его природа? Будет трагедией, если эти задатки не будут реализованы из-за чьей-то неспособности понять психологическую ситуацию».

Однако никакие письма Резерфорда и других английских ученых в защиту свободы ученого не помогли. В заявлении советского посольства в Лондоне с присущим советским чиновникам догматизмом сообщалось, что «профессор Капица — советский гражданин и его страна нуждается в нем». Мнения самого Капицы никто не спрашивал. Новая лаборатория, директором которой он должен был стать, новое, дорогостоящее оборудование, которое он годами доставал, люди, с которыми он работал, наконец, дом, который он построил, и двое сыновей — все осталось в Кембридже. Возврата к этому не было.

Капица многие годы восхищался властным Крокодилом — Резерфордом, и нарочито страшился его. Но тот сделал для Капицы все, что мог: дал ему возможность учиться, работать, проводить исследования. Резерфорд говорил, что если Капица не гений, то «он обладает умом физика и способностями механика, комбинацией, которая редко случается и которая делает его исключительным явлением». Капице надо было страшиться другого чудовища, которому Корней Чуковский, автор стихотворения о добром крокодиле, дал название «Тараканища», в котором без труда можно увидеть аллегорию Иосифа Сталина. «Таракан» оказался похлеще Крокодила. Он пытался заставить Капицу работать над созданием ядерного оружия. Но Капица отказался строить атомную бомбу. Получив в свое ведение Институт физических проблем, Капица вынужден был сотрудничать с кремлевской властью. При этом его работа, переписка, телефонные разговоры контролировались, его выдающихся сотрудников арестовывали и сажали в тюрьму. Капице приходилось постоянно писать письма Молотову, Берии, Сталину, Хрущеву, Андропову, чтобы отстаивать свою личную свободу как ученого и свободу своих коллег. Его смертельным врагом был Берия, который добивался у Сталина разрешения на арест ученого. Сталин выжидал и даже напоминал Капице, что он ждет очередных его писем. В 1946 году Капица был изгнан из Института физических проблем, снят со всех других долж-

ностей и вынужден был жить у себя на даче, где он работал в домашней лаборатории с помощью двух его сыновей. Так продолжалось до самой смерти Сталина, который заигрывал с ученым, просил его писать ему письма, но при этом всегда держал его под присмотром Берии. Но это уже другая, необычайно трагическая и интересная страница биографии П. Л. Капицы, которая выходит за пределы нашего освещения.

Только после смерти Сталина, в хрущевскую оттепель Капица вновь приехал в Кембридж. В 1966 году он был гостем Черчилль-колледжа, где навещал своего старого друга Кокрофта, ставшего к тому времени мастером этого колледжа. В Лондоне Капица выступил перед членами Лондонского королевского общества с воспоминаниями о Резерфорде. В это время Тринити-колледж избрал его почетным феллоу. В 1978 году он был удостоен Нобелевской премии по физике за «фундаментальные открытия в области физики низких температур».

Сегодня еще есть в Черчилль-колледже люди, которые помнят этот приезд Капицы и которые рассказывали мне об этом событии. Профессор Ричард Кейнс рассказывал, как он вез в своей машине Капицу из Лондона в Кембридж и наслаждался разговором с ним. Но сам Капица рассказал о своем приезде в статье «Тридцать два года спустя», и лучше всего послушать его самого: «Говорить об Англии трудно, потому что это страна не совсем обычная. Только прожив в ней, как я, 13 лет, можно действительно понять, что это совсем необычная страна... Эта страна примечательна своим внешним консерватизмом и внутренней прогрессивностью. Не быть в стране 32 года — это дает большие преимущества, потому что вы видите, что произошло. Я приехал в Англию по приглашению Королевского общества, чтобы прочесть лекцию “Мои воспоминания о Резерфорде”, а также получить медаль Резерфорда Английского физического общества.

Меня очень любезно встретили, и я поехал в Кембридж. Я решил жить в Кембридже и выезжать только в Лондон. И вот я жил в Кембридже, в Черчилль-колледже. Черчилль-колледж — это совершенно новый колледж, созданный в последние 10 лет. Хотели отметить память Черчилля, была открыта подписка и собрали несколько миллионов фунтов

стерлингов, на которые и создали этот колледж¹. Ответственным за строительство был Джон Кокрофт. Он когда-то работал со мной по сильным магнитным полям, мы с ним близкие друзья и он предложил мне жить в Черчилль-колледже...

Черчилль-колледж Кокрофт построил совершенно новому. Во-первых, вместо старинной готики он выстроен в современном стиле. А во-вторых, там женщины допускаются к столу. Студенты могут приводить обедать своих подруг. Здесь традиции старинных колледжей были сломлены. И внешне он выглядит совершенно иначе...

Я сразу пошел в Кавендишскую лабораторию, посмотрел, что там делается. Надо сказать, что эта лаборатория вместе с Мондовской перестали быть центром физики в Англии. Объясняется это разными причинами: было неудачное руководство, был сперва Брэгг, затем Мотт, и они недостаточно сохранили крупных ученых. И сейчас самые центральные фигуры в Кембридже — это, во-первых, Крик и Перутц по генетическому коду и по структуре молекул. Они начали свою работу в Кавендишской лаборатории, но почему-то Мотт предложил им покинуть эту лабораторию, сказал, что по тематике не подходит, и они ушли и сейчас работают совершенно самостоятельно. Вот за это упрекают Мотта. У него остался Райл, работающий в области астрофизики»².

Капица был превосходный рассказчик и поэтому часто прибегал к преувеличениям, чтобы привлечь внимание слушателей. В частности, в этом воспоминании он утверждал, что за 32 года в Кембридже ничего не изменилось, и даже его университетская мантия осталась висеть на своем месте в гардеробе Тринити-колледжа. На самом деле это было не так, и сам Капица свидетельствовал об этом своим рассказом. В Кембридже появились новые колледжи, которых не было

¹ Здесь Капица несколько неточен. Фонд на постройку колледжа был основан самим Уинстоном Черчиллем в 1958 г., а в 1960 году королева утвердила его проект, что считается датой основания колледжа. Черчилль умер в 1965 году, когда колледж уже функционировал. Поэтому память о Черчилле «отметил», скорее всего, сам Черчилль.

² Капица, Тамм, Семенов в очерках и письмах. С. 100–102.

в то время, когда Капица был в лаборатории Кавендиша. Черчилль-колледж, гостем которого был он сам, был тому примером. А самое главное, лаборатория Кавендиша, которая в 20-х годах была центром физических исследований, утратила свое значение, из нее ушли люди, которые сделали здесь свои мировые открытия. И эта лаборатория потеряла одного из самых быстро прогрессирующих ученых, который мог бы стать самым крупным ученым с мировым именем, — самого Капицу. Конечно, Кембридж потерял многое с того момента, как Сталин запретил Капице туда вернуться. И к тому же за время отсутствия Капицы изменилась ориентация кембриджской науки, от изучения структуры атома она обратилась к проблемам астрофизики, как бы предвидя новые открытия в космосе, и к генетике.

Но это было не последнее свидание Капицы с Кембриджем, он еще дважды приезжает в Англию, в 1973 и 1976 годах, останавливаясь в Черчилль-колледже.

В Кембридже Капица был тесно связан с Тринити-колледжем, одним из самых больших и богатых. В 1923 году он защищает докторскую диссертацию и получает здесь статус студента-исследователя, с 1925 года избирается феллоу или членом колледжа, а в 1966 году — почетным феллоу. Но Капица думал не только о себе, но и о своих учениках. В 1926 году в Кавендишскую лабораторию приезжает работать Юлий Борисович Харитон, будущий руководитель Российского центра по атомной энергии. В том же 1926 году он становится членом Тринити-колледжа в качестве студента-исследователя, а в 1928 году защищает в университете докторскую диссертацию. С 1928 по 1930 годы возможность работать в Кавендишской лаборатории получает Кирилл Дмитриевич Синельников, будущий украинский академик. И он тоже становится студентом-исследователем Тринити-колледжа. Наконец, первый аспирант Капицы, англичанин, родившийся в Петербурге, — Дэвид Шёнберг также становится членом Тринити-колледжа с 1919 по 1936 годы, защитив докторскую диссертацию в Кембриджском университете в 1935 году. В 1947 году он становится директором лаборатории Монда, продолжая исследовать ту же тематику, что и его научный руководитель.

Поэтому Петр Капица связан не только с университетом, но и с колледжем, в котором он имел квартиру и жил до того времени, пока у него не родился сын Сергей.

В Кембридже память о Капице не умирает. Напоминанием о нем остается крокодил на стене бывшей магнитной лаборатории, директором которой он был назначен, но так и не успел ею руководить. У этого изображения обычно стоят группы туристов, которым объясняют, как хищное животное стало символом доброго человека и добрых дел. Сохранился «дом Капицы», за номером 173 по Хантингдон-роуд. Он был построен в 1929 году по проекту архитектора Х. Хьюза, который спроектировал и лабораторию Монда. Сюда семья Капицы переехала с наемной квартиры, здесь родился его младший сын Андрей, ныне профессор МГУ. Это двухэтажное строение с большим фруктовым садом. После вынужденного отъезда Капицы в Россию этот дом пришлось «подарить» Академии наук, поскольку советским людям не разрешалось иметь собственность за границей, государство всегда стремилось прибрать к рукам то, что по праву принадлежало частным лицам. Но Академия ни рубля не вложила ни в охрану дома, ни в его ремонт. Поэтому дом был заброшен, соседи вынесли из него всю мебель. Остались только два стула, подаренные Капице Резерфордом. Дом и окружающий его сад стали быстро приходить в запустение, зарастать травой и кустарником. Когда я впервые побывал в Кембридже, мне сказали в Черчилль-колледже, как найти дом Капицы: надо идти вдоль по Хантингдон-роуд, и первый же заросший и неухоженный дом будет домом Капицы. Так и оказалось на самом деле, дом выделялся своей заброшенностью. Сегодня за домом следят сыновья Петра Капицы — Андрей и Сергей, которые привели его в порядок, хотя юридически дом до сих пор принадлежит Академии наук.

Память о русском ученом, его вкладе в развитие физической науки в Кембридже сохранилась. Англичане вспоминают о Капице как о необычайно энергичном, обаятельном человеке, вокруг которого всегда объединялись люди. Он, очевидно, обладал талантом привлекать к себе людей, заставлять их думать, искать новые идеи и новые решения. Об этом свидетельствуют многочисленные издания книг о Капи-

це, написанные русскими и английскими учеными и историками¹. Жизнь и деятельность Капицы — свидетельство плодотворности русско-английских научных связей, которые не прекращались даже в самые трудные времена и в разгар «холодной войны». Как заметил Дэвид Шёнберг, Капица был и остается легендой Кембриджа.

Н. М. БАХТИН

С Кембриджем связана жизнь еще одного интересного и необычайно одаренного русского — Николая Михайловича Бахтина (1896–1950), брата известного теоретика литературы Михаила Михайловича Бахтина.

Жизнь Николая Бахтина богата событиями, неожиданными поворотами, осуществленными и неосуществленными проектами. Большинство его работ остались неопубликованными и стали известными только после его смерти. Человек художественного склада, он производил неизгладимое впечатление на каждого, с кем он встречался.

Родился Николай Бахтин в городе Орле в марте 1896 года. Его отец был служащим в банке, а родословная семьи уходила далеко в глубь столетий, вплоть до XIV века. Николай был старшим ребенком в семье из пяти человек. В детстве его воспитывала бонна, которая учила его немецкому языку. Еще в раннем детстве он познакомился с немецким переводом «Илиады» и «Одиссеи». Он много читал, прекрасно знал художественную и философскую литературу. Уже в 11 лет он прочитал «Рождение трагедии из духа музыки» Ницше — книгу, которая предопределила его занятия классической литературой.

Окончив гимназию, он поступает в Новороссийский университет, откуда переводится в Петербургский университет. В Петербурге он снимал комнату у сестры Врубеля. В уни-

¹ *Boag J. W., Rubinin P. E., Shoeneberg D. Kapitza in Cambridge and Moscow. North-Holland; Amsterdam; Oxford; New York, 1990; Badash L. Kapitza, Rutherford, and the Kremlin. New Haven; London, 1985.*

верситете он изучал классическую литературу, философию, филологию. Однако университет Николай Бахтин так и не окончил. В 1915 году он поступает в Николаевское кавалерийское училище, а после Октябрьской революции бежит в Крым и вступает в Добровольческую армию. Впоследствии он расскажет об этом периоде своей жизни в статье «Русская революция глазами белогвардейца».

После того, как Белая армия была разбита, он эмигрирует. Сначала он плавает матросом на торговых судах, а затем на пять лет завербовывается в Иностранный легион, но был тяжело ранен и вышел в отставку. Этот период жизни также получил литературное отражение в статье «Военный монастырь».

На этом его скитания кончаются. Он живет в Париже и работает в русском журнале «Звено», где заведует рубрикой «Из жизни идей». В этой рубрике он печатает большое количество рецензий, литературных обзоров, в частности, рецензию на книгу Николая Бердяева о Константине Леонтьеве. В журнале выходят его статьи «Паскаль и трагедия», четыре лекции «Современность и наследие эллинизма», «Антиномия культуры», «Ницше и музыка», «Шпенглер и Франция». В Париже Бахтин посещает литературный салон Мережковских.

Французский период жизни Николая Бахтина кончается быстро. В 1928 году преподаватель русского языка в Бирмингемском университете С. А. Коновалов приглашает Бахтина приехать на несколько месяцев в Англию. Бахтин воспользовался приглашением главным образом для изучения английского языка. Через три месяца пребывания в Бирмингеме он начинает читать Шекспира. Из Бирмингема он ездит в Уэльс и знакомится там с необыкновенной природой западного побережья Великобритании. После пяти месяцев пребывания в Англии Бахтин возвращается в Париж. Здесь он поступает в Сорбонну и, наконец, получает университетский диплом, который он не удосужился получить в Петербурге из-за войны и революции.

С 1932 года начинается английский период жизни Бахтина. Он приезжает в Кембридж, поступает в университет и защищает здесь докторскую диссертацию о происхождении мифа о кентаврах и лапифах. В Кембридже он подружился с

известным специалистом по греческой классике Френсисом Макдональдом Корнфортом, автором многочисленных комментариев к диалогам Платона. В это же время он встречается с Виттгенштейном, с которым они вскоре становятся близкими друзьями. Виттгенштейн всегда проявлял большой интерес к русской культуре, и в лице Николая Бахтина он нашел ее яркого представителя. Очевидно, не без влияния Бахтина Виттгенштейн совершил свое путешествие в Россию, хотя для этого были и другие, подчас невыясненные, причины¹. В последующем Виттгенштейн и Бахтин переписывались, и их письма представляют большой интерес для изучения биографии обоих ученых. В записной книжке Виттгенштейна, хранящейся в его кембриджском архиве, имя Бахтина упоминается часто, чаще, чем какое-либо другое имя.

В 1935 году Бахтин женится на англичанке Констанции Пэнтлинг, с которой он встречался в Париже, где она читала лекции для Британского института. Эта интеллектуальная женщина оказала большую помощь Бахтину в его адаптации к английской жизни, хотя в конце концов они расстались.

В Кембридже Бахтин пробыл недолго, всего три года. Впрочем, столько же времени пробыл здесь и Набоков. Это были годы научной зрелости, общения с Виттгенштейном, а также с другими русскими в Кембридже.

В 1935 году Бахтин получает приглашение на должность помощника лектора в университетский колледж в Саутхэмптоне. Для 40-летнего ученого это была низкая должность, которую обычно получают молодые преподаватели. Но Бахтин получал удовольствие от преподавания классической литературы, хотя, по его словам, ему приходилось здесь заниматься «вульгаризацией классики». В следующем году он подает документы на должность преподавателя на кафедре славистики Кембриджского университета. Блестящую рекомендацию ему дает Дмитрий Мережковский. Но конкурс был трудным, всего было подано 19 заявок, и только три были допущены к обсуждению, включая заявку Бахтина. Но работу в Кембридже Николай Бахтин все-таки не получил.

¹ Шестаков В. Людвиг Виттгенштейн: путешествие в Россию // Вопросы философии. 2002. № С.150–158.

Пришлось ехать в Бирмингем, куда его приглашает профессор Джордж Томсон, преподававший в университете греческий язык. С этого времени начинается сотрудничество Бахтина и Томсона, они вместе пишут несколько работ. В 1945 году Бахтин получает должность лектора по лингвистике и начинает читать самостоятельные курсы лекций по введению в лингвистику. Этот период жизни получил отражение в ряде статей, которые вышли уже после его смерти: «Аристотель versus Платон», «Классическая традиция в Англии». Последние годы жизни Бахтин посвящает изучению диалога Платона «Кратил», в котором он находил целую науку о языке. При жизни Бахтин опубликовал только одну статью «Введение к изучению современного греческого языка» (1935). Он сам оплатил ее издание и на обложке поставил место выхода — «Кембридж», хотя, по существу, она была издана в Бирмингеме. Очевидно, Бахтин хотел тем самым подчеркнуть свою связь с университетом, в котором он стал доктором философии. Собрание статей Бахтина появилось в издании Бирмингемского университета в 1963 году с предисловием Ф. М. Уилсона¹.

Н. Бахтин был плодовитым мыслителем. Он оставил большое количество заметок, набросков, статей. К сожалению, далеко не все ему удалось напечатать, превратить в книги, исследования, как это было свойственно его старшему брату М. М. Бахтину.

Бахтин серьезно интересовался вопросами культуры. Об истории культуры он писал свои статьи, об этом он читал лекции. Представляет интерес его оценка английской интеллигенции и сравнение ее с русской. «Интеллигенция, о которой я говорю, не имеет ничего общего с тем классом, который называется “интеллигенцией” в Англии. В Англии нет и никогда не было интеллигенции в истинном смысле этого слова. Здесь образованный класс и правящий класс составляют единое целое: это сплоченный класс, противостоящий народу, а внутри этого класса нет перегородок: специалисты, университетские преподаватели и ученые выступают заодно

¹ *Bachtin N. Lectures and Essays / Introd. by M. Wilson. Birmingham, 1963.*

с духовенством и полицейскими органами: у них единая система интеллектуальных и нравственных ценностей, у них единый образ жизни, и защищать им приходится одно и то же. Те, кто в этой стране претендует на звание “интеллигенции”, — высоколобые представители Блумсбери, эксцентрики разного рода, — это просто чудаки, которые не играют в стране никакой реальной роли и никто, кроме них самих, не воспринимает их всерьез. В России это было совсем не так. Определенные условия исторического развития вызвали к существованию совершенно особую и игравшую важную роль оппозиционную прослойку общества. В нее, по существу, входили все образованные люди страны, а среди них были представители всех классов, от родовой аристократии до представителей крестьянства и пролетариата, которым удалось — в результате личных усилий или везения — получить образование, а главное — открыть для себя интеллектуальные ценности»¹.

Бахтин умер от сердечного приступа в 1950 году, в расцвете сил, когда ему было всего 54 года, за один год до смерти Виттгенштейна. Кембриджский период жизни был недолгим. Но Бахтин покинул Кембридж не по своей воле. Он не был в состоянии получить здесь работу, но в течение короткого времени пребывания в Кембридже он стал здесь заметной фигурой. Долгое время историки обращались к его имени и работам в связи с возникшей в Кембридже дружбой с Виттгенштейном. В дневниках Виттгенштейна, хранящихся в его кембриджском архиве, возглавляемом Майклом Нидо, имя Николая Бахтина повторяется днем за днем. О том, как высоко Виттгенштейн ценил мнение Бахтина, свидетельствует запись в дневнике от 7 января 1937 года: «Я опять стал писать *без смирения и самоотдачи*. Итак, я боюсь, что то, что я напишу, покажется Бахтину хуже, чем то, что я дал ему раньше». Встреча двух оригинальных мыслителей — австрийского и русского — в Кембридже, действительно, представляется знаменательной.

Об отношениях Бахтина и Виттгенштейна писали многие. Прежде всего, Фаня Паскал, которая давала уроки русского

¹ Приводится по кн.: *Казнина О.* Русские в Англии. М., 1997. С. 168.

языка Виттгенштейну перед его поездкой в Россию¹. О дружбе Виттгенштейна и Николая Бахтина много писал Терри Иглтон². Кроме статьи на эту тему, он написал интеллектуальный роман «Святые и ученые» (1987), героями которого являются Бахтин и Виттгенштейн. В нем рисуется встреча на английской земле двух разных людей – русского культуролога и австрийского философа. Каждый представляет свою культуру. «Россия Бахтина задыхалась от отсутствия культуры, Вена Виттгенштейна задыхалась от ее тяжести». И тем не менее, оба нуждаются друг в друге.

Вместе с тем, за последнее время имя Николая Бахтина начинает рассматриваться в новом аспекте, по отношению к биографии и культурологическим идеям его брата Михаила Бахтина. Этому, в частности, посвящена статья Г. Тиханова «Миша и Коля: Брат-Другой», перевод которой с английского языка появился в журнале «НЛО»³. Как считает Г. Тиханов, чтобы понять феномен Михаила Бахтина, надо понять его отношение с братом. Очевидно, что их разделяло многое еще в юности, когда они были вместе. Как писал Николай, «делила нас тревожная вражда». Николай был импульсивен, эмоционален, хватался за многое, не завершая и не доводя до конца оригинальные идеи. Михаил был более основателен, постоянен, интровертен, сосредоточен на главном. Их пути в жизни разошлись: один прошел через фантастические трудности, приключения, достойные разве что детективного фильма, и, наконец, после мытарств в Крыму, Болгарии, Константинополе, Иностранном легионе, во Франции, оказался в уравновешенной в социальном отношении Англии. Другой вел спокойную академическую жизнь у себя на родине, в России, занимаясь литературой итальянского Возрождения. Братья не общались друг с другом, к тому были серьезные причины – слежка и политический надзор, но, очевидно, при всем этом они были знакомы с работами друг

¹ *Pascal F. Wittgenstein. Sources and Perspectives.* Hassocks, Sussex, 1979. P. 23–60.

² *Eagleton T. Wittgenstein's Friendship // New Left Review.* 1982. P. 64–90.

³ *Тиханов Г. Миша и Коля: Брат-Другой // НЛО.* 2002. № 57.

друга. В 70-х годах, когда репрессии стихли, Михаил Бахтин отказался принять архив брата, который привезли ему из-за границы. В общем, как казалось бы, между ними было полное отчуждение.

И между тем, в их идеях было много общего. В 1927 году в журнале «Звено» Николай Бахтин написал статью «Спорт и зрелище». В ней он противопоставлял греческий *agon*, соревнование, в котором каждый был участником, римскому цирку, где участники и зрители были разделены непреодолимой стеной. Это была, в понимании Николая Бахтина, модель современной культуры, где спорт превращается в зрелище со всеми вытекающими отсюда последствиями. Идея *agon'a* была близка ренессансному карнавалу Михаила Бахтина, как культуре, в которой каждый был и зрителем, и участником. В общем, как отмечают исследователи, между братьями Николаем и Михаилом Бахтиными существовали силы притяжения и отталкивания, которые могут объяснить происхождение популярных теорий.

По-видимому, исследование наследия Николая Бахтина, его работы в Оксфорде и Бирмингеме только начинается. Уже первые ее результаты указывают на творческое воздействие обоих Бахтиных как на английскую, так и на русскую философию и культуру¹.

А. Ф. ЛОПУХОВА

Известная русская балерина Лидия Федоровна Лопухова (1892–1981), будучи в дягилевской труппе, получила другое имя, которое придумал ей в 1914 году Сергей Дягилев — Лопокова. Очевидно, оригинальное русское имя плохо звучало для французского и английского уха, вот и пришлось Лопу-

¹ Тиханов Г. Бахтин в Англии. Дополнение к биографии Н. М. Бахтина и к истории рецепции М. М. Бахтина // Тыняновский сборник. Вып. 10. М., 1998. С. 591–598; Tichanov G. Nikolai Bakhtin and the Oxford University Russian Club: Three Records (1934–1946) // Slavonica. 1999. Vol 5. № 2. P. 17–23.

ховой стать Лопоковой. (Точно так же Дягилев окрестил Спесивцеву — Спесивой.) Во всяком случае, для англичан Лопухова известна теперь только как Лопокова, и все публикации о ней воспроизводят это странное и не очень русское имя.

Лопухова не обучалась в английских университетах. Но как жена Мейнарда Кейнса, практически возглавлявшего Кингз-колледж в Кембридже, она оказала большое влияние и на город, и на его университет, в том числе, и на тех русских, которые в нем учились. Память о ней в Кембридже жива, и праправнук Дарвина и племянник Кейнса рассказывал мне о жизни и характере своей тетки. Поэтому мы считаем необходимым рассказать историю ее жизни.

О Лопуховой-Лопоковой в Англии издано несколько книг. В одной из них собраны все воспоминания о ней и некоторые ее статьи, во второй изданы ее письма к мужу, известному английскому экономисту Джону Мейнард Кейнсу. Но вернемся к самому началу, к тому времени, когда Лидия была Лопуховой и жила в России.

Лидия Лопухова родилась в Петербурге 21 октября 1892 года. Отец ее был капельдинером в театре, страстно влюбленным в театр. В раннем детстве девочка была отдана в императорскую балетную школу, которую окончила в 1909 году. Уже через год она поступает в дягилевскую балетную группу и совершает гастроль в Берлин, Париж и Брюссель. В 1910 году она уезжает в США, где в течение шести лет выступает в мюзик-холле. В Америке она выходит замуж за итальянца Рандольфо Барокки, который был менеджером у Дягилева. Барокки был намного старше Лидии и, как выяснилось позднее, был женат до этого на итальянке и женился на Лопуховой, не получив развода. В дягилевскую группу Лопокова (под этим именем она была известна за границей) возвращается в 1916 году, когда группа «Русский балет» с Нежинским в качестве главного танцовщика приезжает в Нью-Йорк. Она танцует с Нежинским и вместе с группой совершает турне по Южной Америке и Испании.

В 1918 году она впервые приезжает в Лондон, где с большим успехом выступает в поставленных Мясиным балетах «Благовоспитанная леди» и «La Boutique Fantastique». Здесь она завоевала сердца лондонцев исполнением канка-

на. Но именно в Лондоне произошел грандиозный скандал. Лидия бросила труппу и на несколько дней исчезла из вида публики. Дягилев объявил в прессе о неожиданной болезни балерины, но на самом деле причиной ее исчезновения была романтическая встреча с одним из русских офицеров. Ее роль в балете пришлось исполнять Вере Немчиновой. И, конечно, брак с Барокки распался. Лопокова вынуждена была на несколько лет покинуть труппу Дягилева.

Через два года Лопокова получила разрешение Дягилева вернуться в труппу, и в мае 1921 года она приехала в Париж, где танцевала в «Жар-птице», «Сильфиде» и «Петрушке». В конце мая труппа приезжает в Лондон, где были представлены двенадцать балетов, и во всех них Лопокова принимала участие. В Лондоне Дягилев начинает готовить представление «Спящей красавицы», в котором, наряду со Спесивцевой и Трефиловой, должна была танцевать и Лопокова.

Мейнард Кейнс познакомился с Лопоковой в 1918 году, но их отношения стали складываться в 1921 году. Кейнс присутствовал на всех представлениях «Спящей красавицы». Однако постановка этого балета оказалась не слишком успешной, она подорвала финансовые возможности Дягилева. Поэтому труппа распалась, и Лидия Лопокова вынуждена была выйти из нее. Некоторое время она танцевала в Лондоне в театрах на Ковент-Гардене и в Колизее.

В это время Кейнс познакомил ее с группой своих кембриджских приятелей, которые поселились в Лондоне в районе Блумсбери, отчего этот кружок получил название «группа из Блумсбери». В нее входили поэт Томас Элиот, писатель Е. М. Форстер, художественный критик Клайв Белл и его жена Ванесса — сестра Вирджинии Вульф, сама Вирджиния Вульф (до замужества — Стивен) и ее муж Леонард Вульф, издатель, владелец издательства «Хогарт-пресс», одноклассник Кейнса по Кембриджу Литтон Стрейчи — автор биографических романов, художник и критик Роджер Фрай, художник Дункан Грант, ближайший друг юности Кейнса — элита английского искусства 30-х годов. Конечно, на фоне этих личностей Лидия была аутсайдером. Кейнс уговорил Лидию покинуть дорогой отель, в котором она жила, и поселиться на Гордон-сквер в Блумсбери. Приятели Кейнса не

без опасения приняли Лидию в свой элитарный кружок, они не без основания боялись, что его женитьба на русской балерине приведет к ослаблению их влияния на него. В особенной мере против женитьбы на Лопоковой была Ванесса Белл, которая была своего рода опекуней Мейнарда Кейнса. Она привыкла считать его своей домашней собственностью и не хотела ни с кем делиться. Члены кружка Блумсбери взяли Лидию «в штыхы», они постоянно подвергали ее критике, их раздражала ее непосредственность, ошарашивающая способность Лидии говорить, что думаешь, ее английское произношение, ее манера держаться за столом, заходить к соседям в гости без приглашения и т. д. Они чувствовали ее чужой и не жалели язвительного остроумия по ее адресу.

В этом отношении представляют интерес знаменитые «Письма Вирджинии Вульф», составившие шесть томов. Можно привести несколько примеров из этого эпистолярного наследия. 24 мая 1923 года Вирджиния Вульф пишет своей сестре Ванессе Белл:

«Бедный маленький попугайчик — она сидит в ярком кимоно у окна, ожидая его, я полагаю. Мне кажется, она скоро начнет читать “Нэшн”. Вот какая трагедия случается, когда попугайчики залетают к кому-то».

4 ноября она пишет художнику Жаку Раверату, мужу Гвэн Дарвин:

«Хочу сообщить вам маленькую сплетню о Мейнарде и Лидии. В сентябре мы вместе с ними гостили в графском доме, и это было непросто, так как манеры Лидии далеко не графские... Лидия, у которой отец был лакеем в петербургском отеле, очевидно, не знает всех правил поведения. У нее душа белочки, ничего лучшего про нее не скажешь. Она может часами гладить свой нос передней лапкой. Несчастное существо, попавшее в Блумсбери, она еще пытается заучить Шекспира наизусть. Нельзя без жалости смотреть, как она сидит за “Королем Лиром”. Никто не принимает ее всерьез, каждый может поцеловать ее».

В письме Жаку Раверату от 24 декабря 1924 года она пишет о Лидии: «бедный воробышек, она превратилась в настроженную, молчаливую, серьезную, респектабельную птицу с перьями, сидящую на яйцах и без конца кудахчущую. Она

находится в меланхолии, и я предвижу время, когда она с неудовольствием будет воспринимать всякое упоминание о балете».

Наконец, в письме Ванессе Белл от 15 мая 1927 года, Вирджиния Вулф замечает: «Лидия постепенно созревает. У нее есть свои маленькие истории и шуточки, но они рассчитаны на домохозяйек... Мне кажется, ее трагедия в ребячливости, которая разъедает ее изнутри».

Как мы видим, Вирджиния Вулф не меняет своего отношения к Лидии даже после ее замужества. Она не прощает ей ни одной ошибки и как бы стремится доказать, что Лидия — человек не их круга и попала в него совершенно случайно.

Конечно, Лопокова отличалась от всех них и по интеллекту, и по национальности, и по профессии, и по характеру — никто из них не мог бы сравниться с ней по непосредственности и открытости. Было бы странно, если бы она была похожей на кого-нибудь из изъеденных скепсисом и снобизмом блумсберийцев.

Единственной подругой, кто искренне пыталась помочь Лидии в это трудное время, была Вера Боуэн, дочь богатого помещика с Украины, которая вышла замуж за Гарольда Боуэна. Гарольд был студентом в Пембрук-колледже, Кембридж, изучал русский, а затем турецкий и арабский языки. Вера занималась балетными постановками, ставила абстрактные балеты. В период с 1922–1925 годы Вера и Гарольд морально поддерживали Лидию в ее скрытой войне с Блумсбери, приглашали ее в свое огромное поместье Колворз под Лондоном.

Тем не менее, свадьба состоялась в августе 1925 года в присутствии отца и матери Кейнса и многочисленных друзей. Свидетелями были со стороны жениха — Дункан Грант, а со стороны невесты — Вера Боуэн. Для многих женитьба уже известного экономиста на русской балерине воспринималась как скандал. Майкл Холроуд в своей биографии Литтона Стрейчи писал: «Литтон поражался, как мог Мейнард жениться на этой “полоумной канарейке”. Она крутилась и порхала, щебетала с кем ни попадя, все время попадала впросак, демонстрируя совершенно нечленораздельную английскую речь. Это настоящая катастрофа. Как Мейнард

мог так поступить? Зачем он это сделал? Все блумсберийцы поражены...».

Однако были и другие мнения на этот счет. Герберт Уэллс в том же 1925 году сказал о Лопоковой: «Она не только умна для балерины, она умнее кого бы то ни было, а у Кейнса — самые лучшие мозги в стране». Жизнь показала, что Уэллс оказался прав. Лидия оказалась хорошей женой, настоящим другом и помощником для своего мужа. Р. Херрод, автор биографической книги о Кейнсе, который хорошо знал Лопокову, пишет о ней: «Лидия стала первостепенной личностью. Она была хорошей и верной женой, никогда не уклонялась от трудностей. Это создание, созданное из воздуха, полное юмора и эмоциональности, вступило на суровый путь долга как человек, которого с юности воспитывали в строгости. Быть может, глубокая, уравновешенная русская душа помогла ей пронести тяжелое бремя жизни с терпением и благородством. Ее веселость была нескончаемой, ее дух всегда оставался высоким. Никто не слышал ни слова жалобы, и не только слова, но и шепота, ни вздоха. То, что она давала, шло от ее доброй природы и истинной любви»¹.

Экономист Остин Робинсон, много общавшийся с Кейнсами, в статье «Жена экономиста» писал: «Я всегда считал, что Лидия самая подходящая жена для Мейнарда. Не могу представить его женатым на каком-нибудь “синем чулке”, даже если бы этот чулок был бы с экономической подкладкой»².

Как свидетельствует младший брат Мейнарда Джеффри, Лидия во многом изменила его отношения с братом. В своей автобиографии он пишет: «С появлением Лидии многое изменилось. С первой минуты я полюбил ее, и она отвечала мне тем же. Отношение Мейнарда ко мне изменилось немедленно, с этого момента он стал добрым и любящим братом. Маргарет и я стали постоянными гостями в их доме на Гордон-сквейр, Блумсбери, и в их загородном доме в Тилдоне, Сассекс, где иногда бывали и другие гости, как Курто или Виттгенштейн. Недалеко от Чарлестона жили Клайв Белл

¹ *Herrod R. The Life of Jhon Maynard Keynes. New York, 1966. P. 480.*

² *Lydia Lopokova / Ed. by Milo Keynes. London, 1983. P.6*

и его жена Ванесса, с которыми было приятно встречаться, когда они были отделены от других членов Блумсбери»¹.

Женитьба на русской балерине связала Кейнса с Россией. Как он писал, «для меня Россия — это очень близкая вещь, в то время как для общества это все более удаляющийся от нас объект»².

Кейнс трижды ездил в Россию. В первый раз — в сентябре 1925 на празднование 200-летия Петербургской Академии наук, на котором он официально представлял университет Кембриджа. Результатом этой поездки явилась статья для журнала «Нэшн» «Краткий взгляд на Россию». Впоследствии эта статья вышла отдельной книгой в принадлежащем Леонарду и Вирджинии Вульфам издательстве «Хогарт Пресс».

Это было небольшое частное издательство, которое издавало в основном эстетическую литературу, принадлежащую перу членов кружка Блумсбери — Р. Фраю, Томасу Элиоту, Э. Форстеру. Книга Кейнса была очередным, тринадцатым выпуском издательства. Она была небольшой по размеру, всего 28 страниц.

Главная и довольно парадоксальная идея книги была связана с оценкой ленинизма. Для Кейнса ленинизм и большевизм представлялись как определенный тип религии, как религиозное верование, сочетающее утопизм и прагматизм, мистицизм и материализм. Впрочем, Кейнс был лишен предубеждений относительно советской России. Он полагал, что лучше иметь дело не с царской, а с советской Россией.

В 20-х годах не было недостатка в описаниях европейскими авторами советского общества. Можно вспомнить заметки о России Герберта Уэллса, Бернарда Шоу, Бертрана Рассела. Одни были восторженными, другие — негативными. И все они основывались, главным образом, на кратковременном пребывании в стране и сугубо личностном восприятии советской России.

Следует отметить, что на протяжении нескольких десятилетий Кейнс был центром притяжения для либеральной

¹ Keynes G. The Gates of Memory. Oxford, 1983. P. 198.

² Lydia and Maynard. Letters between Lydia Lopokova and Maynard Keynes / Ed. by P. Hill, R. Keynes. London, 1989. P. 162.

интеллигенции в Кембридже и поддерживал личные связи со многими русскими, посещавшими университет. Прежде всего, следует назвать Петра Капицу. В феврале 1924 года Кейнс посетил лабораторию Кавендиша, в которой в то время работал Петр Капица. *«Сегодня после обеда, — пишет Кейнс жене об этом посещении, — я видел атом. Мне показали лабораторию Кавендиша, где физики производят свои выдающиеся опыты, и двое сопровождающих давали мне объяснения. Это было очень интересно. Одним из них был молодой русский по имени Петр Капица. Он изобрел замечательный инструмент и показался мне очень умным»*¹.

Кейнс был хорошо знаком с советским послом в Лондоне Майским, с Сергеем Дягилевым, с подругой жены русской театральной деятельницей Верой Бовен, с Николаем Бахтиным и другими. Он способствовал поездке в Россию Людвига Виттгенштейна, хотя был против его намерения остаться в СССР навсегда. Кейнс читал русские книги, интересовался событиями в России.

Жизнь Лидии Лопоковой после ее замужества была тесно связана с Кембриджем. Мейнард Кейнс был членом Кингз-колледжа и имел комнату в колледже. Поэтому каждый уик-энд он приезжал из Лондона в Кембридж. Здесь, рядом с Художественным театром, в проезде Сент Эдвард, они приобрели квартиру.

Кроме того, на ферме Тилтон в графстве Сассекс, сравнительно недалеко от Брайтона, они снимали дом, в котором часто жила Лидия. Когда они не виделись, они обменивались письмами друг с другом. Эти письма, изданные Ричардом Кейнсом, представляют большой интерес как свидетельство большой духовной общности между мужем и женой.

Лидия обладала прирожденным чувством юмора, который можно было принять за простодушие. Мило Кейнс пишет по этому поводу: «Я никогда не встречал никого из группы Блумсфилд, который обладал бы таким же чувством юмора и остроумия, как Лидия. Ее юмор никогда не был злым, хотя она часто нарушала приличия. Блумсберийцы были удивлены этим отсутствием злобы и

¹ Lydia and Maynard. P. 164.

ее счастливым остроумием, что они часто принимали за глупость»¹.

Но Лопокова не было безобидной девочкой для битья, она вполне могла постоять за себя даже перед лицом холодного интеллектуального остроумия и издевательства, которым так часто обливали ее блумфилдцы. О Вирджинии Вульф, которая постоянно пыталась принизить ее, она однажды сказала: «Вирджиния — это букет сладко пахнущих цветов в словах».

Закончив карьеру балерины, Лидия не переставала активно заниматься искусством. Мейнард Кейнс пожертвовал значительную сумму на строительство «Арт Тиэтр» — художественного театра в Кембридже, который открылся в 1936 году. Лидия постоянно выступала в драматических представлениях в «Арт Тиэтр», она играла Селимену в «Мизантропе» Мольера, в «Карьере мота» по мотивам Хогарта. До этого в другом театре Кембриджа АДС она играла Оливию в «Двенадцатой ночи» Шекспира, участвовала как драматическая актриса в постановках Ибсена.

Распростившись с группой Дягилева, она не оставила балет. Можно сказать, что она внесла значительный вклад в развитие английского балета. В 1925 году, после свадьбы Мейнарда и Лидии, в газетах было объявлено, что Лидия покончила с балетом и больше танцевать не будет. Это оказалось неправдой. Она еще танцевала в русском балете, гастролировавшем в Лондоне, а также в английском балете Уик-Уэлс, позднее получившего название Королевского балета. Лидия консультировала некоторые постановки этого балета и сама учувствовала в балете «Кефал и Прокрида» (1931), в «Копелии» (1933).

В 1938 году Лидия Лопокова выступала на радио с программой русской классической литературы, включая Чехова, Толстого, Горького и Достоевского, а в 1943 году была комментатором радиопостановки «Войны и мира» Толстого.

Лидия Лопокова не без труда, но с большим энтузиазмом осваивала английский язык и английскую литературу. Она много читала, штудировала Шекспира, литературу XVIII века.

¹ Lydia Lopokova. P. 15.

Но она никогда не забывала русские традиции, русский язык и оставалась русской на протяжении всей своей жизни в Англии. Об этом свидетельствует ее статья «Мы русские, вы — англичане», которая появилась 13 марта 1929 года в «Дейли Кроникл». В этой статье Лидия не без основания доказывала, что в России есть свои традиции, такие же прочные, как традиции в Англии. Англичане пьют чай в строго отведенное для этого время, в России чай пьют много и без ограничения во времени. То же самое происходит и с разговорами, они происходят в любое время дня.

«Существует еще одна отличительная черта, которая всегда поражала меня. Каждый англичанин имеет небольшой доход, иногда всего несколько фунтов в год. Но вместе с тем каждый на что-нибудь жертвует. Мне казалось смешным, что каждый респектабельный англичанин платит пять шиллингов на обращение евреев, пять шиллингов — на окончание войны, пять шиллингов на кошачьи домики, пять шиллингов на то, чтобы обучить жен шахтеров контролировать рождаемость, пять шиллингов на поддержку одиноких матерей и пять шиллингов на то, чтобы перевести Библию для пауасов. Я не воспринимаю всерьез моего мужа, когда он подписывает чеки на всякие такого рода пожертвования. В России никто этого не делал с того момента, как возник мир. Русские подумают, что вы сошли с ума. Но мы вкладываем большие суммы в малую экономику. Мы поддерживаем наши семьи. Даже самый отъявленный коммунист поддерживает жену своего самого отдаленного родственника. В России связь происходит по крови или по женитьбе... Так мы живем в России, много говорим, постоянно пьем чай, поддерживаем сотню родственников, и мы считаем, что глупо писать то, что я вижу на портале каждой церкви в Англии: *мужчина не должен жениться на своей бабушке*»¹.

Превратившись из балерины Лопуховой в леди Кейнс, Лидия сопровождала своего мужа во многих его поездках — в Америку, в Канаду, присутствовала на многих дипломатических приемах. Об этом времени не без иронии рассказывает Исайя Берлин, служивший в то время в британском

¹ Lydia Lopokova. P. 218–219.

посольстве в Вашингтоне. Судя по его рассказам, Лидия и при встречах с высокопоставленными людьми редко считалась с дипломатическим этикетом, оставаясь самой собой, в большей мере Лидией Лопоковой, чем леди Кейнс.

Когда Мейнард Кейнс заболел, Лидия заботливо ухаживала за ним, следила за его здоровьем. С Мейнардом у них, несмотря на различие в профессиях, было много общего — любовь к театру, к современной живописи, к книгам. Они вместе читали Шекспира, Ибсена, Чехова. Она стремилась следовать за его мыслью, читала его книги, статьи в журналах. Ей не всегда удавалось проникнуть в тайны экономики, она признавалась, что «мозги Мейнарда более эластичны, чем мои ноги».

Лопухова прожила долгую жизнь. После смерти Мейнарда Кейнса в 1946 году она жила еще 35 лет. Она провела остаток своей жизни в Тилтоне, Сассекс, недалеко от Брайтона. Здесь она встречалась с друзьями, читала книги, вспоминала о своих днях в балете. Она по-прежнему отличалась эксцентричностью и собирала ягоды на своей ферме, будучи совершенно голой. Она много рассказывала знакомым и друзьям, навещавшим ее, о своем учителе Петипа, о Дягилеве, Нежинском, Карсавиной, Мясине. К сожалению, она не писала своих воспоминаний (за исключением небольшой статьи на смерть Сергея Дягилева). А ей было о чем рассказать, и при встрече с друзьями она рассказывала о многом, что сегодня имело бы первостепенный интерес для истории русского балета. Правда, в 1934 году она выступала на радио Би-Би-Си со своими воспоминаниями о дягилевской группе, которые были опубликованы Мило Кейнсом только в 1983 году.

Последние четыре года жизни она провела в доме престарелых. Как пишет Мило Кейнс, «здесь она по-прежнему была счастлива и довольна жизнью, хотя временами утрачивала память, но по-прежнему непосредственно смеялась. Ее становилось трудно понимать, так как русские слова мешались с английскими. Последний раз, когда я навещал ее, я просил ее не употреблять русских слов, которые я не понимал. Но она вполне логично ответила — “Зато я их понимаю”»¹.

¹ Lydia Lopokova. P. 37.

Сохранились многочисленные портреты Лидии Лопуховой, написанные многими художниками. Очевидно, ее яркий и независимый характер, манера говорить и танцевать привлекали художников. Одним из них был Пикассо. Его первые рисунки Лопуховой относятся к 1917 году, когда дягилевская группа находилась в Италии. На рисунке, сделанном зелеными чернилами, он изображает ее вместе с Мясиным и Дягилевым. Замечательный ее портрет карандашом Пикассо нарисовал в 1919 году в Лондоне. В это же время он сделал рисунок, изобразив ее и Мясина, танцующих канкан. Наконец, он прислал из Нью-Йорка экспрессивный рисунок танцующей Лидии, сделанный на обороте ресторанного меню. Эти рисунки до сих пор хранятся в доме профессора Ричарда Кейнса в Кембридже, и мне удалось их увидеть. Сэр Ричард рассказал мне много интересных историй о своей экстравагантной русской тетке.

Кроме того, пастельный рисунок сделала Элизабет Полунина, английская жена русского художника Владимира Полунина, который оформлял многие спектакли Дягилева. Серию рисунков танцоров дягилевской группы сделала член Королевской академии художеств Лаура Найт. Среди них было много рисунков Лидии, сидящей в театральной уборной, одевающейся перед зеркалом, пьющей чай за столом.

Выдающийся английский портретист Огастас Джон предложил Лопуховой написать ее портрет маслом. Портрет остался незаконченным, но сохранился (он находится теперь в Национальном музее Уэльса) карандашный набросок стоящей Лидии, грациозно облокотившейся на пилястр стены.

Лидию Лопухову часто и охотно рисовали художники из группы Блумсбери. Не допуская ее в свой круг, они, тем не менее, не могли не признавать ее характерность и эмоциональность. Хороший ее портрет с цветами в руках нарисовала Ванесса Белл в 1923 году, ее акварельный портрет писали и Дункан Грант, и Роджер Фрай. Замечательный двойной портрет Лидии и Мейнарда, написанный в 1932 году, принадлежит Уильяму Робертсу (Национальная портретная галерея, Лондон).

Таким образом, образ Лидии Лопуховой сохранился не только в воспоминаниях современников, не только в иссле-

дованиях историков балета, но и в произведениях искусства. Конечно, она занимает исключительное место в истории русского балета, но, пожалуй, не меньшую роль она сыграла и как жена знаменитого экономиста, и как посол русской культуры в Англии, и прежде всего в Кембридже.

Б. В. АНРЕП

Борис Васильевич Анреп (1883–1969) был одним из немногих русских, кто в XX веке обучался в английских художественных заведениях и, по сути дела, только в Англии стал художником, хотя, волею судеб, его жизнь тесно переплеталась с литературой и поэзией.

Анреп родился в семье профессора судебной медицины. Его предки по отцовской линии связаны с теми шведскими воинами, которые были взяты в плен в сражениях с Карлом XII. Семья жила в Петербурге и Анреп обучался в гимназии. Но уже в юности он много путешествовал и обучался в нескольких частных школах в Англии. Впоследствии он окончил юридический факультет Петербургского университета, но принял решение бросить занятия правом и заняться изучением искусства. В 1908 году он уезжает в Париж, а с 1910 года учится в Колледже искусств в Эдинбурге. Окончив колледж и получив диплом, он приезжает в Лондон.

В Лондоне он встречается с замечательным художником из Уэльса Огастасом Джоном, прекрасным портретистом, человеком яркого художественного темперамента. Последний принял участие в судьбе молодого художника и помог ему организовать в 1913 году первую выставку, на которой были представлены рисунки, акварели и мозаики. Но успех получили главным образом мозаики. Даже О. Джон заказал ему мозаики для своего дома, и в дальнейшем Анреп занимался больше всего мозаиками.

В это же время Анреп познакомился с художественным кружком Блумсбери, куда входили писатели, философы и художники. Это название произошло от района Лондона близ университета и Британского музея, куда в начале XX столе-

тия перебрались две сестры — Ванесса и Вирджиния Стивен. Ванесса училась живописи, Вирджиния начинала писать. Вскоре вокруг них образовался интеллектуальный и художественный кружок, оказавший сильное влияние на развитие английского искусства в сторону модернизма.

В числе его членов были художники Роджер Фрай, Дункан Грант, Клайв и Ванесса Белл, писательница Вирджиния Вульф, экономист и меценат Мейнард Кейнс, его жена, русская балерина Лидия Лопухова, писатели Е. М. Форстер и Литтон Стрейчи. Частым гостем в Блумсбери был писатель Олдос Хаксли. Это было неформальное объединение, не имеющее какого-то определенного устава или программы. Тем не менее, их членов объединяли общие вкусы и интересы, неприятие викторианской морали, высокий интеллектуализм, поиски новых художественных форм.

Корни интеллектуализма Блумсбери находились в Кембридже. Клайв Белл, Леонард Вульф, Литтон Стрейчи были членами Тринити-колледжа в Кембридже, Мейнард Кейнс и писатель Форстер принадлежали Кингз-колледжу. Здесь в обществе «Апостолов» формировалось новое, антивикторианское направление мысли. Членом «Апостолов» был молодой философ Джордж Мур, который в 1903 году издал свой трактат «Principia Ethica». В этой книге Мур пересматривал этические ценности, такие как «добро», «истина», «значение», освобождая их от викторианского ригоризма и интерпретируя их в направлении бентамовского гедонизма.

В своих воспоминаниях «Мои ранние верования» (1949) Джон Мейнард Кейнс писал об этом времени: «Я поступил в Кембридж в 1902 году, и в это же время вышли из печати книга Мура "Principia Ethica". Я не уверен, что современное поколение читало ее, но на нас она оказала сильное влияние... Сам Мур был пуританином и педантом, Стрейчи — вольтеринцем, Вульф — рабби, я — нонконформистом, Клайв — дружелюбным и веселым псом. Мы не часто видели Е. М. Форстера, который уже тогда выглядел темной лошадкой. Мур совершенно вытеснил Мак-Таггарда, Дикинсона, Рассела. Его влияние было вдохновляющим, оно открывало новый ренессанс, новые небеса на новой земле. Мы были предшественниками нового завета, мы не боялись ничего...

Мы отреклись от всех версий доктрины о первородном грехе, который является иррациональным источником вырождения большинства людей. У нас не было никакого уважения по отношению к традиционным добродетелям или ограничивающих нормам»¹.

Свобода от нравственных табу, открытое обсуждение всех вопросов философии, политики, морали перешло в наследство из Кембриджа в лондонский район Блумсбери, где поселилось большинство выпускников Кембриджа. Здесь обсуждались проблемы морали, эстетики, писались романы. Леонард Вулф, муж писательницы Вирджинии Вулф, открыл собственное издательство «Хогарт пресс», которое издавало либеральные и критические книги.

Главная тенденция в эстетике Блумсбери была связана с адаптацией английским искусством передовых течений в зарубежном искусстве, прежде всего искусства Франции и России. Из Франции Роджер Фрай экспортировал постимпрессионизм. Из России блумсберийцы восприняли стилистику и энергетику «русского балета», в котором они обнаруживали, с одной стороны, традиции искусства Византии, а с другой, свободу выражения, тягу к эксперименту, свойственную искусству модернизма.

Теоретиком и идеологом группы был Роджер Фрай. Он получил образование в университете Кембриджа, где он, поступив в Кингз-колледж, стал заниматься изучением естественных наук. В 1880 году Фрай был избран членом общества «Апостолов», членами которого были также Мур, Кейнс, Стрейчи. В Кембридже Фрай подружился с К. Эшби, возглавлявшем гильдию ремесленного труда, возникшую под влиянием моррисовского движения «Арт энд крафт». Его собственная жена, которая умерла в 1910 году от неизлечимой болезни, была художником по витражу. Окончив с отличием Кембридж, Фрай едет в Италию, а затем в Париж, где он занимается изучением искусства. В 1899 году он издает первую свою книгу о Джованни Беллини, предисловие к которой написал историк искусства Бернард Беренсон. В 1903 году он

¹ См. Bloomsbury. The Artists, Authors and Designers by Themselves / Ed. by G. Naylor. London, 2004. P. 37–38.

приглашается в редакционную коллегию вновь созданного артистического журнала «Barlington magazine».

На следующий год Фрай едет в США, где знакомится с американским миллионером и меценатом П. Морганом. В это время он получает приглашение занять пост заместителя директора музея Метрополитэн в Нью-Йорке. Фрай сотрудничает с американскими музеями и фондами до 1910 года. После этого он возвращается в Англию, без постоянной работы, но с репутацией знатока современного искусства. К этому времени относится его встреча с членами кружка Блумсбери, прежде всего с Клайвом Беллом и его женой Ванессой (до замужества Стивен), на которой он женился в 1907 году. Клайв в то время писал большую книгу, которая должна была называться «Новый Ренессанс». Позднее он издал материалы этого исследования в виде книг «Искусство» (1914) и «Цивилизация» (1928), получивших широкую известность в Англии.

Самым крупным художником среди блумсберийцев был, по-видимому, Дункан Грант (р. 1885). Он был не только художником, но и дизайнером, работающим по ткани, по керамике, им было подготовлено несколько театральных декораций. Раннее детство он провел в Индии. В Англии он в 1902 поступает в Вестминстерскую художественную школу. После ее окончания он едет в Италию, где занимается копированием работ Мазаччо, затем в Париж, где знакомится с работами импрессионистов и оказывается под сильным влиянием Сезанна. Он был членом группы «Кемден Таун», основанной в 1911 году, и группы «Омега Уоркшоп», возглавляемой Роджером Фраем.

Находясь под влиянием дягилевских спектаклей, Дункан Грант расписывает в 1912–1913 году стены в частном доме на Брансуик-сквер, 38. На этой фреске он изображает теннисистов, сражающихся на теннисном корте. Но теннис для Гранта не спортивная игра, а скорее великолепный танец, сочетающий атлетизм и сексуальность. Кристофер Рид, написавший книгу о работах Гранта этого времени, пишет: «Если рассматривать их все вместе, эти декорации в жилом квартале на Брансуик-сквере представляют собой различные версии модернистской фантазии, порожденной русским балетом. Движения танца и тенниса являются метафорой

эротики, и поэтому эти изображения являются аллюзией секса. В своих воспоминаниях Осберт Ситвелл так описывает предвоенный Лондон: «Каждый угол, каждый светильник, каждая подушечка отражали сюжеты русского балета». Художники из Блумсбери не были единственными англичанами, кто рисовал под влиянием русских спектаклей, но они принесли эстетику русских танцев к себе в дом. Тем самым они превратили свои дома в театральные подмостки для домашней жизни, и, как и русский балет, возвели примитивную сексуальную свободу, которая ассоциировалась с Востоком, во что-то глубоко современное»¹.

В этой творческой атмосфере Анреп чувствовал себя как рыба в воде. Он принял участие в организованной Р. Фраем в 1912 году выставке постимпрессионизма в галерее Графтон. Английскую часть выставки взял на себя Р. Фрай, а русскую собирал Анреп. Он включил в нее Н. Гончарову, М. Сарьяна, М. Чюрлениса, К. Петрова-Водкина. Это была первая русско-английская выставка, показавшая достоинства русского авангарда.

В Англии Анреп успешно занимался мозаиками. Он украсил Вестминстерский собор, но эти занятия прервала мировая война. После ее конца Анреп занимался установлением мозаик в частных домах и в галерее Тейт. Самая большая работа, субсидированная известным меценатом С. Кусто, выполнена им для вестибюля Национальной галереи. Сюжетом мозаик явился цикл «Пробуждение муз». Анреп представил в аллегорической форме большинство своих друзей по Блумсбери, включая Клайва Белла, Вирджинию Вулф, Лидию Лопухову, Анну Ахматову, а также видных людей Англии — Уистона Черчилля, Бертрана Рассела, Огастаса Джона и других. Все эти сюжеты редко рассматриваются публикой, которая редко смотрит под ноги. Тем не менее, при входе в Национальную галерею изображены в аллегорической форме русские и английские культовые фигуры, целая портретная галерея. Ей посвящен каталог, который можно приобрести в книжном магазине галереи. По сути дела, это один из немногих вкла-

¹ Bloomsbury. The Artists, Authors and Designers by Themselves / Ed. by G. Naylor. London, 2004. P. 105–106.

дов русского искусства в английское изобразительное искусство XX века.

Анреп стал и героем литературной истории. Олдос Хаксли изобразил его, правда, в ироническом и мало привлекательном виде, в своем романе «Желтый Кром». Ему была посвящена лирическая поэзия Анны Ахматовой, с которой он расстался и отказался встретиться вновь, когда она приезжала в Оксфорд на присуждение ей почетного звания.

Брат Б. В. Анрепа Глеб Васильевич также эмигрировал в Англию. Здесь он защитил степень доктора медицины. В 1926–1927 годах он работал в Кембридже, где преподавал физиологию. В 1928 году он был избран членом Лондонского королевского общества. Но с 1931 года Глеб Анреп переезжает в Египет, где он преподавал в Каирском университете. Выполненные Г. Анрепом переводы работ физиолога И. Павлова были изданы в Оксфорде.

Хотя оба брата находились в эмиграции в одной стране, у нас нет свидетельств того, что они поддерживали друг с другом тесные связи. Уж больно разными они были людьми. Один — академический ученый, усидчивый исследователь, другой — художник, вращающийся в кругу английской художественной элиты. Не повторяется ли здесь такая же история, что и с братьями Николаем и Михаилом Бахтинскими, которых разделяли, правда, не только психологические, но и политические границы?

А. С. БЕЗИКОВИЧ

Любопытна биография русского математика Абрама Самойловича Безиковича (1891–1959), богатая драматическими событиями. Он родился в семье караимов в Бердянске. Помимо него, в семье было еще трое братьев и две сестры. Его отец был ювелиром, но после ограбления магазина отказался от торговли драгоценностями и служил кассиром. Он дал всем своим детям прекрасное образование, все они окончили Петербургский университет. Один из братьев стал математиком и писал математические книги, другой — доктором медицины.

Абрам был младшим сыном в семье. Он рано проявил математические способности, еще в детские годы он увлекался решением математических задач. Поступив в Петербургский университет, он в 1912 году получил университетский диплом и опубликовал свою первую статью по теории вероятности. В 1916 году в городе Пермь открылся новый университет в качестве отделения Петербургского университета. Безикович получил здесь должность профессора математики. Новый университет стал быстро развиваться, в нем стали работать крупные ученые, и здесь стал печататься журнал по физике и математике. В 1920 году Безикович вернулся в Петербург, ставший теперь Петроградом, и стал преподавать математику в университете и в Педагогическом институте.

В 1916 году Безикович женился на Валентине Витальевне Дойниковой, преподавательнице математики, которая была старше его. Брак не был удачным, и в 1926 году он был расторгнут. Здесь же, в Перми, он познакомился с вдовой математика Марией Ивановной Денисовой, которая воспитывала двух дочерей, четырех и пяти лет. В голодные годы он поддерживал эту семью, подкармливая ее кониной, купленной по случаю у крестьян.

Преподавание в университете в советское время было непростым делом. Его студенты, выходцы из рабочей среды, не имели достаточного среднего образования и с трудом понимали его лекции. Тем не менее, молодой профессор не отказывался от своих обязанностей. В начале 20-х годов он послал документы на получение Рокфеллеровской стипендии для учебы за границей. Неизвестно, получил бы ее Безикович, так как советская власть отказала молодому ученому в выезде за границу. Тогда Безикович решил на бегство из страны, что было далеко не безопасно. Вместе со своим коллегой, математиком Ю. Д. Тамаркиным они ночью перешли финскую границу. (Позднее Тамаркин натурализовался в США.)

В конце 1924 года Безикович оказывается в Копенгагене, где Рокфеллеровский фонд предоставил ему возможность поработать один год с датским ученым, специалистом по периодическим функциям Гарольдом Бором. Безикович

оказался способным учеником и усвоил теоретические принципы Бора. Однако стипендия скоро кончилась, и надо было искать новое место работы. В 1925 году Безикович приезжает на несколько месяцев в Оксфорд, где встречается с математиком Г. Харди. Тот, распознав в Безиковиче незаурядный математический талант, рекомендует его в университет Ливерпуля, где он работает в 1926–27 годах. Но Безикович ищет более престижное место. В 1927 году он приезжает в Кембридж и остается здесь на всю жизнь. Сначала он получает должность университетского лектора, а с 1930 года открытый для многих иностранцев Тринити-колледж избирает его своим феллоу. С этим колледжем связана вся жизнь Безиковича в Кембридже.

Получив постоянное место в Кембридже, Безикович приглашает к себе Марию Денисову с ее дочерьми. В 1928 году он женится на старшей из дочерей Валентине, которой было всего 16 лет. Не имея своих детей, он приглашал в колледж детей своих знакомых, снабжая их бумагой для рисования и сладостями. Как и его отец, он проявлял любовь к детям.

С 1927 по 1950 годы Безикович регулярно читает курсы по математике, которые очень скоро стали популярными. Правда, его английский язык был далек от совершенства и, разговаривая со своей женой только по-русски, он никогда не избавился (да и не стремился к этому) от русского акцента. Некоторые из студентов посмеивались над его языком, который, при всех недостатках, был понятен. На это Безикович однажды сказал: «Джентльмены, 50 миллионов англичан говорят по-английски так, как говорите вы, но 500 миллионов русских говорят по-английски так, как говорю я». Ничто не убеждает математиков так, как цифры.

Безикович был талантливым математиком и не менее талантливым преподавателем. О его лекциях в Кембридже до сих пор существуют легенды. О нем мне рассказывали профессора Черчилль-колледжа Ричард Кейнс и Генри Бонди, которые сохранили о нем самые хорошие воспоминания.

Он задавал своим студентам парадоксальные задачи, требуя их решения математическим путем. Например, задача такого рода: в закрытом цирке с одинаковой максимальной скоростью движутся голодный лев и христианин. Как так-

тику нужно избрать христианину, чтобы лев его не поймал? И как нужно двигаться льву, чтобы позавтракать? Безикович вычислял путь, по которому лев никогда не поймает христианина, хотя они будут в непосредственной близости.

Безикович предпочитал общаться со своими студентами не только на лекциях, но и на прогулках. У него было большое количество аспирантов и учеников, некоторые из них стали известными учеными. Среди них был, например, Генри Бонди, сам эмигрант из Германии, получивший впоследствии за свои работы в области астрофизики и магнетизма дворянское звание и почетные награды. В своей автобиографической книге «Черчилль-колледж и я» Бонди вспоминает о том, как при поступлении в университет его экзаменовал Безикович. Первоначально Бонди не смог ответить ни на один из вопросов знаменитого математика, но через несколько месяцев он вновь пришел к нему и с успехом ответил на все его вопросы. В конце концов Безикович, как рассказывает Бонди в своей автобиографической книге, должен был сказать: «Я вижу, вы все хорошо знаете, давайте покончим с этим, и я вам лучше расскажу о своих приключениях в революционной России»¹.

Генри Бонди с большим уважением относится к своему учителю и пишет в своих воспоминаниях: «В своих лекциях (я слушал их на последнем курсе), так же, как и в процессе руководства, он вежливо и без всякого злорадства приводил аргументы студентов к абсурдным выводам, чтобы показать, что решения оказываются порой иными, чем их предположения, и поэтому логический анализ опровергает понятия обыденного разума. В результате все, кто учился у него, становились лучшими математиками, и никто из них не забывал его лекций и его личности. В то время его английский был весьма своеобразным, в нем полностью отсутствовали артикли. Но Безикович умел прекрасно общаться и учить, несмотря на несовершенство его языка». Бонди вспоминает, что лекции Безиковича в шутку называли «Basic English», пародируя имя Безиковича и его необычный английский язык.

Хотя Безикович был хорошим лектором, он занимался и публикациями по проблемам математики. Он написал

¹ Bondi H. Science, Churchill and Me. Oxford, 1990. P. 17.

большое количество статей и книгу «Почти периодические функции», изданную в 1932 в издательстве Кембриджского университета (переиздана в 1955 году в Нью-Йорке), которая явилась результатом его занятий с Бором. За свою жизнь Безикович получил несколько наград за развитие математики и был избран членом Королевского общества (1934).

После выхода в отставку в 1958 году Безикович совершает несколько поездок в США и с успехом читает лекции в ряде университетов. Но он возвращается каждый раз в Кембридж, который стал его родным домом. Его здоровье ухудшилось, и в 1969 году он умирает в Тринити-колледже.

Однако в Кембридже память о нем жива и сегодня. Профессор Кейнс, потомок семей Дарвина и Кейнса, увлеченно рассказывал мне о его встречах с русским математиком. Герман Бонди написал о нем очерк в своей автобиографической книге «Я и Черчилль-колледж». Историческая память — лучшее свидетельство роли и значения человека.

Д. П. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ

Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (1890–1939) — одна из трагических фигур в русской литературной и политической истории XX века. Жизнь его связана с серией невероятных подъемов и не менее грандиозных падений. Сын царского сановника, который в 1904–1905 годах был министром внутренних дел, он стал одним из востребованных русских публицистов и журналистов в Англии, автором талантливых книг по истории русской литературы, как древней, так и современной.

Как и В. Набоков, Святополк-Мирский воспитывался в семье англофилов и уже в детском возрасте владел английским языком. В Петербургском университете он изучал историю литературы. Начало его собственной литературной деятельности относится к 1911 году, но революция помешала его занятиям. Из России он в 1919 году эмигрировал через Константинополь в Грецию. Здесь он написал очерки рус-

ской литературы XIX века, которые он послал в Лондон, где они были напечатаны на английском языке.

В 1921 году Мирский приезжает в Лондон, где публикует серию статей о современных русских писателях и мыслителях русского религиозного ренессанса. В следующем году его приглашают занять место профессора в Школе славянских исследований Кингз-колледжа Лондонского университета. Кроме того, он печатает большое количество статей о русской истории и литературе. В 1925 году он публикует книгу о современной русской литературе, а в 1927 году «Историю русской литературы с древнейших времен до смерти Достоевского, 1881». Эта книга долгое время считалась лучшим трудом в этой области, написанном на английском языке. Читая лекции и публикуя свои работы, Мирский написал и защитил в Лондонском университете магистерскую диссертацию о Пушкине.

В Англии Святополк-Мирский внимательно следил за английскими книгами, написанными о России. Его рецензии и оценки были достаточно критическими и справедливыми, отвергающими идеализацию России. Одним из популярных писателей о России был Стивен Грэм, который знал Россию не понаслышке. Он много путешествовал, побывал на Украине, в Крыму, на Кавказе. Грэм написал десятки книг о России, где он стремился доказать, что Россия — мистическая страна, страна крайностей, лишенная всякого прагматизма. Святополк-Мирский критически оценил книгу Грэма «Неоткрытая Россия» (1912). Он писал: «Кому приходилось иметь дело с иностранными книгами о России и особенно о русской литературе, знает, какая это неисчерпаемая сокровищница нелепости и непонимания. Английские книги составляют исключение. Англичане, увлекающиеся русской литературой, отличаются особым истерически-сентиментальным складом ума. Из них особенно типичен автор “Неизвестной России” Стивен Грэм. В последнее время английская любовь к России сосредотачивается на именах Достоевского и Чехова и тесно связана с быстрым ростом новой “интеллигентщины”, разительным образом напоминающей первые стадии в истории нашей собственной интеллигенции. Поэтому в более английски мыслящих кругах Англии любовь к русской литературе

находится под естественным и справедливым подозрением. Соприкосновение с русской культурой губительно для всех лучших качеств англичанина и особенно для его прославленного “чувства юмора” — *sense of humour* (что между прочим, вовсе не то же самое, что мы называем эти именем). Проникнутый “русским духом” англичанин делается мрачным истериком и анархическим педантом»¹.

Гораздо более положительно он относится писателю к Морису Берингу, который в своих книгах о России отбрасывает все привычные стереотипы о загадочной «славянской душе», «русской мистике» и поэтому, по словам Святополка-Мирского, он «оказывается ближе к истине»².

Благодаря замечательному таланту общения, Мирский вошел в элитарный круг интеллектуалов Блумсбери, возглавляемый Вирджинией и Леонардом Вульф. В их доме он встречался с Джоном Мейнардом Кейнсом и его русской женой Лопуховой. Он много путешествует, посещает Берлин, Париж, Нормандию, Швейцарию. Его многогранная деятельность как пропагандиста русской литературы поражает обилием публикаций, выступлений, рецензий, встреч. Пожалуй, из всех русских эмигрантов в Англии Мирский был самым успешным и самым деятельным. Он достиг пика карьеры в 1928 году, пока не встретился с Максимом Горьким.

Эта встреча произошла в Сорренто и оказала на Мирского большое влияние. Горький очаровал Мирского и уговаривал его вернуться на родину. Начиная с этого времени в мировоззрении Мирского происходит коренной поворот. Аристократ, белогвардеец, сторонник модных в среде эмигрантов идей евразийцев, Мирский переходит на позиции марксизма и ленинизма. Он пишет статью «Как я стал марксистом» и книгу «Жизнь Ленина», опубликованные в английской прессе. Они вызвали бурный резонанс у английской интеллигенции. Многие объясняли его переход на марксистские рельсы свойственным ему стремлением к оригинальности и двойственности мышления. Если до этого он с энтузиазмом писал

¹ *Святополк-Мирский Д.* Новое в английской литературе: Морис Беринг // Звено. 1924. С. 3.

² Там же.

о деятелях русского религиозного Ренессанса, то теперь он описывает этот период интеллектуальной истории России как «метафизические миазмы». А близкое до того времени его сердцу евразийство теперь воспринимается им как «идеалистические и мистические фантазии». Как бы ни относиться к этим метаморфозам политического сознания, необходимо отметить, что все они были абсолютно искренними и не преследовали какие-то идеологические цели.

Многие друзья и знакомые Святополка-Мирского отговаривали его от возвращения в советскую Россию, предсказывая возможный трагический результат такого предприятия. Вирджиния Вульф записывала в своем дневнике от 28 июня 1932 года провидческие слова:

«Двенадцать лет он скитался по Англии по меблированным квартирам, а сейчас возвращается в Россию — “навсегда”. Наблюдая, как загораются и снова гаснут его глаза, я вдруг подумала: скоро быть пуле в этой голове. Вот что делает война, словно говорит этот загнанный в угол, попавший в западню человек». Но Мирский был непреклонен в своем решении, и в 1932 году оказывается в Москве с советским паспортом.

В Москве Мирский с новой энергией принимается за литературные дела. Он участвует в задуманной Горьким идее описать все истории фабрик и заводов в России. Поэтому он носится по стране, посещает предприятия, воспекает в своих статьях труд и машины. Другой проект Горького — коллективная книга о Беломорско-Балтийском канале. В ней Мирский тоже участвует, пишет главу «ГПУ, инженеры, проект». Правда, наряду с этим он пишет статьи об английской литературе — о Шекспире, Свифте, Смоллетте, Киплинге, Олдингтон, О. Хаксли.

Правда, уже с самого начала начинаются и трудности. Мирский привык писать то, что он думает, и не скрывать своих оценок современной литературы. Так он поступал с английскими, так он поступает и с советскими авторами. Он выступил с критикой романа А. Фадеева «Последний из удэге», что положило начало травле в центральной прессе. В какой-то мере его спасала защита М. Горького, но в 1936 году Горький умирает, и Мирский остается без защиты. Московский Союз писателей обвиняет Мирского во всех смертных гре-

хах, в том числе предательстве и шпионаже. В июне 1937 года Мирского арестовывают и отправляют в тюрьму. Здесь его допрашивают и выносят приговор — «измена родине», за что он получает 8 лет трудовых лагерей. Точная дата смерти неизвестна, но большинство исследователей считает, что она относится к 1939 году.

Гибель Мирского вызвала на Западе бурю возмущения, разочарования в советской власти даже у тех, кто испытывал по отношению к ней иллюзии и симпатии. Другой представитель кружка Блумсбери Леонард Вульф писал: «Когда подумаешь, что из этой среды его затащили в советскую паутину, чтобы лишить жизни, — то душу переполняет отчаяние оттого, что коммунизм, это вывернутое наизнанку добро, снова и снова “освещает дуракам дорогу к недостойной смерти”».

Аналогичная судьба могла ожидать другого представителя английской интеллигенции, философа Людвиг Виттгенштейна из Кембриджа, который приехал в Россию, чтобы тоже остаться здесь «навсегда». Он был согласен на преподавание философии в любом провинциальном вузе или даже на работу санитаром в больнице. К счастью, поездка Виттгенштейна, предпринятая примерно в одно и то же время с возвращением Мирского, оказалась без последствий, и Виттгенштейн мирно вернулся в Кембридж заведовать кафедрой философии. Но он был в одном шаге от гибели, которую принял в полной мере выпускник Оксфорда князь Святополк-Мирский.

Г. П. СТРУВЕ

Корни Глеба Петровича Струве (1898–1985) уходят в далекую английскую историю. Его мать была англичанкой, праправнучкой Джеймса Артура Герда (Heard), который вводил в России обучение по системе Ланкастера. Поэтому английский язык он знал с детства. Отец Глеба Петр Струве, философ и общественный деятель, в 1916 году был награжден степенью почетного гражданина Кембриджского университета, и 18-летний Глеб сопровождал отца в его поездке в Англии. Во время

гражданской войны он вступает в Добровольческую армию генерала Алексеева. После Октябрьской революции Глеб вместе с отцом переходит финскую границу и добирается до Англии. В 1919 году он поступает в Оксфордский университет в один из престижных колледжей — Бэллиол. В 1922 году он получает степень бакалавра по истории. На этом, собственно, кончаются ученические годы и связь с Оксбриджем. Никаких воспоминаний об учебе в Оксфорде Струве, очевидно, не сохранил. Во всяком случае, в его статьях и книгах об этом не говорится. Но связь с образованием он не потерял.

После окончания Оксфорда Глеб Струве много путешествует, занимаясь издательской и журналистской деятельностью. Он побывал в трех центрах русской эмиграции — Праге, затем Берлине (1922–1924), и, наконец, в Париже (1924–1932). В Париже Струве работает в крупных эмигрантских издательствах, сотрудничая со своим отцом. Здесь он печатается в газетах «Россия» и «Россия и славянство», в журналах «Новый мир», «Русское слово», «Сегодня», «Руль», «Возрождение». Он также пишет статьи о современной английской поэзии и литературе, в частности, об О. Хаксли, Дж. Пристли, Вирджинии Вулф, У. Б. Йейтсе.

Парижский период жизни занимает у него десять лет. Но судьбе было угодно, чтобы Струве вновь вернулся в Англию. В 1932 году Д. Мирский покинул пост лектора в Школе славянских и европейских исследований в Лондоне, и Струве предложили занять это место. Правда, ему предоставили фактически место помощника лектора (*assistant lecturer*) по русской литературе, но выбирать не приходилось. И Струве принял этот пост, переехав в Лондон. Первые же свои лекции он посвятил Бунину, Набокову, Замятину и Леонову.

Струве преподавал не только в Лондоне, но приезжал и в другие университеты, в частности, в Оксфорд. Так что в Англии Струве вернулся от журналистики к университетскому преподаванию. И хотя должность помощника лектора не давала больших доходов, семье удавалось сводить концы с концами.

Струве специализировался по советской литературе. Он писал лекции и рецензии на сочинения Федина, Катаева, Шолохова и др. В 1935 году он издал курс лекций «Soviet Russian

Literature», которая была дополнена и переиздана в 1944 и 1946 годах как университетский учебник. Во время войны Г. Струве возвращается в Оксфорд и читает там лекции по русской и советской литературе. В 1947 году ему предлагают переехать в Калифорнийский университет, Беркли. Американский университет давал более обеспеченное положение, и Струве принимает приглашение. С этого времени начинается американский период его жизни. Помимо Калифорнийского университета, Струве читал лекции в Гарварде, Вашингтоне, Торонто. В 1965 году он выходит в отставку, но все еще продолжает читать лекции в американских университетах.

Наряду с лекционной работой, Струве занимался издательской и литературно-критической деятельностью. В 1956 году он издал в Нью-Йорке книгу «Русская литература в изгнании». Он сделал очень многое для популяризации сочинений Владимира Набокова, о котором написал несколько статей. Струве был организатором приезда Набокова в Лондон в 1937 году, где писатель читал свои новые произведения.

Другой темой литературно-критических и исследовательских статей Струве были русские и английские утопии. Ему принадлежат работы об антиутопиях Замятина «Мы», Олдоса Хаксли «Прекрасный новый мир» и «1984» Джорджа Оруэлла. Причем из всех этих трех произведений Струве отдавал предпочтение роману Замятина, хотя и находил между ними идейную связь и преемственность.

Живя в Америке, Г. Струве сохранял связь с английскими литературоведами, занимался исследованиями о русских ученых в Англии, писал о поездке Тургенева в Шотландию. Можно полагать, что из трех стран, где протекала его жизнь, — Франции, Англии и США, — Англия оставила наиболее заметный след в его жизни и творчестве.

С. А. КОНОВАЛОВ

В те же годы, что и Струве, в Оксфорде учился Сергей Александрович Коновалов (1899–1982). Он тоже принадлежал к известной семье, был сыном министра промышленно-

сти и торговли во Временном правительстве. Более того, после отставки Керенского он два дня был премьер-министром. После падения Временного правительства, семья эмигрирует в Англию. Поступив в Оксфорд, Сергей Коновалов сначала изучал политическую экономию, а затем занялся литературой. Получив диплом бакалавра в 1922 году, он в 1925 году поступил в аспирантуру и успешно защитил докторскую диссертацию. После этого он возглавил отделение русского языка и литературы в Бирмингеме и читал лекции, как по древней, так и по современной русской литературе. В общей сложности Коновалов преподавал в Бирмингеме более пятнадцати лет, с 1929 по 1945 год. Он всячески поддерживал Николая Бахтина, давая ему работу в Бирмингемском университете после того, как Бахтину отказались предоставить место в Кембридже. Он организовал встречу Бахтина с Романом Якобсоном, который после этого назвал Бахтина «действительно даровитым».

Занятия литературой Коновалов сочетал с экономической деятельностью. В 1931 году он организовал в Бирмингеме Экономическое бюро по исследованию экономического положения России. В работе этого бюро принимали участие русские экономисты А. Байков, С. Тюрин, Е. Кускова, которые публиковались в записках этого бюро. К сожалению, работа бюро осложнилась конкуренцией со стороны известного русиста Б. Пэрса, который публиковал периодические обзоры русской экономики в журнале «Славянское обозрение». Poleмика Пэрса против бирмингемского бюро привела к скорому прекращению его публикаций.

В 1945 году Коновалов получил звание профессора и должность заведующего кафедрой славистики в Оксфордском университете. Эта кафедра не получила такого широкого резонанса, как аналогичная кафедра в Кембридже. Во всяком случае, в Оксфорде С. А. Коновалов своей школы, связанной с изучением славистики, не создал. Быть может, этим объясняются нелестные воспоминания о нем его коллеги по Кембриджу Элизабет Хилл¹.

¹ Hill E. In the Mind's Eye. The Memoirs of Dame Elizabeth Hill. Lewes, 1999. P. 439–441.

Возможно, виною этому была позиция заведующего кафедрой, который старался не привлекать к преподаванию эмигрантов и не слишком расширять их сферу деятельности. Сам Коновалов не поддерживал связей с русской эмиграцией в Лондоне. Об этом свидетельствует его однокашник по Оксфорду Г. Струве, который писал: «В 1930-х и 1940-х годах мы преподавали в британских университетах, я — в Лондоне, а он — сначала в Бирмингеме, а потом в Оксфорде (со званием профессора). К 1960-м годам, когда я уже жил довольно давно и преподавал в США, наши взгляды сильно разошлись, переписка наша постепенно сошла на нет, и в последние годы я ничего даже не слышал о нем».

Коновалов часто жаловался на одиночество, ругая одновременно и англичан, и русскую эмиграцию. Постепенно он переходил на просоветские позиции. Он издавал журнал «Oxford Slavonic Papers», в котором печатались многие русские эмигранты. Самым заметным итогом его литературной деятельности была антология советской литературной критики, вышедшей в Оксфорде в 1971 году.

Сегодня литературное наследие С. А. Коновалова пристально изучается. Его литературный архив находится в Бодлеанской библиотеке. Публикуются статьи в его память¹.

Д. Д. ОБОЛЕНСКИЙ

Русская аристократия имела моду посылать своих детей в Кембридж. Здесь побывал не один десяток детей из аристократических фамилий. В большинстве случаев эти посещения не имели никаких научных последствий. Но существует одно исключение — это князь Дмитрий Дмитриевич Оболенский (1918–2001), известный филолог-медиевист, автор многочисленных работ по русской и славянской литературам и византийской истории.

¹ Кандыба-Фокскрофт Е. Памяти ушедших: профессор С. А. Коновалов, 1899–1982 // Новый журнал. 1982. № 140. С. 276–279.

В какой-то мере биография Оболенского пересекается с биографией Владимира Набокова. Оба они — русские эмигранты, потерявшие родину и страстно о ней тосковавшие. У обоих была нелегкая эмигрантская жизнь, заставлявшая странствовать по различным городам и странам в поисках физического и интеллектуального убежища. Оба получили воспитание в англофильских семьях. Оба учились в Кембридже и даже в одном и том же колледже — Тринити. Оба увлекались литературой и поэзией, правда, один как поэт и писатель, другой как историк литературы. Даже увлечения юности у них были одинаковые — оба играли в футбол и теннис. Оба написали мемуары о своей жизни, в которых рассказывается о пребывании в Кембридже. Набоков написал свои знаменитые мемуары «Говори, память», Оболенский — менее известные, но не лишённые литературного интереса воспоминания «Хлеб изгнания» (английское издание 1999 года, на котором значит — «перевод с русского», но русского издания этой книги в Кембридже я не нашёл). Различие заключается только в том, что Набоков, получив кембриджский диплом, уехал из Англии и ещё долго колесил по свету, пока не оказался в Швейцарии, а Оболенский остался в Оксбридже: после 11 лет пребывания в Кембридже он переезжает в Оксфорд и остаётся там до конца своей жизни, став англичанином и по паспорту, и, в известной мере, по мироощущению.

Семья Оболенских имела глубокие корни в русской истории, они уходили к Рюриковичам, к родоначальникам русской государственности. Отец — Дмитрий Александрович Оболенский был владельцем огромного стекольного завода в Пензе, основанного ещё в XVIII веке. На этом заводе, где работало до двух тысяч рабочих, изготавливались изящные произведения в стиле Фаберже. В 1902 году он поступает в Петербургский университет, но не заканчивает его по причине русской революции 1905 года. У себя в пензенском имении он был предводителем дворянства. Мать, княгиня Мария Шувалова, также происходила из древнего рода. Когда ей было 11 лет, её отец, градоначальник Москвы, был застрелен террористом. Родственниками были Воронцовы, истинные англофилы. Граф Семён Воронцов был русским послом в Лон-

доне. Его сын Михаил, генерал-губернатор новороссийский и бессарабский, заказал строительство крымского дворца в Алупке английскому архитектору Эдварду Блору, одному из строителей Букингемского дворца. В жизни Дмитрия Оболенского этот дворец сыграет символическую роль.

Дмитрий Оболенский родился 1 апреля 1918 года в Петербурге. В это время к власти в России пришли большевики, и семья начала свое долгое и мучительное бегство на Запад. Сначала она переехала в Москву, а из нее на санитарном, набитом людьми поезде, в Киев. Далее был Крым, где маленький Дмитрий получил отдельную комнату в алупкинском дворце. В последующем в этом дворце будут происходить встречи союзников, его посетит Уинстон Черчилль. Наконец, свой первый приезд в Россию Дмитрий Оболенский совершит в Крым, вернувшись во дворец в Алупке, из которого он и его семья спешно бежали, когда власть в Крыму стали захватывать большевики.

Весной 1919 года Оболенские по Черному морю плывут сначала в Грецию, потом в Константинополь, потом — на Мальту. Через Рим и Париж они едут в Англию, где на некоторое время останавливаются в маленьком городке в Кенте. Отсюда отец семейства Дмитрий Александрович через Швецию возвращается в Россию, чтобы вступить в ряды армии Юденича, наступавшей на Петроград. Перед этим он развелся со своей женой, которая в 1922 году вышла замуж за графа Андрея Толстого. Оболенские возвращаются во Францию и с 1923 по 1929 годы живут в Ницце.

Здесь Дмитрий посещает русский лицей, где преподавание велось на русском языке. Это было, по признанию Оболенского, самым счастливым периодом в его жизни. Семья в то время еще не бедствовала, т. к. приемный отец получил хороший пост директора в местном банке. Но экономический кризис заставил семью покинуть Ниццу и в поисках работы переехать в Париж, где они поселились в Версале. Андрей Толстой получил здесь место в страховой компании.

Для Дмитрия же наступило время отрочества. В 1929 году он едет в Англию и поступает в закрытую школу в Истбурне, директором которой был бывший гувернер в семье Толстых англичанин Гарри Гилберт. Из уважения к своим бывшим

хозяевам, которые постепенно впадали в бедность, Гилберт взял его в школу на один или два года бесплатно.

Это было, по признанию Дмитрия Оболенского, тяжелым временем для 11-летнего мальчика. Он испытал все прелести английской закрытой школы, которая, как принято считать, закаляет британский характер. Холодное, неотапливаемое помещение, в котором спали ученики, однообразная пища, обязательное утреннее купание в холодном бассейне, ностальгия — все это осталось тяжелым воспоминанием об учебе в Англии.

В 1931 году он возвращается во Францию и поступает здесь в лицей. После английской закрытой школы лицей ему кажется настоящим раем. Дисциплина здесь была значительно мягче, а вместо физических упражнений были сочинения и занятия литературой, историей и философией.

Жизнь эмигрантов во Франции становилась все тяжелее. Из миллиона людей, бежавших из России в 1918–1921 годы, 400 тысяч поселилось во Франции. Бывшие аристократы брались за любую работу — охранника, шофера, швейцара. Из 17 тысяч шоферов в Париже 7 тысяч были русские. Неустроенность жизни во Франции послужила, очевидно, главной причиной того, что Дмитрий Оболенский решил поступать в Кембриджский университет. В 1937 году он едет в Кембридж и в течение недели сдает письменные экзамены. Он удачно их выдержал и даже получил максимальную в то время стипендию в сто фунтов. Предстояло теперь выбрать предмет для обучения.

Первоначально Дмитрий Оболенский чуть ли не совершил ошибку, которая могла по-иному устроить его жизнь. Он решил избрать своим предметом философию или, как она называлась тогда в Кембридже, «моральную науку». Главным мотивом такого выбора были его занятия философией во Франции. Но Оболенский не представлял, как различилось понимание философии в этих странах. В Кембридже, где господствовал логический позитивизм, философия понималась главным образом как лингвистическая философия. Первые же лекции по философии, которые читал ему в Тринити доктор Джон Уиздом, охладили его пыл. Лектор задал своим слушателям вопрос: «Скажите, что я думаю, когда говорю, что здесь находится черная доска?».

Не помогли и случайные встречи с Людвигом Виттгенштейном. «Однажды я столкнулся на кембриджской улице с Виттгенштейном, которого я знал как феллоу Тринити-колледжа. После дружеской болтовни он сказал мне: “Хотите знать, какова тема моей следующей работы? Юмор братьев Марксов...”

Когда я рассказал эту историю, профессор С. Д. Броуд посмотрел на меня очень серьезно и сказал: “Я уверен, что профессор Виттгенштейн сказал это в шутку». Но я совершенно уверен, что Броуд ошибался”¹.

В конце концов, пришлось спешно менять предмет занятий. Вместо моральной науки Оболенский занялся современными языками, — русским и французским. Первым предметом заведовала Элизабет Хилл, основатель кафедры славянских исследований в Кембридже. Другим наставником стал доктор Стюарт, специалист по Паскалю. Оба они вскоре убедились, что Оболенский хорошо знает языки, и поэтому они стимулировали его занятием литературой.

Уже в первый год Оболенский погрузился в социальную и культурную жизнь Кембриджа. В театре ЭйДиСи он участвовал в постановке «Ревизора» Гоголя, играя в спектакле роль Хлестакова. Он с удовольствием посещал бесчисленные вечеринки студентов и преподавателей. «Мне нравились все эти развлечения Кембриджа. Если бы к тому времени я прочитал автобиографическую книгу Владимира Набокова «Говори, память», я бы удивился, почему автор, русский студент начала 20-х годов не был в состоянии получать удовольствие от жизни в Кембридже»².

В первые годы войны, несмотря на то, что Кембридж опустел, Оболенский продолжал занятия в университете. Успешно сдав экзамены, он стал задумываться, чем заниматься далее. Он начал подумывать о том, чтобы записаться в действующую армию, и успешно прошел подготовительный курс военных занятий. После этого он получил статус офицера и стал руководить военной подготовкой русских студентов.

¹ *Obolensky D. Bread of Exile. A Russian Family. London, 1999. P. 222.*

² *Ibid. P. 223.*

В университете под руководством Элизабет Хилл Оболенский начал работать над богомилами, религиозной сектой, которая существовала в средние века на Балканах. В работе над этой темой ему помогала дружба с византинистом, священником Френсисом Дворником, который после начала войны остался в Англии. Дворник занимался Кириллом и Мефодием, а также патриархом Фотием. Рукопись о богомилах, над которой Оболенский работал 18 месяцев, он представил в Тринити-колледж для получения стипендии.

В день, когда в колледже происходили выборы, он был в Лондоне. «Появившись в 6 вечера во дворе колледжа, я увидел русского математика Безиковича, который шел по направлению ко мне. Вдруг он увидел меня и подошел ближе. Я ожидал соболзнований, но он сказал мне по-русски: “Поздравляю”. С чем?— спросил я. Он сообщил, что в полдень меня избрали феллоу Тринити. После этого моя жизнь изменилась. Я был больше не учеником, а феллоу, которому позволялось ходить обедать на Хай-тейбл, и что курьезно, ходить по зеленой траве колледжа. Я должен был подумать также, что в колледже, в военное время, я получил полную безопасность»¹.

Став членом колледжа, Оболенский мог сосредоточиться на своих научных занятиях. Совершенно неожиданно ему предложили должность хранителя в отделе книг Британского Музея. Музею нужен был служащий, владеющий славянским языком, и поэтому Оболенский два года проработал в Музее, ознакомившись с его богатейшими хранилищами книг и рукописей.

Научную карьеру Оболенский сделал быстро и без видимых усилий. Успешно защитив диссертацию, он получил степени бакалавра (1940), а затем доктора наук (1943). Оболенский остается феллоу Тринити-колледжа до 1948 года. В это время в Оксфорде открывается должность лектора по русской и балканской средневековой истории, и эта должность предлагается Оболенскому.

¹ *Obolensky D. Bread of Exile. A Russian Family. London, 1999. P. 228.*

В академическом смысле слова это было повышением, и он не мог отказаться. Тем не менее, он писал: «Я был печален, покидая Тринити, который в течение одиннадцати лет был для меня домом».

Позднее он переходит в Оксфордский университет, где получает должность лектора, а позднее профессора по славянской и балканской истории. Оксфорд тоже стал домом для него, из Тринити он перешел в старинный, основанный еще Генрихом VIII колледж Крайст Черч. По значению и размерам этот колледж напоминает Тринити, но он имеет свои особенности: он считается и колледжем и собором, глава колледжа является настоятелем собора, а члены колледжа называются не феллоуз, а студентами. Оболенский избирается членом колледжа — студентом — в 1950 году, и в течение 35 лет остается оксфордским профессором.

После войны он много путешествует, участвует во многих конференциях. Он проводит один академический год в Институте Думбан Оак в Вашингтоне, обладающем уникальной коллекцией произведений византийского искусства и письменности. В США он знакомится и начинает дружить с тремя выдающимися византинистами: священником Александром Шлеманом, историком церкви Иваном Мейендорфом и Игорем Шевченко, президентом ассоциации византинистов.

Оболенский — автор многих книг. Главная их тема — история Византийской империи, ее политическое, экономическое, культурное и религиозное влияние на народы восточной Европы — греков, болгар, сербов, русских. Этому посвящена его главная книга «Византийское государство: Восточная Европа, 500–1450». Другие его книги — «Богомилы» (1948), «Византийство и славяне» (1971), «Шесть византийских портретов» (1988). Кроме того, для учебного пользования Оболенский напечатал руководства по русской истории, литературе и искусству.

Специальным интересом Оболенского была поэзия. Он приводит в своей автобиографии слова Дмитрия Михайловского, сказанные им в Париже на юбилее, посвященном смерти Пушкина: «Для всех нас, кто потерял свою родину, русская литература — это наше последнее прибежище, все,

чем была и чем будет Россия». Поэтому не случайно он подготавливает антологию русской поэзии, которая выходит в издательстве «Пингвин» в 1962 г.

Оболенский был свидетелем того, как постепенно, после длительного периода изоляции восстанавливались отношения русской академической науки с остальным научным миром. Он был не только свидетелем того, как в июне 1965 года Анна Ахматова прибыла в Оксфорд для получения почетной степени доктора литературы, но и активно участвовал в этой процедуре. Он был участником англо-русской конференции по истории, которая состоялась в период кратковременной оттепели в 1960 году в Москве. Наконец, в 1958 году он прибыл из Венеции в Ялту и имел возможность посетить Воронцовский дворец в Алушке, место, из которого 40 лет назад началось его путешествие на Запад. Как он писал, жизненный круг замкнулся.

Дмитрий Оболенский — блестящий представитель Оксбриджа, двух величайших европейских университетов — Оксфорда и Кембриджа. Оба университета, по его словам, были ему домом, они дали возможность развить его научный талант, его чувство и понимание истории. Вместе с тем, Оболенский внес в Оксбридж русскую тему, русский акцент. Пожалуй, никто из русских не прожил такой большой жизни в науке и преподавании Оксфорда и Кембриджа, как Дмитрий Оболенский.

К сожалению, я не имел возможности встретиться с Оболенским. В то время, как я приехал в Оксфорд в надежде встретиться с ним, я узнал, что он уже ушел из жизни. Остались только его замечательные книги...

Н. М. ЗЕРНОВ

С Оксфордом связана жизнь и деятельность русского философа и религиозного мыслителя Николая Михайловича Зернова (1898–1980). Он эмигрировал из России в 1921 году и получил богословское образование в Белградском университете. До конца 30-х годов он жил в Париже. Из Франции он

несколько раз приезжает в Англию. В первый раз это произошло в 1923 году, когда Зернов принял участие в летнем съезде Студенческого Христианского движения в Великобритании и Ирландии. Об этой поездке Зернов подробно пишет в статье «Первый раз в Англии», опубликованной впоследствии в его книге «За рубежом. Хроника семьи Зерновых» Лондон поразил Зернова архитектурой, укладом жизни. «Я попал в страну, свято хранящую свои традиции, не потрясенную анархией и не разрушенную революцией»¹.

Следующий раз Зернов посетил Англию в 1925 году для участия в студенческом съезде в Манчестере, а затем в 1927–1928 году для участия в англо-православном съезде в Сент-Олбанс. На этот раз он и впервые получил возможность посетить Оксфорд, который в последующем стал его родным городом. В 1930 году Зернов поступил в аспирантуру Оксфордского университета, в Кибл колледж. Он провел здесь два года, работая над докторской диссертацией «Единство церкви и соединение церквей». Его руководителем был доктор Ватсон, специалист по церковной истории. С ним Зернов встречался каждую неделю, пил чай и иногда обсуждал тему своей диссертации. Гораздо большую пользу и поддержку он получал от встреч с д-ром Киддом, автором трехтомной истории раннего христианства. С ним он обсуждал материалы своей диссертации, связанные с идеей примирения восточного и западного христианства.

В этой области Зернов сделал многое, практически начав с пустого места. «Когда я впервые попал в Англию, о православной церкви никто не знал, хотя она и была представлена двумя общинами: греческой и русско-эмигрантской. Греческий приход в Лондоне состоял главным образом из богатых судовладельцев, имевших свой собор св. Софии. Русские беженцы не имели своих церквей, а пользовались поочередно храмом, предоставленным им англичанами... Положение в Англии стало меняться в 1927 году. Появилась популярная литература о православной Церкви на английском языке. Парадоксально — эту работу взяли на себя поначалу русские

¹ За рубежом. Белград. Париж. Оксфорд. Хроника семьи Зерновых. Париж, 1973. С. 40.

из Парижа, тогда как греки, жившие в Англии, не принимали в ней участия»¹.

Положение дел изменилось коренным образом после Второй мировой войны в связи с притоком в Англию большого количества православных христиан. Центром восточного христианства в Англии стали приходы в Лондоне и Оксфорде.

После защиты диссертации Зернов некоторое время жил между Англией и Францией, постоянно перемещаясь между Парижем и Оксфордом. Он привозил в Англию русских ученых, которые выступали на заседаниях англо-православных съездов. Среди них были С. Н. Булгаков, Г. В. Флоровский, Н. А. Бердяев. Но в 1934 году он с женой окончательно переезжает в Англию, а через два года получает английское гражданство. Начиная с этого времени, Зернов постоянно, до конца своей жизни, живет в Оксфорде. В общей сложности он провел здесь около 50 лет.

Первоначально Зернов получил контракт на работу в университете только на три года. Программу своих лекций ему не надо было ни с кем согласовывать, ему предоставлялась полная свобода в выборе тематики. «Предоставленный себе, я создал следующую систему: для богословского факультета я выбирал темы, связанные с различиями между Востоком и Западом в их истолковании христианства. Кроме того, я говорил о представителях религиозно-философской мысли в России: о Хомякове, Достоевском, Соловьеве, Булгакове, Бердяеве и других христианских мыслителях. Для исторического факультета я читал лекции о тех периодах русской истории, которые выявляли значение Церкви: как, например, крещение Руси в X веке, споры нестяжателей и иосифлян в XV столетии, старообрядческий раскол в XVII-ом, реформы Петра Первого. Больше всего моих слушателей привлекали мои лекции об иконах, которые я обильно иллюстрировал диапозитивами на экране»².

Лекции Зернова имели успех. К тому же он устраивал интерконфессиональные семинары, приглашая на занятия

¹ Зернов Н. М. Закатные годы. Париж, 1981. С. 80.

² Там же. С. 359–360.

римско-католических и англиканских богословов. Эти семинары, как признавался Зернов, показывали «примиряющую роль восточных христиан среди расколовшихся западных вероисповеданий».

Три года прошли быстро, и встал вопрос о дальнейшей работе в Оксфорде. Помог ему влиятельный человек, частное лицо Норман Сполдинг, благодаря которому при университете была основана кафедра православной культуры, которую в 1947 году занял Зернов. Теперь он был не просто пришельцем со стороны, но законным членом университета, который мог преподавать и издавать при университете свои труды.

Правда, даже и после этого Зернов убеждался, как трудно попасть в замкнутый круг университетской элиты. По этому поводу он совершенно верно отметил две черты, которыми отличается Оксфорд, впрочем, как и Кембридж: с одной стороны, широкая демократичность, с другой — традиционная иерархичность. Все преподаватели принимают равное участие в решении вопросов, связанных с жизнью колледжей. Но в решении кардинальных вопросов решающую роль играют доны — руководители колледжей и другие члены высшей администрации. Поэтому «Оксфорд и консервативен, и открыт новым идеям. Эту двойственность я испытал на моей судьбе».

Зернов довольно живописно описывает Оксфорд 30-х годов, который он увидел, приехав на защиту диссертации. «Оксфорд не похож на другие университеты, так как сохранил многое из своего средневекового прошлого. Я опишу его таким, каким я нашел его в начале тридцатых годов. В то время он состоял из двадцати мужских и пяти женских колледжей. Университет является федерацией, и его коллегиальное устройство составляет его главную особенность. Каждый колледж независим, имеет своего главу, своих «фелло» — «содружников» (преподавателей) и студентов, свой бюджет и свои традиции. Одни колледжи богаче других, некоторые имеют репутацию высокого академического уровня, другие славны спортивными трофеями, иные хранят аристократические традиции прошлого»¹.

¹ Зернов М. В. Оксфордский университет // Русские писатели об Англии / Сост. А. Николюкин, О. Калинина. М., 2001. С. 552–553.

Зернов пронизательно охарактеризовал особенности преподавания в Оксфорде. «Большое впечатление на меня произвел личный подход к каждому студенту, на котором была построена вся система преподавания. Учителя и ученики образуют в колледже единую общину. Они знают друг друга, вместе обедают, делают совместные прогулки, а главное, еженедельно встречаются на “тьюториях”. Это постоянное общение молодежи с профессорами помогает быстрому созреванию студентов и превращает неопытных юношей и девушек, за три года интенсивного обучения, в людей, способных брать на себя ответственность за работу в самых разнообразных областях жизни. Оксфорд налагает печать на своих членов, которая никогда не стирается. “Оксфорд мэн” — человек из Оксфорда, выражение, понятное каждому образованному англичанину. Оно указывает на выдержку, умственную дисциплину и известные моральные устои»¹.

Зернов не удовлетворился только тем, что благодаря его инициативе курс православия был впервые в истории Оксфорда введен в программу университета, хотя это было огромным достижением и прорывом консервативности университетских традиций. Он задался еще одной целью — созданием православного центра в Оксфорде. Он предложил назвать его именем Григория Нисского. Для этой цели на общественные деньги был куплен дом, в котором располагалась часовня для регулярных богослужений, зал для лекций и собраний и студенческое общежитие. Фактически, был создан православный приход. После смерти Зернова в этом доме открылась и общественная библиотека на основе собрания книг, приобретенных им в течение жизни.

Заботу об общежитии в доме Григория Нисского взяла на себя Милица Зернова. Ее жизнь представляет большой интерес как типичная судьба женщины-эмигрантки из России. Она прибыла со 100 франками из Батуми в Марсель с надеждой получить образование во Франции. Но за учебу надо было платить, и чтобы заработать денег, ей приходилось работать няней, массажисткой, дантисткой. В 1930 году она закончила медицинский факультет Парижского университета.

¹ Зернов М. В. Закатные годы. С. 239.

В это время Н. М. Зернов уехал в Оксфорд на скромную стипендию, а ей пришлось остаться в Париже, чтобы работать ассистенткой у американского зубного врача. В 1934 году семья Зерновых переехала в Оксфорд. Милица оказалась хорошей помощницей своему мужу в создании дома св. Григория Нисского.

Итак, благодаря Зерновым в Оксфорде был создан православный центр, и история православной религии вошла в программу университета. На это ушло много времени и усилий. Но зато Оксфорд, в отличие от Кембриджа, который до сих пор не имеет русской церкви, смог создать центр духовного единения всех русских, живущих в Оксфорде.

Зернов был общительным человеком. Его интересовали люди, принадлежащие университету. «Помимо академической деятельности, Оксфорд привлекал меня своими людьми. Он дал мне возможность соприкоснуться с интеллектуальным цветом Англии. Всю мою жизнь я интересовался психологией и мировоззрением других людей. Среди преподавателей университета я встретил немало блестящих и оригинальных личностей, специалистов по всем областям знания»¹.

Зернов увлекательно рассказывает о тех людях, с которыми он встречался в университете. Прежде всего, это был писатель Клайв Льюис (C. W. Lewis). Он преподавал английскую литературу в Модлен-колледже. Льюис много писал по истории христианства. Ему принадлежат книги «Аллегория любви», «Очерки по теологии и этике», множество рассказов и романов, в которых фантазия причудливо сочетается с реальностью. Как пишет Зернов, «Льюис был не только остроумен и блестящ, но обладал также и подлинным религиозным опытом, добытым им после лет отрицания истины христианства. Внешне он напоминал скорее фермера, чем профессора, философа и поэта. Но за прозаической наружностью скрывался человек рыцарского благородства и глубокой духовности, умевший проникать в тайники души. Дружба с ним была для меня источником неиссякаемого вдохновения»².

¹За рубежом. С. 360.

²Там же. С. 362.

Прямой противоположностью Льюису был другой преподаватель английской литературы лорд Дэвид Сесил. Помимо английской литературы, он интересовался русской литературой и обсуждал с Зерновым характер русского дворянства, как его изобразил Лев Толстой. Другой человек, с которым дружил Зернов, был Исая Берлин. Зернов характеризует его как необычайно отзывчивого и доброжелательного человека. «Встречи с ним были для меня интеллектуальными праздниками. Мы несколько раз подымали тему о судьбе еврейского народа, избранного по учению Церкви. Берлин был агностик, но его взгляд на жизнь был окрашен религиозным чувством, унаследованным им от своих ортодоксальных предков»¹.

В 1945 году в Оксфорде была открыта кафедра русского языка и литературы, которую возглавил С. А. Коновалов. При нем университет отметил званиями почетного доктора ряда деятелей русской культуры — Ахматову, Чуковского, Лихачева, Шостаковича. Византийскую историю читал Д. Д. Оболенский. Большую поддержку Зернов получил от Н. Д. Городецкой, которая была приглашена преподавать в университете историю русской литературы. Затем она получила кафедру русского языка и литературы в Ливерпуле. Городецкая помогла Зернову в организации экуменического центра.

Зернов регулярно публиковался в русских эмигрантских изданиях. В журналах «Соборность» и «Вестник РСХД» вышли его статьи «Великобритания и русские христиане», «Христиане России и христиане Великобритании», «Достоевский и Солженицын: их сходство и контраст». Кроме того, им издано несколько очень ценных книг — «Три пророка: Хомяков, Достоевский, Соловьев», «Русское религиозное возрождение в XX веке», «Русские писатели эмиграции: 1921–1972». Эти книги представляют большой интерес, демонстрируя его несомненный вклад не только в религию и теологию, но и в область философии и литературы.

«Русское религиозное возрождение двадцатого века — явление исключительное, — писал Зернов. — Оно преобразило русскую церковную жизнь, раскрыло новые горизонты перед его богословами и религиозными философами и сдела-

¹ За рубежом. С. 365.

ло возможным начало творческого диалога между восточными и западными христианами»¹.

В 1992 году, будучи в Оксфорде, я посетил русский центр, основанный Зерновым. Это давало возможность познакомиться со многими русскими, в том числе и с женой Зернова — Милицей, которая подарила мне несколько книг своего мужа и познакомила с его превосходной библиотекой. Эти книги с ее надписью я бережно храню в своей библиотеке. К сожалению, в последующем моя связь с Оксфордом прервалась, поскольку моя жена была избрана феллоу Черчилль-колледжа в Кембридже и мы стали чаще бывать в Кембридже, чем в Оксфорде.

Подводя итог своей жизни в книге «Закатные годы», Зернов высоко оценивает то, что дал ему Оксфорд. Но последний не был для него бегством от мира. «Так шла наша жизнь в мирные годы в Оксфорде. Однако мы не могли забывать, что этот оазис тишины и творческой жизни окружен миром жестокой борьбы и непомерных страданий. Гонка вооружений, непрерывно растущее число стран, попавших под власть тоталитарного коммунизма с его насилием и обманом, моральный упадок западных демократий — все это указывает на хрупкость нашего мирного жития и возможность катастроф»². Боюсь, что сегодня список мировых трагедий был бы приумножен.

Н. Д. ГОРОДЕЦКАЯ

Наряду с Зерновым, к деятелям и мыслителям религиозного толка принадлежит Надежда Даниловна Городецкая (1901–1985). Она родилась в Москве, ее мать была певицей. В 1919 году семья решила эмигрировать, она добралась до Крыма, но в толпе, рвущейся на корабль, Надежда потеряла свою мать и сестру. В одиночестве, без родителей и средств, она добралась до Константинополя.

¹ Зернов Н. М. Закатные годы. Париж, 1981. С. 20.

² Там же. С. 136–137.

В 1924 году она перебирается в Париж, где поступает учиться в Сорбонну, зарабатывая на жизнь пением в кафе. Во Франции она находилась десять лет, пытаясь писать художественные романы. На ее формирование повлияла встреча с Львом Жиле, который перешел из католичества в православие и проповедовал бедность и служение людям. Жиле стал для молодой женщины духовным наставником. В 1934 году она перевела на русский язык его книгу «Иисус Назарянин по данным истории». В том же году по приглашению Николая и Милицы Зерновых она приезжает в Англию для продолжения образования. Она поступает в богословский колледж в Бирмингеме, готовящий миссионеров, и проходит там весь курс.

С. А. Коновалов был готов помочь ей, предоставив лекции на кафедре русского языка и литературы, но для этого нужен был диплом. Поэтому она едет в Оксфорд, где в течение трех лет учится в колледже св. Анны. В результате она, несмотря на уже зрелый возраст, получает степень бакалавра богословия. В 1938 году она публикует в Лондоне книгу «Униженный Христос в современной русской мысли», которая получила хорошие рецензии¹. В 1944 году она защитила докторскую диссертацию по этой книге и стала читать лекции на богословском факультете в Оксфорде, которым заведовал Н. Зернов.

Начиная с 1956 года Городецкая получает пост профессора на русской кафедре в Ливерпуле. Она была первой русской женщиной, занявшей такой высокий пост. Она занималась изданием сочинений Л. Толстого, издала антологию русского рассказа. Она посещала Россию, работала над книгой о Зинаиде Волконской в Италии. Последние годы жизни она провела в Оксфорде как почетный член Оксфордского университета.

Городецкая не была единственной русской женщиной, сделавшей удачную научную и литературную карьеру. В этом отношении можно упомянуть ее хорошую знакомую Наталью Александровну Даддингтон (1886–1972). Ее настоящая

¹ Вейдле В. В. Н. Д. Городецкая. «Униженный Христос в современной русской мысли» // Современные записки. Париж, 1939. № 69. С. 394–396.

фамилия (до замужества) Эртель. Она была русская, родившаяся в Твери. В 1904 году она поступила на Высшие женские курсы в Петербургский университет. В 1906 году переехала в Англию, где поступила в Университетский колледж Лондонского университета. В 1909 году она получила здесь степень магистра по философии.

Наталья Эртель встретила в Англии пастора Даддингтона и вышла за него замуж, после того, как тот оставил свою должность духовного пастыря в приходе. Таким образом она получила английскую фамилию. Она оказалась замечательным переводчиком, к тому же с дипломом Лондонского университета. Наталья Эртель-Даддингтон за свою жизнь перевела огромное количество книг, как русской художественной классики, так и философских произведений Соловьева, Бердяева, Франка, Мережковского.

ИСАЙЯ БЕРЛИН (1909–1997)

С некоторыми оговорками к числу русских, принадлежавших Оксфорду, можно отнести Исайю Берлина. Во-первых, Берлин родился в России и прожил там все свое детство, целых десять лет. Во-вторых, он хорошо знал русский язык. И, наконец, в-третьих, он как мыслитель в большей мере интересовался русской социальной мыслью, русской литературой и историей, чем историей Запада. Поэтому и по месту рождения, и по своей интеллектуальной ориентации его можно скорее считать русским, точнее, русским евреем, чем англичанином.

Исайя Берлин родился в Риге, которая в начале XX века входила в состав Российской империи. С 1915 по 1919 год его семья живет в Петрограде, после чего она возвращается в Ригу и оттуда эмигрирует в Англию. После школы Берлин поступил в Оксфордский университет, в колледж Олл Соулз. В 1935 году он получает здесь степень магистра по философии и социально-политическим наукам.

Но его научную карьеру, к которой он имел склонность, прерывает война. С 1941 года Берлин работает в британской

службе информации в Нью-Йорке, здесь он становится первым секретарем британского посольства в США. После окончания войны он получает аналогичную должность в британском посольстве в Москве. С этого времени начинается его интерес к русской культуре. По его признанию, в его обязанности входило знакомство с русской прессой. Это давало богатую информацию о русской литературе и публицистике послевоенного времени. В Москве Берлин встречается с представителями русской интеллигенции, в частности с Борисом Пастернаком. Пастернак познакомил его с только что законченным романом «Доктор Живаго». В последующем Берлин поведал всему миру историю издания этого романа, который принес Пастернаку Нобелевскую премию и преследования со стороны официальных советских властей.

Встреча с Анной Ахматовой в январе 1946 года была для британского дипломата знаменательной. Сам он признавался, что когда его пригласили посетить Ахматову в Петербурге, на Фонтанке, он воспринял это как будто его пригласили встретиться с Кристиной Россетти. До этого Ахматова была для него скорее историей и мифом, чем современной реальностью. Тем не менее, встреча состоялась и превратилась в своего рода литературную исповедь, во время которой Ахматова поделилась с Берлином историей своей жизни и творчества. Она читала ему свои стихи, в частности, поэму «Реквием». Исповедь заняла всю ночь, прерванная только приходом сына Ахматовой Льва Гумилева. Эта встреча дала Берлину очень многое для понимания судеб русской литературы в эпоху сталинизма, но Ахматовой она стоила очень дорого. Она вызвала гнев советских властей, запрещавших контакты интеллигенции с иностранцами,

В 1946 году Берлин возвращается в Оксфорд. Здесь он преподает философию и социальную науку в родном колледже Олл Соулз, а затем становится президентом вновь созданного колледжа Волфсон (1966–1974). В 1974 году Берлин избирается президентом Британской академии наук, почетным членом Американской академии искусства и литературы, почетным доктором многих британских и европейских университетов. В 1978 году он возвращается на профессорскую должность в колледж Олл Соулз. Исая Берлин — единствен-

ный представитель еврейской нации в истории Оксбриджа, занимавший руководящее положение в университете.

Как философ Берлин занимался историей интеллектуальных идей. Его работы посвящены Карлу Марксу, Давиду Юму, Герцену, Канту, Гердеру, Вико. Им написана серия книг, посвященных истории философской мысли: «Карл Маркс» (1939), «Просвещение» (1956), «Четыре эссе о свободе» (1969), «Русские мыслители» (1978), «Понятия и категории» (1978), «Искривленное дерево человечества: главы из истории идей» (1990). Его книги — не академические исследования, чаще всего они представляют запись его лекций или выступлений. Главной темой его философских идей было понятие свободы, с которым он связывал историю философской мысли. Отстаивая либеральное понимание свободы, Берлин разделял понятия «негативной» и «позитивной» свободы. Если в Кембридже доминировало понимание философского знания как философии языка и науки, то Берлин в Оксфорде представлял более широкий взгляд на роль и значение философии в осмыслении судеб европейской истории.

Особый интерес представляет интерпретация Берлиным истории русской культуры и литературы. К этим темам он возвращался постоянно, знакомя Запад с наследием русской интеллектуальной культуры. Когда его пригласили прочесть лекцию в Белом доме, он познакомил Джона Кеннеди с творчеством Виссариона Белинского.

Берлину принадлежат статьи «Герцен и Бакунин о свободе личности», «Отцы и дети: затруднения либералов», «Толстой и Просвещение», «Русское народничество», «Молчание в русской культуре», «Литература и искусство в России при Сталине». Характерно, что об английской культуре и литературе Берлин не написал ни одной работы. Интерес к культуре России доминировал в его научных интересах.

Главный мотив в развитии русской литературы Берлин видел в отношении России и Запада. Он обнаружил один из болезненных мотивов в русской культуре, который и до сих пор остро дает себя знать. «Русская литература во все времена занимала двойственную позицию в непростом отношении между Россией и Западом, испытывая то сильное, неудовлетворенное желание стать составной частью основного потока

европейской жизни, то злобное (скифское) презрение к западным ценностям, обусловленное не только пристрастием к славянофильству, но и чаще всего противоречивым сочетанием двух взаимоисключающих чувств. Такая смесь любви и ненависти к Западу присутствует в творчестве практически каждого известного русского писателя»¹.

Можно с уверенностью сказать, что этот мотив присутствует и в современной русской культуре, относящейся к XXI веку.

Вместе с тем, Берлин высоко оценивает наследие русской социальной мысли XIX века. По его словам, именно русские мыслители этой эпохи выдвинули понятие «интеллигенция», которое он отличал от понятия «интеллектуалы». «Интеллигенция. — писал он, — русское слово, оно придумано в XIX веке и обрело с тех пор общемировое значение. Сам же феномен со всеми его историческими, в полном смысле слова — революционными последствиями, по-моему, представляет собой наиболее значительный вклад России в социальную динамику»².

Оксфорд оказался родным домом Исая Берлина. В конце жизни он получил широкое признание: королева даровала ему дворянское звание, он стал почетным членом многих университетов. Берлин не был академическим ученым в традиционном смысле этого слова, но сделал многое для исследования и признания русской культуры на Западе.

Н. Д. ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

К русским, получившим образование в Оксфорде, относится известный коллекционер и общественный деятель, князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. Он родился в Софии в 1935 году, где его семья, имеющая глубокие корни в русской истории, нашла временную нишу, скрываясь

¹ Берлин И. Литература и искусство в РСФСР // Звезда. 2003. № 7. С. 127–128.

² Берлин И. История свободы. М., 2001. С. 9.

от преследования большевиков. Болгария оказалась не лучшим укрытием. После второй мировой войны в Болгарию вошли русские войска, и одиннадцатилетний Никита вместе со своими родителями был отправлен в тюрьму НКВД. Благодаря запросам Красного Креста несовершеннолетний политический узник был, наконец, освобожден. В 1953 году вместе с матерью он добился разрешения уехать в Париж. В 1954–58 годах Лобанов-Ростовский учился в Оксфорде на факультете геологии. После этого он продолжал обучение в США, сначала в Колумбийском университете, где по-прежнему изучал геологию, а затем в университете Нью-Йорка, где он учился банковскому делу¹.

Вскоре предприимчивый и трудолюбивый юноша получил должность вице-президента в «Уэльс Фарго Бэнк» в Сан-Франциско. В последующем, имея американское гражданство, Лобанов-Ростовский переезжает жить в Лондон. Здесь он собирает превосходную коллекцию русского театрального искусства, включающую работы Бонуа, Коровина, Бакста, Гончаровой, Ларионова, Судейкина. С 1992 по 1997 год он становится консультантом аукционного дома «Сотбис». Вместе с Джоном Боултом он издает книгу «Художники русского театра. 1880–1930» (М. 1991). Лобанов-Ростовский представлял свою выставку русского театрального искусства во многих странах мира, в том числе и в России в 1984, 1988 и 1994 годах. Он играет ведущую роль в Совете Российских соотечественников.

Р. Д. А. СКИДЕЛЬСКИ

Я встречался с Робертом Скидельски только один раз в Черчилль-колледже. Мы с женой собирались возвращаться в Москву, Скидельски тоже планировал приехать туда. Договорились, что встретимся в России. Но встречи не получилось, о чем до сих пор жалею. Поэтому пишу о нем исключи-

¹ О своей жизни Н. Д. Лобанов-Ростовский рассказывает в книге «Воспоминания. Записки коллекционера». М., 2004

тельно по материалам, которые я обнаружил о нем в печати и Интернете.

Роберт Джекоб Александр Скидельски сегодня крупный английский экономист, политический деятель и журналист. Он чрезвычайно деятельная личность, избран лордом (2001) и часто выступает в палате лордов, является членом Британской академии (1994) публикуется во многих газетах и журналах, активно участвует в русско-английских диалогах, является секретарем Русско-английского круглого стола (с 2006).

Родился он 25 апреля 1939 года в Харбине, в Маньчжурии, которая в то время была оккупирована Японией. Его биография представляет большой интерес, так как отражает многие события истории XX века. Роберт родился в русско-еврейской семье. Его отец Борис Скидельски (р. 1907) был крупным бизнесменом и принадлежал к еврейской фамилии, попавшей на Дальний Восток из Белоруссии. Его мать принадлежала к семье Сапелкиных, бежавших от большевиков из Нижнего Новгорода¹. Они поженились в 1936 году и через три года родился сын Роберт.

До революции Скидельские были крупными промышленными собственниками. Дедушка Роберта Леон жил в Белоруссии, но в 1880 году переехал в Одессу, а в 1895 году получил выгодный заказ на строительство Транс-Сибирской железнодорожной магистрали. Семья Скидельски обладала земельной собственностью в Сибири в три тысячи гектаров, угольными шахтами и правами на Транс-Сибирскую магистраль. Но с приходом большевиков все это было национализировано, семья Скидельски потеряла все, что она построила на Дальнем Востоке.

Как писал в последующем Скидельски, «моя семейная история — микрокосм первой волны глобализации, основанной на железной дороге, пароходах и телеграфе. Подъем и

¹ Мне приходилось встречаться с семьей Сапелкиных, которые владели магазином русской книги в Сан-Франциско. Не знаю, имеют ли они отношение к матери Роберта Скидельски, но, рассказывая историю своей эмиграции, они упоминали, что приехали в Америку из Маньчжурии. Вполне возможно, что это были те Сапелкины.

падение семьи Скидельски была зеркалом судьбы космополитического мира, который был смертельно ранен в Первую мировую войну. Мою семью не спасло богатство, так же как экономическая независимость не спасла мир от коммунизма и фашизма. Теперь Скидельски не могли оставаться на Дальнем Востоке». Отец Роберта покидает Россию, но его брат Соломон остается в Харбине и пытается заниматься бизнесом. В 1945 году Харбин заняла советская армия, и Соломон попадает в сталинский ГУЛАГ.

Когда Роберту было три года, семья переехала в Англию. Роберт получил образование в Брайтоне и Джизус-колледже в Оксфорде. Затем он некоторое время работал в США, в университете Джона Хопкинса в Балтиморе, а затем получил должность профессора политической экономии в университете Уорвика.

Скидельски до сих пор сохраняет связь с Оксфордом. Он — почетный феллоу Джизус-колледжа в Оксфорде. Наряду с этим он участвует в десятке других международных организаций, он — основатель и глава Центра глобальных исследований (с 2002 года), почетный член Центра исследований бизнеса Лондонского университета (с 2005), рецензент газет «Нью-Йорк Тайм бук ревью», «Москоу Тайм» и др.

Роберт Скидельски — автор нескольких популярных книг. К сожалению, ни одна из них не переведена на русский язык. Одна из ранних его книг посвящена проблемам образования — «Английские прогрессивные школы» (1969). Несколько его книг посвящены политической истории. Он пишет книгу о главе английского фашизма Освальде Мосли (1981), другая книга посвящена коммунизму и его краху в XX столетии — «Мир после коммунизма» (1995). Но, очевидно, главная его книга — это трехтомная биография Джона Мейнарда Кейнса. Именно она получила пять престижных премий и сделала автора специалистом по кейнсианству.

В чем заключается причина популярности этой книги Скидельски? Прежде всего, она объясняется важностью самой темы, ролью Джона Мейнарда Кейнса в английской культурной и политической истории. Кейнс (1883–1946) — выдающийся английский экономист, эксперт в области монетарной системы, сыгравший огромную роль в развитии

экономической теории XX века. Это был человек широких интересов и знаний. Помимо того, что он был ведущим экономистом в Европе, он был также философом, экспертом по международным экономическим проблемам, собирал старинные книги и современную живопись, увлекался театром и балетом, был поклонником русской культуры.

Начиная с 1925 года Кейнс становится издателем «Экономического журнала», главой редакционного совета журнала «Нэшн». К тому же он избирается директором финансовой части Кингз-колледжа, и с этого времени занимается его финансовыми делами.

Кейнс возвращается в Кембридж. Он живет между Лондоном, где он был членом интеллектуального и элитарного кружка Блумсбери, и Кембриджем, где он, несмотря на растущую международную известность, продолжал оставаться членом Кингз-колледжа. Кейнс способствовал развитию культурных институтов Кембриджа. Он вложил 20 тысяч фунтов в основание кембриджского Художественного театра. В 1925 году Кейнс женится на русской балерине Лидии Лопоковой (Лопуховой) из балета Дягилева. Кейнсы покупают загородный дом в Тилтон, в графстве Сассекс (где сегодня живет Скидельски, имеющий титул лорд Тилтона), который они обставляют произведениями французских импрессионистов — Сезанна, Дерена, Сера. После смерти Кейнса коллекция живописи, собранная им, оценивалась в 31 419 фунтов. Сегодня ее цена выросла в десятки раз. По завещанию она должна была быть подарена Кингз-колледжу, чтобы картины были вывешены в коридорах колледжа. Но ценность картин такова, что колледж не может обеспечить их сохранность. Поэтому коллекция передана в музей Фитцуильма.

Благодаря русской жене Кейнс постепенно отошел от лондонского элитарного кружка Блумсбери и занялся напряженной работой в области экономической теории. Женитьба на русской балерине связала Кейнса с Россией. Он трижды ездил в Россию вместе с женой навещать ее родителей. После первой поездки в 1925 году он по возвращении написал для журнала «Нэшн» статью «Краткий взгляд на Россию». (Впоследствии эта статья вышла отдельной книгой в принадлежащем Вульфам издательстве «Хогарт Пресс» и вошла

в девятом том «Собрания сочинений» Кейнса). В ней Кейнс дает весьма парадоксальную картину того, что он увидел в России. Для него ленинизм и большевизм представился как определенный тип религии, как религиозное верование, сочетающее утопизм и религиозное видение с прагматизмом. «Ленинизм — это комбинация двух вещей, которые в Европе находятся в различных частях души: религии и бизнеса. Как всякая новая религия, ленинизм произрастает не из энергии большинства, а из небольшого меньшинства обращенных энтузиастов. Как всякая новая религия, она без сожаления и без всякого чувства справедливости преследует инакомыслящих. Как всякая новая религия, она полна миссионерского пыла и экуменических амбиций»¹.

Что касается экономической стороны ленинизма, то Кейнс не находит в нем ничего нового или оригинального. Прежде всего, это наивное представление о скорой отмене денег, которое не могло не показаться Кейнсу, автору трактата о деньгах, по меньшей мере утопической идеей. Кейнс отмечает такие явления, которые были характерны для советской экономики 20-х годов, как безработица, охватившая 25% индустриальных рабочих, нищета населения, низкая заработная плата. По словам Кейнса, русский коммунизм не делает «никакого вклада в наши экономические проблемы ни с интеллектуальной, ни с научной точки зрения».

Впрочем, Кейнс был лишен предубеждений относительно советской России. Он полагает, что лучше иметь дело не с царской, а с советской Россией. Поэтому, завершая свою статью, он пишет:

«Я бы хотел предоставить России ее шанс, не мешать ей, а даже помогать. Если бы я был русским, я бы работал скорее на советскую Россию, чем на Россию царскую. Я не могу присоединиться к новой официальной вере в большей степени, чем к старой. Я не могу ненавидеть новых тиранов меньше, чем старых. Но из жестокости и глупости старой России не выросло ничего, тогда как за глупостью и жестокостью новой России могут скрываться проблески идеала»².

¹ Keynes J. M. The Collecting Writings. L., 1989. V. IX. P. 256.

² Ibid. P. 271.

Представляется, что этот анализ Кейнсом экономической и идеологической структуры советского общества является серьезной попыткой понять возможности и проблемы советской социальной системы.

Эта статья не была первой работой Кейнса, посвященной экономическому анализу большевизма. Еще в 1922 году (26 апреля) в газете «Манчестер гардиэн» появилась его статья «Финансовая система большевизма», в которой он, помимо всего прочего, высказывал мысль о возможной стабилизации рубля. «Кто знает, быть может, именно Россия удивит нас, став первой из послевоенных стран, которая стабилизирует свои финансы?»

В 1936 году выходит главная книга Мейнарда Кейнса «Общая теория занятости, интересов и денег». В этой книге Кейнс отказывается от положений классической политэкономии, основанной на идее саморегуляции экономики через стихию рынка. Основная идея книги состоит в том, что современная экономика должна регулироваться через финансовую систему и международные фонды. Кейнс доказывал, что современная экономика не имеет естественной тенденции к полной занятости. Не случайно, что в послевоенное время механизм саморегуляции рынка вообще исчез, в результате чего возникла массовая безработица. А поскольку рынок утрачивает механизм саморегуляции, его должно обеспечивать правительство посредством своей финансовой политики. В этой связи в развитии экономики большую роль Кейнс признавал за мировыми банками.

В своих экономических исследованиях Мейнард Кейнс приходил к парадоксальным выводам. В частности, он полагал, что депрессия 30-х годов в США была результатом не того, что люди слишком много тратили, а наоборот, что они тратили слишком мало. «Кейнсианская экономика» сыграла большую роль в экономических программах ряда европейских стран, в частности, в контроле над безработицей.

Во время Второй мировой войны Кейнс участвовал в программе ленд-лиза и основании Мирового банка в 1944 году, который создал фонд для послевоенной реконструкции. Он не был лауреатом Нобелевской премии, но его слава как экономиста-реформатора была огромной. Она

выходила далеко за пределы Кембриджа и делала его широко известным во всем мире. В конце своей жизни Мейнард Кейнс страдал от коронарной болезни, которая свела его в могилу на 63-м году жизни.

22 апреля 1946 г. в «Таймс» появился некролог: «Вчера от сердечного приступа скончался в Тилдоне, графство Сассекс, лорд Кейнс, великий экономист. С его смертью страна утратила великого англичанина». Действительно, Кейнс был не только великим экономистом, быть может, самым крупным в XX столетии, но великим англичанином. Можно было бы добавить, что он был еще настоящим представителем кембриджского интеллектуализма со всеми его достоинствами и недостатками.

Хотя «кейнсианская экономика» подвергалась резкой критике в 80-х годах, ее огромная роль, в особенности в предвоенные и послевоенные годы, признается и сегодня.

Книга Скидельски «Биография Джона Мейнарда Кейнса» рассматривает различные аспекты в творческой биографии Кейнса. Это видно уже из тематики отдельных томов. Том первый, вышедший в 1983 году, имеет подзаголовок: «Надежды, которые были преданы: 1883–1920». Она посвящена ранним годам жизни Мейнарда Кейнса, его занятиям математикой и учебой в Кембридже. Том второй, вышедший в 1992, имеет название «Экономист как спаситель». Это, быть может, самый интересный анализ биографии Кейнса, его исследования Великой депрессии и способов выхода из нее. Наконец, третий том книги Скидельски называется «Борьба за Великобританию: 1937–1946» (2000).

В своем исследовании творческой биографии Мейнарда Кейнса Скидельски акцентирует внимание на его экономической теории. Вместе с тем, представляет интерес интерпретация Скидельски отношения Кейнса к марксизму, его критика либерализма, обоснование консервативных принципов в экономике, анализ отношения Кейнса к экономике и этике.

Скидельски занимает пограничную область между историей и экономикой, так как он является экспертом и в той, и в другой области. Не случайно он выступил в 2006 году с лек-

цией «Мое интеллектуальное паломничество: от истории к экономике и обратно». Думается, что именно связь истории с экономикой делает его работы столь актуальными.

Биографии людей, о которых рассказано мною выше, свидетельствуют, что в Оксфорде, впрочем, как и в Кембридже, в XX веке жили многие талантливые русские ученые, которые внесли свой вклад в университетскую науку. Представляется, что этот вклад еще не оценен в должной мере.

* * *

Итак, мы познакомились с историей русско-британских связей в области образования. Эта история, как мы убедились, была довольно длительной и сегодня насчитывает более четырех веков. В этой истории были свои подъемы и падения, достижения и потери. Но несомненен всё возрастающий прогресс и растущие достижения обеих сторон.

Если оценивать отдельные этапы этой истории, то они далеко не равноценны. Самым трудным было начало. Для первых русских студентов, посылаемых в Англию за знаниями, которых тогда еще не было в России, главным препятствием было плохое знание английского языка, что затрудняло обучение и профессиональные связи. На овладение языком требовалось время и деньги, которые не всегда приходили студентам из России. Поэтому первые шаги по овладению русскими студентами высшим образованием в Англии были более чем скромными.

Но постепенно дело наладилось. В Англию стали присылать более подготовленных студентов. И успех не заставил себя ждать. Пожалуй, наиболее плодотворным в истории русско-английских связей в области культуры и образования был XVIII век. Англичане в России и русские в Англии добивались больших успехов. Царствование Екатерины II знаменует поворот русской культурной политики от Франции к Англии. И образовательное путешествие Екатерины Дашковой в Эдинбург и Оксфорд демонстрирует возросшие возможности русско-английских связей.

XIX век был скорее ответом России, на культурный вызов Великобритании. Пожалуй, никогда русская культура – литература, поэзия, музыка – не ценилась в Англии так высоко, как в это время. Двери британских университетов были широко открыты для русских студентов, а Оксфорд был периодически занят присуждением почетных званий и дипломов для русских деятелей культуры.

Эти отношения продолжались и в XX веке, несмотря на все социальные и политические сложности этого столетия. Следует отметить, что в это время происходит некоторое перераспределение ролей. Русские перестают быть только учениками, приезжающими для получения престижных дипломов и академических мантий Оксфорда или Кембриджа. Они сами становятся преподавателями этих старейших университетов, становятся ведущими учеными и исследователями в области атомной физики, математики, физиологии, истории, литературы. О представителях этих естественнонаучных и гуманитарных дисциплин мы уже рассказали выше. Четыре века научных контактов не прошли даром, они предоставили русским ученым опыт работы в лабораториях и архивах, популярность в студенческих и научных кругах этих университетов.

Таков итог русско-британских отношений в области культуры и образования, с которым мы входим в новый XXI век. Остается надеяться, что коммерция, бюрократия и политика, демонстрирующие с обеих сторон самые худшие проявления, не смогут оказать своего негативного влияния на процесс усвоения и развития высшего образования в России и Великобритании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая книгу, мне хотелось бы вернуться к тому, с чего я начал, — с посещения кембриджского кладбища «Всех душ». Сюда привел меня голос, услышанный мною во сне в колледже св. Магдалины.

Это кладбище хранит останки людей, которые внесли огромный вклад в развитие кембриджской науки. Здесь похоронены несколько членов семьи Чарльза Дарвина — сыновья Чарльз и Горас, внучки Ида и Френсис; несколько выдающихся астрономов, один из которых открыл планету Нептун; физик Джон Кокрофт — человек, который расщепил атом; антрополог Джеймс Фрззер, который открыл истоки религии; Фредерик Хопкинс, получивший Нобелевскую премию за открытие витаминов; архитектор Дэвид Робертс, который построил многие университетские здания; наконец, два самых выдающихся философа XX века — Джордж Эдвард Мур и Людвиг Виттгенштейн.

Кладбище это находится внутри города, недалеко от Черчилль-колледжа, но оно скрыто от праздного взгляда. Поэтому не только туристы, но и многие жители города не знают о его существовании. Так что над ним царит покой и тишина. Многие могилы зарастают, и надписи на плитах стираются. Но, как я заметил, сюда приходят студенты, чтобы почтить память ушедших великих людей. В особенности привлекает молодых людей могила Виттгенштейна, они часто приходят сюда и оставляют на могильной плите памятные

монеты. Этот философ учил людей мыслить, а потребность в мышлении остается вечной. Как писал замечательный английский поэт Уистен Оден: «После смерти одно лишь остается — речь».

Но вернемся с тенистого и заросшего зеленью кладбища на оживленные улицы Кембриджа. Они всегда оживлены во время учебного семестра. Здесь всегда полно учащихся, движущихся, как правило, на велосипедах. Когда они уходят на каникулы, появляются туристы. Над городом проносятся самолеты, но жизнь, как и много веков назад, регулируется колокольным звоном, призывающим на утреннюю или вечернюю молитву — ведь в городе около ста церквей и несколько соборов, тщательно хранимое наследие средневековья.

Очевидно, нет необходимости говорить о роли Кембриджа и Оксфорда в развитии мировой науки. Приведу только одно, на мой взгляд, немаловажное свидетельство. В конце 2002 года телевидение Би-Би-Си провело опрос зрителей о том, кого они считают лучшими из британцев. Отобрали сотню людей, в которую попали ученые, изобретатели, путешественники, врачи, короли, политики, включая бывшего премьер-министра Тони Блэра, писатели, актеры, миссионеры, спортсмены и даже поп-звезды. Последних оказалось больше, чем писателей. В этом списке не оказалось ни одного поэта и ни одного художника. Как бы ни был спорен состав этой славной сотни, он отражает вкусы и взгляды современной британской аудитории.

Особый интерес представляет первая десятка. В ней — Уильям Шекспир, королева Елизавета, Исаак Ньютон, Оливер Кромвель, адмирал Горейшио Нельсон, Чарльз Дарвин, Уинстон Черчилль, инженер Исамбард Брунел и принцесса Диана. Окончательное голосование поставило на первое место Уинстона Черчилля, затем следовали Брунел и принцесса Диана. Ньютон, Дарвин и Шекспир, люди, создавшие мировую славу Великобритании, оказались где-то в середине десятки.

Конечно, этот опрос представляет вкусы и мнения зрителей британского телевидения. Здесь вмешивается много коммерческих и рекламных факторов. Тем не менее, это голосование, которое, кстати сказать, весьма оживило бюджет

Би-Би-Си, представляет определенный социологический интерес, связанный с настоящей книгой.

Как выясняется, четверо выдающихся англичан из этой десятки принадлежат Кембриджу: Кромвель, Ньютон и Дарвин учились в Кембридже, а Черчилль построил здесь один из самых больших и современных колледжей. Если признавать роль статистики, то это означает, что 40% британской политической и научной элиты было воспитано в Кембридже. Похоже, эти цифры нас не обманывают.

То же самое можно сказать и об Оксфорде. Здесь учились и преподавали выдающиеся люди науки, и порядок жизни напоминает Кембридж.

Надо полагать, что интеллектуальная история британских университетов еще не завершилась, будущее мировой науки и образования будет во многом зависеть от Оксфорда и Кембриджа как университетов, органично сочетающих традицию и новаторство, передовое знание и старинную, проверенную временем, систему обучения и жизни в колледже.

В истории Оксфорда и Кембриджа, как мы убедились, большую роль сыграли русские. Здесь учились многие студенты, которые превращались в крупных ученых, писателей, художников, мыслителей. Некоторые из них оставались в Англии на всю жизнь, увеличивая ее интеллектуальный потенциал, привнося в прагматическую жизнь англичан духовные поиски. Другие возвращались в Россию и становились там крупными учеными, деятелями русской науки и культуры. Великобритания дала русским многое, она открывала им дверь в самое сокровенное, что у нее было, — университет. Но и русские вносили весомый вклад в развитие британской науки и оставили след во многих университетах. Остается надеяться, что этот контакт на уровне университетского образования сохранится и в будущем.

Каково же место русских в современных университетах Великобритании?

На этот счет точной статистики нет, но по данным прессы сегодня в Великобритании учатся около двух тысяч российских студентов. Британские университеты провели в России несколько (около восьми) выставок с демонстрацией программ и возможностей различных университетов. На выстав-

ке 2005 года присутствовало 49 университетов. Растет количество различных подготовительных школ, дающих русским студентам знание английского языка.

Русские приветствуются в Великобритании. Об этом свидетельствует как история, так и современный интеллектуальный потенциал российского студенчества. Ежегодный прирост русских студентов в университетах Великобритании составляет около 30%. Это большой процент, способный составить конкуренцию даже Китаю, который стремится овладеть европейским образованием. Растет количество преподавателей, которые работают в вузах Великобритании. Поэтому есть надежда, что в будущем русские внесут такой же вклад в британскую науку и образование, как это было в сравнительно недавнем прошлом.

Сегодня в Оксфорде и Кембридже учатся много русских студентов. Официальное возвращение русских в стены Оксбриджа относится к 1992 году. Тогда на деньги фонда Сороса в России был проведен аспирантский конкурс, и двадцать аспирантов со всей России поехали учиться в Кембридж. Фактически это была первая после екатерининской эпохи групповая поездка в Британию на учебу. Я оказался невольным свидетелем этого эпохального события, поскольку в эту группу попал мой сын, ставший студентом Бэллиол-колледжа. Все двадцать были распределены по различным колледжам, но периодически встречались друг с другом. Сорос оплатил только первый год учебы, но, насколько я знаю, многие из приехавших самостоятельно заработали средства на учебу на следующие два года. Было много трудностей. Не знаю, каковы результаты этой учебы, сколько из этой группы успешно защитилось, сколько из них вернулось в Россию (таково было условие Фонда Сороса), сколько осталось в Британии. Во всяком случае, мой сын после трехлетнего обучения в Оксфорде вернулся в Россию, полагая, что здесь у молодых людей больше возможностей для роста, чем в Англии.

Но сегодня, в начале XXI века, времена изменились, и многие состоятельные русские стали переселяться в Англию, покупать здесь дорогие дома, переводить в английские банки новоприобретенные капиталы. Оплата обучения в Кембридже и Оксфорде перестала быть неразрешимой проблемой.

Но зато появились новые трудности, связанные с получением виз и другими бюрократическими препонами, которых не было до сих пор. Порой по совершенно необоснованным причинам в визах для поездок в британские университеты отказывают не только студентам, но и профессорам и ученым¹. Очевидно, всё это отзвуки ухудшающихся политических и дипломатических отношений между нашими странами. Но вряд ли от этого должна страдать такая важная сфера, как образование и культурные контакты. Как показывает опыт, это приносит непоправимый ущерб обеим странам и разрушает традиции, складывавшиеся веками.

Завершая свою книгу, надеюсь на здравый смысл, который всегда отличал английскую нацию. Я высоко оцениваю систему высшего образования в Великобритании и надеюсь, что, как и в прошлом, русские студенты и ученые не будут в ней чужеродным телом, а напротив, будут способствовать повышению научного и интеллектуального потенциала Великобритании. В этом я солидарен с профессором Ричардом Кейнсом, мнение которого я приводил в предисловии к этой книге. Думаю, что будущим историкам придется изрядно потрудиться, чтобы исследовать судьбы русских студентов в Британии XXI века.

¹ В 2009 году я получил приглашение от Кембриджского университета посетить Черчилль-колледж, но получил неожиданный жесткий отказ, «без права апелляции». Через несколько месяцев отказ в визе получила моя жена, член (феллоу) Черчилль-колледжа. Причины отказов были надуманными, некомпетентно сформулированными, что вызвало недоумение не только у нас, но и у наших английских партнеров. Это вынуждено было признать и само посольство, отменив, в конечном счете, свои первоначальные решения. Политика Британского посольства в Москве, которое сворачивает научные контакты, вызывает естественную тревогу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александренко В. Н. Из жизни русских студентов в Оксфорде в царствование Екатерины II // Журнал Министерства народного просвещения. 1983. № 1. Ч. 2.

Алексеев М. П. Английский язык в России и русский язык в Англии // Ученые записки Ленинградского гос. университета. № 72. Серия филологических наук. Вып. 9. 1944. С. 77–137.

Браун А. С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков в Глазговском университете (1761–1767) // Вестник Московского университета. 1969. № 4. С. 42–59.

Верижникова Т. Ф. Из истории русско-английских художественных связей (Пенсионерство Ф. И. Иордана в Англии) // Проблемы развития русского искусства XVIII – первой половины XIX века. Л., 1986.

Греч Н. И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. СПб., 1839.

Гурьянов В. П. Иван Михайлович Комов. Его жизнь и деятельность. М., 1953.

Дашкова Е. Р. Записки. М., 1987.

Джинчарадзе В. З. Из истории русско-английских культурных отношений в XVIII веке // Вестник истории мировой культуры. № 5. 1960. С. 63–76.

Зернов Н. М. Закатные годы. Париж, 1981.

Зернов М. В. Оксфордский университет // Русские писатели об Англии. Сост. А. Николюкин и О. Казнина. М., 2001. С. 552–553.

Казнина О. Русские в Англии. М., 1997.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984.

Кросс Э. Г. У темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996.

Кросс Э. Г. Василий Петров в Англии (1772–1774) // XVIII век. Л., 1976. С. 243–245.

Кросс Э. Г. Русское посольство в Лондоне и знакомство англичан с русской литературой в начале XIX века // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976. С. 99–107.

Набоков В. Другие берега // Сочинения в 4-х томах. Т. 4.

Никифоров Л. А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950.

Пенчко Н. А. Выдающиеся воспитанники Московского университета в иностранных университетах (1758–1771) // Исторический архив. 1956. № 2. С. 167–169.

Радовский М. И. Из истории англо-русских научных связей. М.; Л., 1961.

Русские писатели об Англии. 1646–1945 / Сост. О. Казнина, А. Николюкин. М., 2001.

Трубников Ф. Ф. Гравер Скородумов, пенсионер Академии // Русский библиофил. 1916. № 3.

Шестаков В. П. Интеллектуальная история Кембриджа. М.: Российский институт культурологии, 2004.

Шестаков В. П. Литературная история Кембриджа // Эстетика: прошлое, настоящее и будущее. В память 90-летия со дня рождения Михаила Федотовича Овсянникова. М.: МГУ, 2007. С. 174–203.

Шестаков В. П. Русские в Кембридже // Культура «своя» и «чужая». Материалы международной интернет-конференции. М., 2003. С. 223–246.

Шестаков В. П. Английский национальный характер и его восприятие в России // Россия и Запад. Диалог или

столкновение культур. М.: Российский институт культурологии, 2000. С. 85–117.

Шестаков В. П. Английский юмор как средство национальной идентификации // Искусство в контексте цивилизационной идентичности. Т. 2. 2006. С. 135–159.

Шестаков В. П. Королевская Академия художеств в Лондоне. Пути развития и связи с Россией // Собрание. 2006. № 1. С. 76–86.

Шестаков В. П. Кембридж открывает Россию // Космополис. Журнал мировой политики. 2007. № 1 (17). С. 27–39.

Alexandrenko B. The First Russian Students in England // The Academy. 7 December, 1889. XXXVI. № 918. P. 372.

Bachtin N. Lectures and Essays / Introd. by M. Wilson. Birmingham, 1963.

Badash L. Kapitza, Rutherford, and the Kremlin. New Haven; London, 1985.

Boag J. W., Rubinin P. E., Shoeneberg D. Kapitza in Cambridge and Moscow. North-Holland; Amsterdam; Oxford; New York, 1990.

Bondi H. Science, Churchill and Me. Oxford, 1990. P. 17.

Brooke Ch. (ed.). A History of the University of Cambridge, 4 vols. Cambridge, 1992.

Brown A. H S. E. Desnitsky, Adam Smith and the Nakaz of Catherine II // Oxford Slavonic Papers. VII. 1974. P. 42–59.

Cox W. Travel into Poland, Russia, Sweden, and Denmark. London, 1792.

Cross A. G. (ed.) Great Britain and Russia in the Eighteenth Century. Contacts and Comparasions. Newtonville, Mass., 1979.

Cross A. G. Anglo-Russian Relations in the Eighteens Century. Catalogue of an Exhibition. Norwich, 1977.

Cross A. Cambridge – some Russian Connections. An Inaugural Lection. Cambridge, 1987.

Cross A. G. A Russian Engineer in Eighteenth-Century Britain: The Journal of N. I. Korsakov, 1776–1777 // Slavonic and East European Review. 1987. LV. P. 1–20.

Cross A. G. Early Contacts of the Society of Arts with Russia // Journal of Royal Society of Arts. March, 1976. P. 204–207.

Grant M. Cambridge. London, 1966.

Hill E. In the Mind's Eye. The Memoirs of Dame Elizabeth Hill. Lewes, 1999.

Lydia Lopokova / Ed. by Milo Keynes. London, 1983.

Lydia and Maynard. Letters between Lydia Lopokova and Maynard Keynes / Ed. by P. Hill, R. Keynes. London, 1989.

Nikitin V. N., Suvorov P. I. Elements of Plane and Spherical Trigonometry. Written Originally in Russian, and Translated into English by the Authors. London, 1787.

Obolensky D. Bread of Exile. A Russian Family. London, 1999.

Okenfuss M. Russian Students in Europe in the Age of Peter the Great // The Eighteenth Century in Russia / Ed. by J. G. Garrard. Oxford, 1973.

Raverat G. Period Piece. A Cambridge Childhood. Cambridge, 1952.

Sampson A. Anatomy of Britain. London, 1965.

Shestakov V. Cambridge: a view from Moscow // Cambridge. The Magazine of the Cambridge Society. 2006. № 57. P. 17–18.

The Oxford Book of Oxford / Chosen and Edited by Jan Morris. Oxford; New York, 1987.

Leedham-Green E. A Conceive History of University of Cambridge. Cambridge, 1996.

Smith R. E. A Novelty: Russian at Birmingham University. Birmingham, 1987.

Wordsworth Ch. Scolae Academicae: Some Account of Studies at the English Universities in the Eighteenth Century. Cambridge, 1877.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адамс Д. 95, 96
Адденбрук Д. 101
Аддисон 158
Адриан, лорд 103
Айри Д. 96
Актон, лорд 107
Александр I, император 168,
186
Алексеев М. В. 250
Алексей Михайлович, царь
154
Алкок Дж. 53
Алмаzenов И. И. (Элмсон Д.)
154
Альберт, принц 69
Альфред, король 28
Андерсон Р. 20
Анджело Г. 129
Андропов Ю. В. 213
Анна, королева 108
Анреп Б. В. 191, 236, 240,
241
Анреп Г. В. 191, 241
Апплетон И. 89
Аристотель 19
Арнольд М. 72
Астон Ф. 89, 90, 92, 209
Ахматова А. А. 240, 241, 260,
266, 270
Бабкин Б. П. 191
Баженов В. И. 176
Базеви Дж. 62
Байков А. 252
Байрон Дж. Г. 31, 32, 52, 58,
68, 103, 110, 111, 124,
127–131
Бакст Л. С. 273
Бакунин М. 184
Барклай де Толли М. Б. 186
Барнет 29
Барокки Р. 225, 226
Бартолин 29
Бартолоцци Ф. 176, 177,
179
Батлер С. 134
Бахметев Ю. 171
Бахтин Н. М. 191, 197,
218–224, 231, 241, 252
Бахтин М. М. 218, 221, 223,
224, 241
Беверидж 29

- Безикович А. С. 11–13, 15,
100, 191, 196, 241–244,
258
- Бейли Д. 182
- Бекасси Ф. 138
- Белинский В. Г. 271
- Белл В. 138, 226, 227, 228,
230, 235, 237, 239
- Белл Дж. 71, 138
- Белл К. 138, 226, 229, 237,
239, 240
- Беллини Дж. 238
- Беллок Х. 37, 144
- Бельский М. И. 176, 178
- Беляев Н. 165
- Бентли Р. 68
- Бенуа А. Н. 30, 273
- Бенуа-Устинова Н. Л. 191
- Берг А. 190
- Бердяев Н. А. 219, 262, 269
- Беренсон Б. 238
- Беринг М. 247
- Берия Л. П. 213, 214
- Берлин И. 33, 34, 42, 233,
266, 269–272
- Бернал Д. 103
- Бетмен У. 46
- Бегчемен Д. 31, 35, 42, 71, 142
- Бецкой И. И. 178
- Бёрд 27
- Бёрн-Джонс 30, 41, 45
- Биделл Д. 152, 153
- Блейк 63
- Блескетт П. 89
- Блор Э. 255
- Блюментрост Л. 155
- Блэк Д. 163, 168
- Блэквил Б. 41
- Блэкстоун У. 164
- Блэр 167,
Блэр Т. 283
- Бовен В. 231
- Бодли Т. 41
- Бойд Б. 204
- Болдуин С. 208
- Бонди Г. 8, 10, 33, 64, 98,
243–245
- Бор Г. 242, 243, 245
- Бор Н. 92, 93, 207, 211
- Боудли Т. 27
- Боулт Д. 273
- Боуэн В. 228
- Боуэн Г. 228
- Бофорт М. 51, 67, 104, 111
- Браг Л. 69
- Брегг У. 89, 93
- Бродский Г. 190
- Броерс А. 65
- Броскетт Л. 105
- Броуд С. Д. 257
- Броуни У. 28
- Брук Р. 134–138
- Брунел И. 283
- Брэгг 215
- Брэдли Д. 157
- Брюллов К. 188
- Булгаков С. Н. 262
- Бунин И. 202, 250
- Бург Э. де, леди Клэр 46
- Бурстин Д. 37
- Буховецкий В. 159
- Быков М. 159
- Бэкон Р. 25
- Бэкон Ф. 117
- Бэллиол Дж. 36, 40
- Бэрнес 198
- Ватсон 261
- Веджвуд 109
- Вейдле В. В. 195
- Веллингтон А. 186
- Вергилий 29, 115

- Веронезе П. 63,
Виварес 176
Вико Д. 271
Виктория, королева 69
Винавер М. М. 192
Виноградов А. 189
Виноградов П. Г. 191, 192
Виттгенштейн Л. 7, 9, 33, 61,
69, 74, 220, 222, 223, 229,
231, 249, 257, 282
Во И. 30, 42, 73
Волконская З. 268
Воллет 176
Вольтер 126, 180
Вордсворт У. 68, 124–126,
131, 134, 142
Воронцов А. 166
Воронцов М. С. 255
Воронцов С. 166, 254
Врубель М. 218
Вульф В. 226–228, 230, 232,
237, 238, 240, 247, 248,
250, 276
Вульф Л. 226, 230, 237, 238,
247, 249, 276
- Гамов Г. 93
Гарвард Дж. 21, 68
Гарвей У. 68, 100, 101
Гардинер С. 200
Гарibaldi Д. 108
Гаррик 169
Гаррисон Э. 199, 203
Гейзенберг В. 93
Гейнсборо Т. 63, 172, 174, 187
Гексли Дж. 37
Гексли (Huxley) Т. 30
Генрих I, король 22
Генрих II, король 23
Генрих III, король 33, 49
Генрих V, король 24
- Генрих VI, король 34, 35, 49,
50, 51, 67
Генрих VII, король 34, 51, 67,
104, 111
Генрих VIII, король 25–27,
34, 50, 52, 54, 55, 68, 113,
259
Георг I, король 56, 105
Георг II, король 28
Георг III, король 172
Георг IV, король 179
Герд Д. А. 249
Гердер И. 271
Геруа Б. В.
Герц Г. 91
Герцен А. И. 184, 271
Гесиод 29
Гиббон Э. 130
Гиббс Дж. 58
Гилберт Г. 255, 256
Гилберт У. 68
Гилл Э. 208–210
Гилрей Д. 6
Гилмор Г. 99
Гиссон Ф. 101
Гитлер А. 143
Глазунов А. 189
Гоголь Н. В. 257
Годунов Борис, царь 31,
147–149, 151
Голд Т. 98
Голди М. 10
Голиков А. М. 163
Гомбрих Э. 5, 6
Гомер 29, 126
Гонвилл Э. 46
Гончарова Н. 240, 273
Гораций 29, 123
Городецкая Н. Д. 192, 194,
266, 267, 268
Горький А. М. 232, 247, 248

- Грант Д. 226, 228, 235, 237, 239
 Гребеншиков И. И. 163, 182
 Гревиль 113
 Грей Т. 105, 116, 119, 122–124
 Григорий 29
 Григорий Нисский 264
 Григорьев (Алфери) М. О. 149–153
 Грин Р. 53, 114
 Гроссетест Р. 23, 40
 Гроций 29
 Гроцин У. 25
 Грэм С. 246
 Грязев И. 153
 Гумилев Л. Н. 270

 Давыдов Д. 186
 Даддингтон 269
 Даддингтон (Эргель) Н. А. 268, 269
 Дадли Р., граф Лестер 26, 40
 Дайер Д. 132, 133
 Даллас Ч. 129
 Далтон Р. 172
 Данн У. 42
 Дарвин Г. 227
 Дарвин Ч. 6, 9, 10, 30, 61, 68, 69, 109, 126, 137, 225, 245, 282–284
 Даунинг Дж. 58
 Дашкова Е. Р. 165–170, 177, 181, 280
 Дашков П. М. 165, 167, 168
 Дворник Ф. 258
 Деворгуилла, принцесса 36, 37
 Демосфен 29
 Денисова М. И. 242, 243
 Дерен А. 276
 Десницкий С. 158, 163, 164, 182
 Дефо Д. 110, 119, 158

 Джадж П. 71
 Джаффи М. 62
 Джеймс Г. 7
 Джексон Д. 121
 Джемс, король 28, 116
 Джилберт У. 61
 Джоветт Б. 38
 Джон О. 235, 236, 240
 Джонс А. 134
 Джонсон Б. 110, 116
 Джонсон Э. 38, 209
 Диана, принцесса 283
 Дикинсон Э. 237
 Диоген Лаэртский 29
 Диодати К. 118
 Дирак П. 70, 93, 208
 Дойникова В. В. 242
 Донн Д. 110, 116
 Дорфман Я. 205
 Достоевский Ф. М. 232, 246, 262
 Доу Г. 187
 Доу Дж. 186, 187
 Доусинг У. 56
 Драйден Д. 7, 52, 116, 120
 Драйтон М. 116
 Дэвис С. 130
 Дэнс Д. 172, 174, 177
 Дю Белле 113
 Дягилев С. 224–226, 231, 232, 234, 235, 276

 Екатерина II, императрица 154, 156, 158–160, 162, 164, 165, 168, 178, 180–183, 280
 Елизавета I, королева 26, 27, 40, 52, 53, 111, 116, 147, 149, 150, 156, 283
 Елизавета Петровна, императрица 182

- Жиле Л. 268
Жуно 120
- Замятин Е. 250, 251
Зверев Е. 168
Зернов Н. М. 42, 194, 195,
197, 260–265, 267, 268
Зернова М. 264, 265, 267, 268
Зикарелли Ф. 172
Зюзин А. И. 152, 153
- Ибсен Г. 232, 234
Иван III, царь 148
Иван Грозный, царь 31
Иглтон Т. 223
Иисус Христос 34, 106, 209
Или Р. 50
Италинский А. Я. 170
Иоанн Дунс Скот 25
Иордан Ф. И.
Иоффе А. Ф. 205
Исократ 29
Ичард Дж. 57
Йейтс У. Б. 250
- Кавендиш У. 12, 14, 59, 69,
70, 89–92, 94, 139
Казарин Д. 149, 150, 151
Казнина О. А. 10, 204
Калашников М. 190, 199, 202
Кант И. 37, 100, 271
Кантабер, граф 111
Капица А. П. 213, 217
Капица П. Л. 7, 11, 12, 14,
59, 62, 70, 89, 92, 93, 196,
204–218, 231
Капица С. П. 213, 217
Карамзин Н. М. 181
Карл I, король 41, 155
Карл XII, король 236,
Карлейль Т. 107, 108
- Карсавина Т. 234
Картер Э. 111
Катаев В. 250
Качкаров В. 190
Кауфман А. 172, 177
Кейл 29
Кейнс Д. М. 7, 10, 11, 14,
16, 33, 62, 70, 109, 134,
225–227, 229–235, 237,
238, 245, 247, 275–279
Кейнс Д. 61, 134, 229
Кейнс Р. 8, 10, 13, 16, 214,
225, 231, 235, 243, 245,
286
Кейнс М. 231, 234
Келн Р. 103
Кеннеди Д. 271
Керенский А. Ф. 252
Кидд 261
Кинг Э. 119
Кингсли Ч. 106
Киплинг Р. 248
Кипренский О. 188
Кирилл 258
Кларк У. 129, 130
Клермонт К. 32
Кливленд, графиня 123
Ковалевский А. 189
Кожухов С. М. 149, 150, 152
Кокерелл С. 62
Кокрофт Дж. 9, 12, 15, 59,
70, 92–94, 207, 208, 214,
215, 282
Кокс У. 162
Колет Д. 25
Коллини С. 141
Кольридж С. 110, 119, 126,
127, 131, 132
Комаровский Б. 190
Комиссаржевский Ф. Ф. 191
Комов И. 162

- Комфорт А. 143
 Консетт Т. 157
 Коновалов С. А. 42, 191, 194,
 195, 197, 219, 251–253,
 266, 268
 Корнфорт Д. 138
 Корнфорт Ф. 134, 137, 138
 Корнфорт Ф. М. 220
 Корсаков Н. И. 160, 161
 Костомаров Ф. 149, 151
 Костюрин П. 157
 Кошелев И. 162
 Коули А. 116, 120,
 Коусли Ч. 6, 27
 Крамнер Т. 26
 Кривов А. 157, 182
 Крик Ф. 70, 71, 89, 103, 215
 Кромвель О. 6–7, 53, 56, 119,
 152, 153, 283
 Кропоткин П. 184
 Кросс Э. 7, 10, 148, 158, 161,
 182, 183, 194
 Кроули А. 134
 Ксенофонт 28
 Кульчицкий Н. К. 191
 Куммингс 198
 Куприн А. И. 202
 Куракин Б. И. 155
 Курто 229
 Кускова Е. 252
 Кусто С. 240
 Кутузов М. И. 186
 Кэйюс Д. 46, 100
 Кэннел Дж. 10
 Кэрролл Л. 7, 30, 32, 33, 38,
 41, 72, 73
 Кэткарт 158

 Ланжевен П. 91
 Ланкастер 249
 Лаппо-Данилевский А. 189

 Ларионов М. 273
 Ларсен Е. 94
 Латимер Х. 26
 Лауд У. 41
 Лаурман Э. Я. 206
 Лев Х, папа 50
 Леверье 96
 Левитинов А.
 Левшинов А. 159
 Ленин В. И. 191, 247
 Леонов М. 250
 Леонтьев К. 219
 Лидгейт Д. 111
 Лиддон 32
 Лили Д. 114, 116
 Лили У. 25
 Линдемманн Ф. А., лорд Чер-
 вилл 31
 Линней К. 36,
 Лихачев Д. С. 266
 Лобанов-Ростовский Н. Д.
 272, 273
 Локк Д. 29, 158
 Ломоносов М. В. 157
 Лонг Р. 95
 Лонгейр М. 98
 Лопухова (Лопокова) Л. 11,
 14, 224–235, 237, 240,
 247, 276
 Лосенко А. П. 176
 Лоуренс Т. 187
 Лоутребург 177
 Лубржинский М. 191, 199
 Лукиан 29, 115
 Льюис К. С. 30, 39, 265
 Лэм Ч. 126, 131–133

 Мазаччо 239
 Майский 231
 Мак-Таггард 139, 237
 Макалей Т. 69, 105–109

- Макмиллан Г. 37, 39
Максвелл Дж. 69, 90
Манби А. 144
Маргарита Анжуйская, королева 51
Мария, королева 26
Маркс К. 271
Марло К. 53, 110, 114, 115
Матвиевский С. 159
Мейендорф И. 259
Мейендорф Ф. 193
Меллон П. 179
Мельников-Печерский П. И. 200
Менделеев Д. И. 189, 212
Мередит Д. 108
Мережковский Д. 202, 219, 220, 269
Меррик Д. 149, 150
Мертон У. 33, 40
Мефодий 258
Мечников И. 189
Милдмей У. 54
Миллар Д. 163
Миллер П. 155, 157
Милн А. 7, 52, 134
Милюков П. 189
Мильтон Дж. 6, 31, 68, 103, 110, 116–120, 125, 131, 133, 138, 146–148
Мирский Д. 193
Михаил, царь 152
Михайловский Д. 259
Мозер 172
Молотов В. М. 213
Мольер Ж. Б. 232
Монд Л. 208
Мор Т. 25, 104
Морган П. 239
Морланд 121
Моррис У. 30, 31, 41, 45, 62, 209
Мортимер 177
Мосли О. 275
Мотт Н. 92, 93, 215
Мросовский В. 190
Мросовский П. 199
Мур Дж. 69, 139, 143, 237, 238, 282
Мур Н. 143
Муратов П. П. 194
Мэннинг Т. 132
Мэнсел У. 128
Мясин 225, 234, 235
Набоков В. Д. 198, 202
Набоков В. В. 7, 8, 70, 141, 191, 197–204, 220, 245, 250, 251, 254, 257
Набоков С. 201
Навилл Т. 52
Найт Л. 235,
Наполеон Бонапарт 31
Невилл С. 170, 171
Неелов В. И. 180, 181
Неелов П. В. 180, 181
Неелов И. В. 180, 181
Нежинский 225, 234
Нельсон Г. 283
Немчинова В. 226
Нидо М. 222
Никитин В. 159, 160, 162, 180, 182
Никитин Н. Н. 195, 196
Николай I, император 186, 187
Ницше Ф. 218, 219
Нортумберленд, граф 97
Ноулс Ч. 165,
Нэш Т. 110, 114, 115
Ньюмен А. 202
Ньютон И. 6, 29, 48, 54, 57, 61, 68, 88, 93, 95, 100, 121, 125, 162, 283, 284

- Оболенский Д. А. 254, 255
 Оболенский Д. Д. 11, 13, 15,
 193, 194, 197, 253–258,
 260, 266
 Овидий 29, 53, 115
 Оден У. 6, 31, 34, 138, 142,
 283
 Одли Т. 54
 Оккам У. 25
 Окланд Г. 30
 Олаф, король 37
 Олдингтон 248
 Оленина А. 187
 Олифант М. 205
 О'Нейл 186
 Орлов А. 162
 Оруэлл Дж. 251
 Отли Ч. 70

 Павлов И. 189, 241
 Павловский Ю. А. 191
 Паже Д. 102
 Пален А. фон 192
 Палмер С. 63
 Паркер Д. 109
 Паркер М. 46
 Паркер, епископ 115,
 Паркинсон Т. 163
 Парр 186
 Паскал Ф. 222
 Паскаль Б. 257
 Пастернак Б. 270
 Пастернак Л. О. 29–30, 42,
 191, 197
 Пастернак-Слейтер Л. Л. 191
 Пашков А. 190
 Пашков В. 190
 Пейс Р. 25
 Пенни Э. 172, 174
 Перутц М. 103, 215
 Петипа М. 234

 Петр I, царь 41, 154–158,
 262
 Петрарка Ф. 113
 Петров-Водкин К. 240
 Пикассо П. 235
 Пико делла Мирандола 25
 Пильняк 195
 Пиндар 126
 Пип С. 54
 Пипс С. 120, 121
 Писчеков Д. 171, 182
 Питт У. 46
 Плавт 53
 Плам Т. 95
 Пламб Д. 108
 Платон 126, 220
 Плещеев М. 158
 Плотин 126
 Погожев И. 153
 Полунин В. 235,
 Полунина Э. 235
 Порсон Р. 128
 Постников П. В. 155
 Пристли Д. Б. 102, 134, 250
 Проб, император 130,
 Пуршас С. 147, 148
 Пуффендорф 29
 Пушкин А. С. 187, 246, 259
 Пэнтлинг К. 220
 Пэрс Б. 252
 Пэттисон У. 120

 Раверат Г. 138
 Раверат Ж. Э. 134, 227
 Райл М. 89, 215
 Райт Т. 187
 Рассел Б. 6, 61, 69, 70, 74,
 109, 138–139, 230, 237,
 240
 Рафаэль 50
 Рачинский С. 165

- Редгрейв С. 179
Резерфорд Э. 7, 11, 12, 14, 15,
59, 61, 70, 89, 91–94, 196,
205, 206, 208–214, 217
Рейнольдс Дж. 35, 172, 174,
175, 177, 187
Рейнольдс Р. 148
Рени Г. 177
Ренн К. 34, 52, 54, 57, 58
Ренн М. 57
Ренуар О. 63
Рескин Дж. 30, 41
Рид К. 239
Ридли М. 148
Ридли Н. 26
Рили М. 98
Рис М. 71
Ричард Э. 85
Робертс Д. 282
Робертс У. 235
Робертсон У. 167, 168
Робеспьер 127
Робинсон Д. 62, 164–165,
167
Робинсон О. 229
Россетти К. 270
Ростовцев М. И. 191, 192
Рохаули 29
Рубенс П. 63
Руссо Ж.-Ж.
Рэлстон У. 185
Рэндолф Т. 147
- Салтон Д. 103
Санжер 139
Саннер Х. 39
Сантаяна Дж. 30
Сарьян М. 240
Саути Р. 126, 127, 131
Свиньин П. П. 183, 187
Свифт Д. 248
- Святополк-Мирский Д. П.
191, 194, 195, 245–250
Сезанн П. 63, 239, 276
Селвин Джон 59
Селвин Джордж 58
Семенов Н. 205
Сесил Д. 266
Сент Пол М., графиня Пем-
брук 46, 67
Сёра Ж. 276
Сидгвик Г. 58, 185
Сидгвик М. 185
Сидни Ф. 53, 113
Сили Д. 106, 107
Синельников К. Д. 216
Ситвелл О. 240
Сквайр П. 194
Скелтон Д. 112, 113
Скидельски Б. 274, 275
Скидельски Л. 274
Скидельски Р. Д. А. 197,
273–275, 279
Скидельски С. 275
Скородумов Г. И. 176–179
Скотт В. 188
Скотт Дж. 28
Смарт К. 116, 123, 124
Смит А. 163, 164
Смит Э. 8, 9, 42
Смолетт 248
Сноу Ч. П. 94, 134, 139–141
Соллогуб Н. 192, 194
Соловьев В. 262, 269
Сомов К. 30
Сорли Х. 138
Сорос Д. 284
Софокл 29
Спенс У. 208
Спенсер С. 31, 63
Спенсер Э. 53, 113, 120, 125
Спесивцева О. 225, 226

- Сполдинг Н. 263
 Сталин И. В. 70, 93, 213, 214, 216
 Стайнер Дж. 8
 Стендиш Р. 148
 Стенхоп Ф., граф Честерфилд 119
 Стерн Л. 119
 Степанов Ф. 178–180
 Степанов Ф. Ф. 179
 Степанов Д. 179, 180
 Стивен В. 237
 Стиль 158
 Стоун Н. 109
 Стрейчи Л. 226, 228, 237, 238
 Струве Г. П. 192, 194, 195, 249–251, 253
 Струве П. 189, 198, 249, 250
 Стюарт 257
 Суворов П. 159, 160, 162, 182
 Судейкин 273
 Сэвил (Сэвилль) Г. 33
 Сэмпсон Э. 72, 78, 82
 Сэмюел, лорд 37
 Сэндби П. 172, 174
 Сэндби Т. 172, 174
 Сэнджер Ф. 70, 71, 103

 Талли 27
 Тамаркин Ю. Д. 242
 Тамерлан 115
 Тассер Т. 113
 Тейлор Д. 92
 Теккерей У. 72
 Теннисон А. 7, 52, 68, 110, 124, 133–135
 Теннисон Ф. 133
 Теннисон Ч. 38, 133
 Теофраст 29
 Теренций 28
 Тимашев Г. 190

 Тимирязев К. 189
 Тиханов Г. 223
 Тициан 63
 Тойнби А. 37
 Толкиен Дж. Р. Р. 30, 42
 Толстой А. 198, 255
 Толстой Л. Н. 232, 266, 268
 Толстой-Милославский Д. 192
 Томсон Д. Д. 69, 89–92, 221
 Торвальдсен Б. 131
 Торрогуд У. 97
 Торуэлли Т. 145
 Тревилиан Дж. О. 106–109
 Третьяков И. 158, 163, 164
 Трефилова 226,
 Туллий 29
 Тунстелл К. 25
 Тургенев А. И. 183
 Тургенев Н. И. 183
 Тургенев И. С. 141, 185, 251
 Тюрин С. П. 191, 252

 Уайльд О. 30, 38, 73
 Уайтхед А. 139
 Уваров Б. П. 191
 Уиздом Д. 256
 Уикигем У. 24, 35,
 Уиклиф Д. 24, 33, 107
 Уилберфорс 30
 Уиллстроп Р. 96, 97
 Уилсон Д. 91
 Уилсон С. Т. Р. 92
 Уилсон Ф. М. 221
 Уилтон 29
 Уильям из Дарема 40
 Уильямсон Д. 160
 Уингейт 28
 Уинтроп А. 58
 Уинчестер, маркиза 118
 Уитфорд Р. 104

- Уокер Д. 151
Уоллис 28
Уолпол Х. 122, 166
Уолтон Э. 70, 93, 207
Уотсон Дж. 70, 71, 89, 103
Уэйл С. 174
Уэйнфлет У. 35,
Уэлл 29
Уэллер 120
Уэллс Г. 229, 230
Уэст Б. 172, 174, 177
Уэст Р. 122
- Фадеев А. 248
Фаррен Р. 66
Федин К. 250
Федор, царь 147
Феокрит 29
Фергюсон А. 165, 167
Филипп, принц 65
Фитцсимонс О. 10
Фитцуильям Р. 62
Фичино М. 25
Фишер Дж. 51, 104, 111
Флеминг А. 42
Флери Г. 42
Флетчер Г. 146–148
Флетчер Дж. 31, 115
Флоровский Г. В. 262
Флоувер Б. 127
Фокс Р. 25, 34
Форстер Е. М. 134, 226, 237
Форстер Э. 230
Фосли Д. 76
Фогий 258
Фоули Р. 92, 93
Фрай Р. 226, 230, 235,
237–240
Франк С. Л. 269
Френкель Я. 205
Фрэзер Дж. 9, 282
- Фукидид 29
Фюзели Г. 6
- Хадсон Т. 175
Хаксли О. 109, 237, 241, 248,
250, 251
Халкокондил Д. 25
Хамфри, граф Глостер 24, 26
Хантер У. 174
Харвей У. 61
Харви Г. 113
Харди Г. 243
Харди Д. 12, 15
Харитон Ю. Б. 216
Хатчисон Фр. 29, 163
Хевиш Э. 71, 89
Хейвуд Т. 114, 115
Хейгарт Д. 101
Хейли С. 101
Хейман Ф. 172
Херрод Р. 229
Хилл А. 70
Хилл М. 41
Хилл Т. 56
Хилл Э. 193, 252, 257, 258
Хиндри Д. 92
Хобсон 117, 118
Хогарт У. 63, 133, 181, 187,
232
Холроуд М. 228
Хомяков А. С. 184, 190, 262
Хопкинс Ж. 102
Хопкинс Ф. 70, 102, 282
Хорнсби Т. 159, 160, 162
Хоукинг С. 71, 98
Хоули Ф. 98
Хрущев И. 190
Хрущев Н. С. 213
Хью де Бальзам 45
Хью (Хьюз) Х. 208, 217
Хьюдж Д. 89, 210

- Хьюдж Т. 71
 Хэкмут Р. 147, 148
 Хэмел К., де 10
 Хэррисон Т. 39
- Цицерон 29
- Чаадаев П. Я. 183
 Чайковский П. И. 189
 Чаллис Д. 96
 Чедвик Д. 89, 92, 94, 207
 Чейн Э. 29
 Чейни Э. 42
 Чемберлен 20
 Чемберлен, лорд 116
 Черкасов А. И. 156
 Черкасов И. И. 156
 Черчилль У. 20, 107, 108, 214,
 215, 240, 255, 283, 284
 Чесменский А. А. 162
 Четвериков М. М. 157, 182
 Чехов А. П. 232, 234, 246
 Чиприане 177
 Чичель Г. 34
 Чосер Д. 110, 111, 112, 125,
 133, 135
 Чуковский К. И. 206, 213,
 266
 Чуковский Н. 198,
 Чюрлёнис М. 240
- Шама С. 109
 Шевченко И. 259
 Шекспир У. 6, 52, 107, 116,
 133, 148, 219, 227, 232,
 234, 248, 283
 Шелли П. 41
 Шеррингтон Ч. 103
 Шешковский И. 168
- Шёнберг Д. 207, 208, 216,
 218
 Шишуков И. 165
 Шкловский И. В. 191
 Шлеман А. 259
 Шолохов М. 250
 Шостакович Д. Д. 266
 Шоу Б. 39, 230
 Шпенглер О. 219
 Шредингер Э. 93
 Шубин Ф. И. 176
 Шувалов И. 175
 Шувалова М. 254
 Шуйский В. 149, 152
- Эвис Ч. 92
 Эвклид 19, 28
 Эврипид 29
 Эддингтон А. 96
 Эдисон А. С. 208
 Эдлестон Д. 128, 129
 Эдуард VI, король 26
 Эйнштейн А. 31, 96, 196
 Элиот Т. 226, 230
 Эллиотт Д. 171
 Эль Греко 35
 Эразм Роттердамский 6, 25,
 34, 51, 67, 104, 126
 Эшби К. 238
 Эшмоль Э. 29, 41
 Эштон Т. 122
- Ювенал 29
 Юворт Г. 143
 Юм Д. 271
- Якобсон Р. 252
 Яков I, король 153
 Ямвлих 126

